

К. З. ХАКИМОВА

КРЕСТЬЯНСТВО
БУХАРСКОГО
ЭМИРАТА
В КОНЦЕ
XIX-
начале
XXв.

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. З. Хакимова

КРЕСТЬЯНСТВО БУХАРСКОГО
ЭМИРАТА В КОНЦЕ XIX—
НАЧАЛЕ XX В.

(Социально-экономическое положение и движение
народных масс)

ТАШКЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1991

В монографии на основе изучения документов архива Канцелярии кушбеки эмира бухарского раскрывается тяжелое экономическое и правовое положение крестьянства, что вызывало социальный протест масс, приводило к росту крестьянского движения.

Автор впервые выдвигает проблему изучения на конкретном примере Бухарского эмирата так называемых мелких форм классовой борьбы — письменные жалобы на имя эмира, посылки ходоков с жалобами, бегство с насиженных мест в другие области или в соседние страны, открытый отказ от уплаты налогов и избиение сборщиков.

Для специалистов — историков и широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б. В. Лунин*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Р. Г. Мукминова*,
кандидат исторических наук *Х. Г. Гуламов*

X 0503020904—631 31—91 © Издательство «Фан» АН РУз, 1991 г.
M 355 (04)—91
ISBN 5—648—00882—1

ВВЕДЕНИЕ

В период перестройки, когда вопросы подъема экономики страны, и в первую очередь сельского хозяйства, являются первостепенными, изучение истории крестьянства приобретает особую актуальность.

Будучи самым многочисленным классом общества, крестьянство не только играло ведущую роль в экономике, но и выступало центральной фигурой в борьбе против различных форм феодальной эксплуатации.

Детальное изучение истории борьбы крестьянства Бухары и сопоставление с другими странами позволило увидеть в локальных и, казалось бы, уникальных явлениях бухарской действительности проявления общей закономерности. Так, крестьянство эмирата повторяло в своей борьбе те же формы крестьянских выступлений, которые прошли народы как Западной, так и Восточной Европы на определенном этапе развития.

Изучение документов архива эмиров Бухары привело нас к выводу, что обстановка в эмирата 70—90 годов XIX в. была очень далека от классового мира. Здесь накопилось огромное недовольство крестьян, повлекшее множество выступлений и восстаний. Борьба бухарских крестьян совместно с борьбой крестьянства Средней Азии и других окраин царской России, соединяясь с революционным движением рабочих и крестьян метрополии, способствовала назреванию революционной ситуации в стране.

Основным источником для настоящей работы послужили документы архивного фонда Канцелярии кушбеги эмира бухарского, хранящегося в ЦГА РУз. Этот фонд хронологически охватывает документы с 70-х годов XIX в. до конца существования эмирата, т.е. до 1920 г. В нем заинвентаризовано 87 563 документа, написанных арабской графикой на таджикско-персидском языке с большим количеством арабизмов. Документы фонда не датированы, за исключением переписки эмирской канцелярии с русскими властями и казийских документов. Только начиная с 1911 г., в связи с настойчивыми предложениями российского политического агента, бухарское правительство разослало по вилайетам указание о необходимости датировки документов и регистрации корреспонденции.

Нам пришлось провести большую работу по установлению времени написания недатированных документов фонда. Специальные исследования понадобились и для выяснения имен авторов, так как документы обычно не подписывались.

Собрание фонда в большинстве своем прежде всего представляют донесения (ариза) должностных лиц на имя эмира и кушбеги, реже диванбеги или казы-каляна. Необходимо отметить фрагментарность данных документов, а также тенденциозность в освещении событий. Ариза посылались эмиру из вилайетов эмирата должностными лицами, обычно правителями, казиями и раисами, реже амлякдарами. Они пытались представить положение в управляемой ими области в лучшем свете. Даже сообщая о крестьянских выступлениях, в официальной части донесения они помещали стандартную фразу о спокойствии в управляемых ими областях. Докладывая о крестьянах, выступавших против существующих порядков, старались представить их клеветниками, обманщиками и т. п.

Кроме ариза с мест, в фонде Концелярии кушбеги эмира бухарского имеется много налоговых реестров (дафтары, пайгиры), ведомостей на выплату жалования военным и гражданским чинам, а также значительное количество расходных документов двора. Большую группу документов (около 6 тысяч единиц хранения) составляет переписка кушбеги с Российским императорским политическим агентством по вопросам взимания штрафов и т. п. с бухарских граждан в пользу подданных России. Сохранились в фонде казийские документы на право владения недвижимостью, видимо, присланные кушбеги для подтверждения прав владения, о выдаче долговых сумм, заклады земель по ссудам, ярлыки эмиров Бухары о пожаловании чинов отдельным лицам и огромное количество эмирских грамот — мубарек-наме, которые, в сущности, должны были бы храниться у адресата. Таким образом, в фонде Концелярии кушбеги помимо документов, отложившихся в процессе деятельности самой канцелярии, хранятся также документы, принадлежащие другим фондобразователям.

Необходимо отметить, что в связи с переработкой описи Концелярии кушбеги эмира бухарского в ЦГА РУз многие документы, использованные нами в работе, в новой описи обнаружить не удалось, переводная таблица также не была составлена, поэтому ссылки даны по описи, составленной в 1961 г.

Кроме перечисленных, в данной работе использованы также документы Концелярии Туркестанского генерал-губернатора, Российского императорского политического агентства и др. В ф. И-1 Концелярии Туркестанского генерал-губернатора сохранились интересные данные как о социальной, так и политической истории Бухарского эмирата. С делопроизводственной точки зрения содержащиеся в этом фонде источники представляют собой доклады, рапорты, донесения различных путешественников и чиновников Туркестанскому генерал-губернатору обо всем интересном, что им

удалось увидеть. Много ценных сведений отложилось в фонде Российского императорского политического агентства в Бухаре (ф. И-3). Материалы его обстоятельно характеризуют как внутреннюю, так и внешнюю обстановку в Бухаре. Необходимо отметить весьма ценные докладные политических агентов Туркестанскому генерал-губернатору и правительству в Петербурге о положении дел в эмирата. Особый интерес представляют донесения бухарских разведчиков с мест, которые немедленно сообщались политическому агенту, в том числе и о вспыхнувших волнениях и восстаниях народных масс.

Нами изучались также документы фондов Дипломатического чиновника при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ф. И-2), Ферганского областного правления (ф. И-19), начальника Зарапшанского округа (ф. И-5) и др.

Помимо документальных материалов перечисленных выше фондов, хранящихся в Центральном государственном архиве Узбекистана, были использованы также документы Азиатской части главного штаба (ф. 400) Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА СССР), фонда «Среднеазиатский стол» Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального государственного исторического архива Ленинграда (ЦГИАЛ).

* * *

После поражения в войне с Россией Бухара признала русский протекторат. Это имело объективно прогрессивное значение, потому что Россия была экономически и культурно более развита. В Бухаре прекратились кровопролитные междоусобные войны, отсталая замкнутая экономика получила сильный стимул в усилении торговли.

Договором 1868 г. Бухара лишилась политической самостоятельности, став вассалом России. Она обязалась уплатить 500 000 руб. контрибуции, лишилась права ведения дипломатических взаимоотношений с иностранными государствами, а также части территории — районов Самарканда и Катта-Кургана. В результате присоединения верхней части долины Зарапшана к России Бухара утрачивала право распоряжаться ресурсами главной водной артерии эмирата, что вызывало недовольство населения. По договору русским купцам предоставлялось право свободной торговли, обеспечивался безопасный проезд через территорию эмирата. С русских купцов должна была взиматься та же пошлина, что и с бухарских, в размере 2,5 %. Одним из пунктов договора отменялись рабство и работторговля. Это имело большое прогрессивное значение.

Полунезависимые правители восточных областей, временами, подчинявшиеся то Коканду, то Бухаре, а иногда отвоевывавшие

себе независимость, после подчинения Бухары России решили отложитьсь от эмирата. Они поддержали старшего сына эмира Музаффара (1860—1885) Абдулмалика (Катта-тюрю), поднявшего мятеж против своего отца. Царевич Абдулмалик собрал вокруг себя всех недовольных эмиром Музаффаром — представителей духовенства, владетелей Шахрисабза и Китаба — Джура-бека и Баба-бека, а также полунезависимых владетелей Гиссара и Куляба.

Царевич Абдулмалик провозгласил себя в Гузаре эмиром. Вся восточная половина эмирата перешла на его сторону, «а все жители страны тайно или явно стремились к тюре»¹. Эмир был объявлен свергнутым, договор с Россией — противоречащим шариату.

Абдулмалик захватил Карши, один из его единомышленников — казахский царевич Сидик-тюря — занял Нурату и Кармине. Шахрисабзский и китабский беки изгнали эмирские войска из Чиракчи. Попытки эмира Музаффара разгромить войска Абдулмалика не принесли успеха. Эмир Музаффар был вынужден обратиться за помощью к России.

В России понимали, что мирный договор с Бухарским эмиратом мог действовать только в случае, если во главе Бухары останется эмир Музаффар. Поэтому Россия помогла эмиру разгромить войска Абдулмалика и подчинить Восточную Бухару. Осенью 1868 г. Абдулмалик, разбитый войсками генерал-майора Абрамова, ушел в Хорезм, но, не найдя там предполагаемого приема, бежал в Афганистан. Уходя, он выжег все посевы и уничтожил все кишлаки у Шерабада на берегу Амудары за то, что население этих районов не хотело следовать за ним. «Теперь вся эта местность представляет сухую равнину, изрезанную руслами бывших арыков»², — писал Н. Маев в своем рапорте о поездке в Бухару, Гиссар и Куляб. Так расплачивалось крестьянство за междоусобную борьбу за власть.

Тогда же, осенью 1868 г. была предпринята военная экспедиция в Шахрисабз, закончившаяся полным разгромом мятежных беков. Шахрисабзское и Китабское бекства торжественно были переданы для управления эмиру Бухары, как бы возмездая потери Самарканда и Катта-Кургана, отошедших к России.

После подчинения Кокандского и Хивинского ханств 23 сентября 1873 г. с Бухарой был подписан дополнительный договор, еще более урезавший права эмирата. Бухара признавала протекторат России, лишалась права вести самостоятельные внешние сношения с иностранными государствами. Были уточнены границы между Туркестанским генерал-губернаторством и Бухарским эмиратом. Российские товары получили право беспошлинного транзита через Бухару. Русским подданным в Бухаре предоставлялось право владеть недвижимостью так же, как и бухарцам на

¹ Сами Мирза-Абдал Азим. Тарих-и салатин-и мангитийа/Изд. Л. И. Епифановой. М., 1962. С. 97.

² ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 34, д. 236, л. 25а.

территории России. Россия брала обязательство охранять территориальную целостность эмирата от внутренних и внешних врагов. Бухарский эмир вынужден был принять продиктованные ему условия.

Внешне Бухара сохраняла видимость самостоятельности в глазах собственного народа. Во внутренней политике эмир был полновластным и бесконтрольным правителем, чеканил от своего имени монеты, имел свою армию, принимал русские посольства и т. п.

В конце XIX в. Бухара занимала территорию около 210 тыс. кв. км³ с населением в 1895 г. около 2 153 000 душ⁴. Эмирату принадлежали плодородные долины Зарафшана, Кашкадары и Сурхандары, горные области Куляба, Бальджуана, Гиссара, Карагина и Дарваза, а также земли, расположенные по правому берегу Амудары, в районах Чарджуя, Карши и Керки. После памирского разграничения к Бухаре были присоединены также земли Шугнана, Рошана и северной части Вахана.

В административно-территориальном отношении Бухарский эмирят делился на области, называемые вилайетами. Ими управляли назначаемые эмиром хакими или беки. Число вилайетов не было стабильным, в конце XIX в. их насчитывалось 26. Вилайеты подразделялись на административно-податные участки — амлякдарства во главе со сборщиками податей — амлякдарами. Особую территориальную единицу составляла столица эмирата — г. Бухара с прилегающими районами, называемыми туманами. В эмирате было несколько крупных городов: столица — Бухара, насчитывавшая свыше 80 тыс. жителей, а также центры областей — Шахрисабз, Карши, Гузар, Денау, Куляб, Бальджуан и т. д.

Из первоначальных русских поселений выросли новые города, наиболее крупными из которых стали Новая Бухара (Каган), Чарджуй, Керки и Патта-Кисар (Термез).

В национальном отношении узбеки, составлявшие немногим более половины населения эмирата, жили в обширных долинах Зарафшана, Кашкадары и Сурхандары. Таджики — почти треть населения — жили главным образом в долинах восточной части эмирата. По правому берегу Амудары, в районах Чарджуя, Керки, селились туркмены, главным занятием которых было скотоводство. Киргизы, занимаясь также в основном скотоводством, расселялись в горах Гиссарского хребта, в Карагинском, Кулябском и Бальджуанском вилайетах. В районе Кармина и Нураты сохранились поселения казахов и каракалпаков, в окрестностях Бухары и Карши — арабов. В городах жили среднеазиатские или бухарские евреи, иранцы, афганцы, индусы, цыгане и т. п. С воз-

³ Муляджанов И. Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1983. С. 118.

⁴ АВПР, ф. Среднеазиатский стол «Б», оп. 486, д. 162, л. 107.

никновением русских поселений появляется и русское население. Это были рабочие и служащие железнодорожных станций, войска различных пограничных постов, а также торговцы и служащие фирм и банков, владельцы промышленных предприятий.

В эмиратах преобладали оседлые земледельцы, но наряду с ними проживало кочевое и полукочевое население, занимавшееся как земледелием, так и скотоводством.

Бухара являлась отсталой феодальной монархией во главе с эмиром из Мангытской династии. Его власть держалась «вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоем экономической и всякой другой культуры»⁵. Основой власти как светских, так и духовных феодалов была собственность на землю. Во главе управления стоял первый сановник эмира — кулли-и кушбеги или кушбеги-и бола, в руках которого была сосредоточена распорядительная и исполнительная власть. В его ведении находились финансовое, судебное, военное ведомства. Финансовое ведомство возглавлял кушбеги-и поен, т. е. нижний кушбеги, поскольку проживал в нижней части бухарской крепости — Арке. Он же назывался закята-калон и ведал сбором различных налогов со всех вилайетов. Сумма доходов только от трех налогов составляла 8 400 000 руб., из них хараджа — 4 400 000 руб., закята — 2 500 000 руб., аминоны — 1 500 000 руб.⁶ Знаток бухарской жизни С. Айни считал, что доходы эмира от прямых и косвенных налогов, а также от разных «подарков» подвластных ему лиц достигали 30 млн руб. Эти средства расходовались на содержание армии — 1,5 млн руб., духовенства — 100 тыс. руб. и т. п., но основная часть шла на расходы эмира. Государственная казна не была отделена от его личной казны.

Судебные функции в эмиратах исполняло духовенство. Вершителями суда в вилайетах были казии, назначаемые эмиром. Казии вилайетов подчинялись казы-каляну, т. е. верховному казиу, который считался главой юрисдикции. Эмир как глава судебной власти лично разбирал социально опасные для феодалов дела по убийствам, разбоям, народным восстаниям. Обычными наказаниями преступникам, осмелившимся выступить против эмира или других представителей господствующего класса, были заключение в подземную тюрьму — зиндан, в клоповную яму, перерезывание горла, отсечение головы и т. д.

Следующими после казиев были раисы, функции которых заключались в наблюдении за точностью мер веса и длины на базарах, за соблюдением обрядов религии, знанием корана, посещениями мечети. Раисы осуществляли надзор за мечетями, мазарами, медресе, школами, за семейным правопорядком. Раисы вилайетов подчинялись ишану-раису Бухары, основная обязанность

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 180—181.

⁶ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 364, л. 23—24.

которого заключалась в поддержании порядка в городе через миршабов, выполняяших полицейские функции.

Военное ведомство возглавлял топчи-бashi ляшкар — командующий войсками и артиллерией. Опорой эмира и феодальной аристократии была армия, насчитывавшая в 1892 г. 11 400 пехотинцев, 400 кавалеристов, 620 артиллеристов с 151 орудием и 2 070 человек милиции (нукеров)⁷, содержание которой обходилось в 1 303 тыс. руб.⁸ Бухарская армия с каждым годом все больше приходила в упадок, офицеры не имели образования, учения проводились редко, вооружение было устаревшим. Сохраняя армию, царизм старался подчеркнуть перед лицом соседних государств независимость Бухарского эмирата.

В конце 1885 г. в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство. Это было вызвано необходимостью контроля за деятельностью эмира и его правительства. Все сношения Петербурга и Ташкента с эмиратором стали осуществляться через официального представителя царской России — политического агента. На него возлагалось управление русскими поселениями в пределах эмирата. По отношению к русским поселениям политический агент имел права генерал-губернатора. Политический агент был обязан защищать в Бухаре интересы представителей русской торгово-промышленной буржуазии. Все уголовные и гражданские дела, возникавшие между российскоподданными на территории Бухары, решались политическим агентом на основании «Положения об управлении Туркестанским краем» и законов Российской империи. Для разбора уголовных и гражданских дел, возникавших между российскими и бухарскими подданными, при политическом агентстве была организована специальная комиссия, которая по взаимному соглашению решала дела русского и бухарского представителей. Политический агент пользовался правом самостоятельного суда над бухарцами и правом требовать немедленного наказания каждого бухарца, осмелившегося ослушаться и не исполнившего требования русского правительства. Таким образом, это был орган проведения колониальной политики царской России в эмираторе. Русские власти через политического агента стали вмешиваться и во внутренние дела Бухары, например, в вопрос о наследнике престола, чеканке монет, установлении твердого курса танги, назначении на должности сановников и т. п. Россия стала диктовать эмиру свою волю. В Бухаре, так же, как и в Хиве, был сохранен протекторат. Из-за боязни внешнеполитических осложнений с Англией фактически они не были присоединены к России, но это не помешало превращению их в колонии царизма.

⁷ ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 22.

⁸ Там же.

Г л а в а I.

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Одной из важнейших проблем истории аграрных отношений является вопрос о собственности на землю. Как в дореволюционной, так и в советской литературе существуют различные толкования форм или категорий землевладения.

В советской историографии классификация категории землевладения для Средней Азии и Хорасана IX—X вв. была предложена А. Якубовским. Следует отметить, что категории или формы землевладения развивались медленно, на протяжении веков и, раз установившись, продолжали действовать вплоть до Октябрьской революции. Именно поэтому мы можем и для второй половины XIX в. воспользоваться классификацией земель, предложенной А. Ю. Якубовским. Это две параллельные схемы классификации по принадлежности земли и ее податному обложению.

По принадлежности земель А. Ю. Якубовский устанавливает три категории: 1) мильк-и султани, принадлежавшие государству; 2) мильк — земли частновладельческие и 3) вакф — земли, переданные в пользование мусульманским религиозным учреждениям¹.

И. П. Петрушевский, классифицируя категории феодальной собственности XVI—XVII вв. в Азербайджане и Армении, предложил поправку к схеме категории земель у мусульманских законоведов, а именно выделение в особую категорию условного бенефициального и ленного владения землею, которую мусульманское право относило к категории государственных земель².

Государственные земли. Государственные земли назывались в Бухарском эмирата амляковыми землями, мамляка-и султани, замин-и султани, замин-и падшахи и т. д.

«Документы показывают, что наибольшей распространностью на всей территории Бухарского эмирата пользовалась категория земель, обозначавшаяся термином «мемлекэ-и падшахи» или мамлекэ-и султани...»³.

Верховным собственником земель являлся глава государст-

¹ История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1947. С. 233—234.

² Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960. С. 235.

³ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954. С. 32.

ва — эмир, который рассматривался с точки зрения мусульманского права как «наместник Аллаха на земле».

Поскольку собственником земель считалось государство, фактические их владельцы — крестьяне были как бы временными арендаторами. Именно эту категорию земель имел в виду К. Маркс, говоря: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (крестьянам.— К. Х.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверенно, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе»⁴.

Вся территория государства в данном случае как бы общее владение всего правящего класса, получающего с крестьян ренту через своих финансовых чиновников.

Государственные земли формально нельзя было ни продавать, ни дарить, ни закладывать или обращать в вакф. Фактически же они и продавались, и покупались. Мусульманские законоведы делали при этом оговорку, что продается или покупается не сама земля, а то, что на ней создано трудом ее владельца, т. е. построено, посажено или снажено оросительными каналами.

Если еще в XVIII — первой половине XIX в. продажа земель как-то оговаривалась в купчих, то уже во второй половине XIX в. в связи с развитием товарно-денежных отношений оговорки различного рода постепенно исчезают из документов о продаже земель и религиозный закон становится фикцией.

П. П. Иванов на основе изучения документов джуйбарских шейхов делает вывод, что: «...скупка земель мемлекэ в больших размерах производилась и джуйбарскими шейхами, уже, очевидно, от своего имени предоставлявшими эти земли непосредственным производителям — крестьянам-издольщикам»⁵.

Таким образом, между собственником земли — государством и непосредственным производителем — крестьянином существовало еще промежуточное звено — крупные землевладельцы, что являлось дополнительным бременем для крестьян, поскольку помимо уплаты государственных налогов они должны были нести также дополнительные обязанности и по отношению к фактическому владельцу земли.

Сведений о количестве разных видов земель в Бухаре второй половины XIX в. не имеется, так как статистики в эмиратах не велось. Судя по данным бухарского Госплана, к 1920 г. насчитывалось 5010 земель категории амляк. Изучение документов помогает выяснить размеры амляковых земель, находящихся в пользовании крестьян. В фонде Канцелярии кушбеки хранятся грамо-

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 352.

⁵ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. С. 33.

ты о пожаловании различным должностным лицам в соответствии с чином доходов с земель в качестве танхо, в которых подробно перечисляются имена крестьян с указанием размера их землевладения. Так, в документе о пожаловании Хакириди чирогогаси 20 танабов⁶ обрабатываемой земли в местности Чуилчи поименно назывались имена крестьян, налоги с земель которых передавались в танхо. Рядом с именем указано количество земли в танабах. Так, Абдуназарбай владел 3 танабами, Рузи суфи — 2,5, Азизбай — 1,5, Султан суфи — 1,5, Абдулсумбай — 2, Сейид Амин ходжа — 2,5, Дустгирак — 2, Каримбай — 2, Юнусбай — 1,5, Зарифбай — 0,5 танаба⁷. Грамоты на пожалование части доходов с земель в танхо с конкретным указанием размеров крестьянских участков обнаружены также в ряде других дел⁸.

Подобные документы были опубликованы и О. Д. Чехович⁹.

О парцеллярности крестьянских участков свидетельствуют также пайиры — своеобразные исполнительные листы на право взимания налога. В пайирах конкретно перечислялись имена крестьян и сумма налога с каждого в отдельности, начиная с дахсира¹⁰ и полмана зерна и кончая 2—3 манами¹¹.

Документы фонда Канцелярии кушбеги о пожаловании права сбора налогов должностным лицам, а также пайиры раскрывают ничтожные размеры крестьянского землевладения. Кроме того, упомянутые документы о пожаловании танхо свидетельствуют, что амляковые земли служили фондом для раздачи земель должностным лицам в качестве различных вознаграждений за службу.

Площади амляковых земель могли расширяться за счет орошения пустующих или мертвых земель. Крестьяне, оросившие такие земли, освобождались государством от уплаты налога на несколько лет, после чего платили налоги в обычном, установленном в данной местности для государственных земель, порядке. Кроме того, эти земли пополнялись за счет конфискации у неблагодарных или провинившихся перед эмиром крупных феодалов, а также за счет имущества умерших, не имевших наследников, когда право наследования переходило к государству.

Одним из источников пополнения фонда государственных земель было возвращение отдельными крупными землевладельца-

⁶ Танаб или танап — единица измерения земельной площади, варьировавшаяся по областям в разных пределах. В Самарканде и Бухаре равнялась 600 кв. саж. или 2700 м² (Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во II половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963. С. 51).

⁷ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 191, л. 1.

⁸ Там же, д. 943, л. 4; д. 951, л. 1; д. 956, л. 1, 2.

⁹ Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954. С. 209.

¹⁰ Даҳсир — мера веса, равная 10 сирам или 80 фунтам.

¹¹ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 2, д. 743, л. 162, 331; д. 1070, л. 1; Ман (или батман) — мера веса. В Бухаре приравнивалась к 8 пудам, в Шерабаде и Байсуне — 9 пудам 24 фунтам, в Гиссаре — 12 пудам, в Кабадиане и Кургантюбе — 16 пудам, в Кулябе — 17 пудам 20 фунтам (ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 919, л. 17).

ми — феодалами государству части своих, обычно 2/3 лично им принадлежащих земель с тем, чтобы оставшаяся им 1/3 часть земли была совершенно освобождена, т. е. обелена от всяких налогов.

Виды или формы землевладения местного населения изучались после присоединения Средней Азии к России многими русскими учеными и чиновниками. Представители царской администрации преследовали свои цели для того, чтобы иметь представление о многообразии форм землевладения и сущности земельных, а следовательно и налоговых отношений.

Одним из первых изучением данного вопроса в начале 70-х годов прошлого века на базе Самаркандской области занимался Л. Н. Соболев. Он пришел к выводу, что с амляковых земель взимали обычную поземельную подать — харадж¹². Подобная же мысль была высказана М. Н. Ростиславовым, специально исследовавшим виды земельной собственности¹³. Но А. А. Семенов писал, что подати с амляковых земель были обременительнее, чем с хараджных. По его данным, налог с амляковых земель доходил до 40—50% урожая¹⁴.

В 1912 г. кушбеки Насрулла бий, один из представителей бухарской администрации, в письме на имя Российского императорского политического агента в Бухаре указывал, что в эмиратах существуют следующие виды земель: мильк-и хурр-и, мильк-и харадж, амляк и вакф¹⁵. Позднее в официальном ответе министра просвещения Бухарской Народной Советской Республики отмечалось, что наряду с амляковыми землями имелись также мильк-и хурр-и хараджи¹⁶.

В документах Канцелярии кушбеки наряду с термином мамляка или мамляка-и султани¹⁷, т. е. государственные земли, встречается и мильк-и хараджи, т. е. хараджные земли. Поэтому отрицание Н. А. Кисляковым и К. М. Мирзаевым хараджного землевладения, на наш взгляд, не выдерживает критики. Собрав об амляковой форме земельной собственности интересный материал, К. М. Мирзаев вместе с тем пришел к неверному выводу о том, что амляк был единственным видом феодального землевладения в Средней Азии, хотя и вынужден был признать, что в документальных материалах употребляется термин «мильк-и харадж»: «В то же время в обиходе населения ханства и в актах купли продажи те же самые участки земли — амляк в единственном числе — в противоположность землям мильк-и-хурр-и-халис называ-

¹² Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе//ЗИРГО. Т. IV. Спб., 1874. С. 317.

¹³ Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае//Труды III Международного съезда ориенталистов, 1876. Т. I. Спб., 1879—1880. С. 331.

¹⁴ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929. С. 25.

¹⁵ ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 441, л. 4.

¹⁶ ЦГА РУз, ф. Р-56, оп. 1, д. 441, л. 4.

¹⁷ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 944, л. 39 и др.

лись «мильк-и хераджи» или хераджные земли, т. е. земли, за которые надлежит платить херадж государству¹⁸. Признавая существование термина «милк-и хараджи», К. М. Мирзаев отождествляет их с амляковыми землями, ссылаясь на то, что слово «амляк» — арабское «мильк» во множественном числе, но эти слова давно переросли свое первоначальное значение.

Мильковые земли. Мильк (мульк) определяется И. П. Петрушевским как безусловная недвижимая собственность, свободно передаваемая по наследству и отчуждаемая, не связанная со служебной государству¹⁹.

Вопрос о мильках весьма сложен. Еще А. П. Хорошхин отмечал, что толкования о происхождении мильков весьма разнообразны²⁰. Л. Н. Соболев считал, что мильк «означает владение», и называл следующие категории земель в Зарафшанской долине: «амляк, вакуф, мильки-хараджи, мильки ушри и мильки хурри холис»²¹.

М. Н. Ростиславов, изучивший поземельный вопрос в Средней Азии по местным богословским сочинениям, указывал на существование двух родов мильковых земель: мильк-и хурр или хурр-и халис и мильк-и хараджи. Последние он в свою очередь делил на ушри и дахъяк. Несмотря на то, что эти термины означают одно по-арабски, а другое по-персидски одну десятую часть, т. е. десятину, они, по его мнению, существенно разнятся между собой²².

А. А. Семенов писал, что все мильковые земли делятся на три вида: мильк-и хурри, мильк-и хераджи и мильк-и ушри²³.

Таким образом, все упомянутые исследователи полагали, что наряду с обеленными от налогов мильками хурр или хурр-и халис существовали также облагаемые мильки, называемые мильк-и харадж и мильк-и ушр или дахъяк.

К такому же выводу пришел Р. Н. Набиев, изучивший документы по истории землевладения в Кокандском ханстве XIV—XVII вв. Он считал, что не все земли, проданные или пожалованные верховным правителем частным лицам в виде милька, были безусловной собственностью и освобождались от налогов²⁴.

В архивных документах также прослеживается разница меж-

¹⁸ Мирзаев К. М. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954. С. 4.

¹⁹ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. С. 251.

²⁰ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб., 1886. С. 167—168.

²¹ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. С. 317.

²² Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. С. 332.

²³ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. С. 24.

²⁴ Набиев Р. Н. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII вв. // Известия АН УзССР. 1960. № 3. С. 30.

ду обеленными от налогов землями феодалов и облагаемыми землями крестьян. Так, в дополнении к докладу Назарата земледелия Бухарской Народной Советской Республики указано, что... «Почти все земли БНСР до революции считались государственными и находились в полном распоряжении эмира, который раздавал их своим приближенным. Земли эти назывались «мюльк-хур». Земли, находящиеся в пользовании дехканства, были разделены на следующие 3 категории: 1) мюльк-херадж, 2) амляк и 3) вакуфы»²⁵.

Обеленные частнособственнические земли или так называемые мильк-и хурр или мильк-и халис являлись собственностью отдельных феодалов. Эти земли образовались, как полагает Н. А. Кисляков, еще тогда, «..когда родоплеменная кочевая знать узурпировала земли, бывшие ранее в общественной собственности»²⁶. В XVII—XVIII вв., в период усиления феодальной раздробленности образование мильк-и хурр происходило за счет обеления земель путем превращения ленных пожалований, за определенное возмещение в не облагаемые налогом земли.

Обеление земель всегда сопровождалось выдачей грамоты от имени правящего эмира владельцу мильк-и хурр.

П. П. Иванов подробно описал передачу владельцем в распоряжение государства 3/4 земель, чтобы оставшаяся 1/4 часть превратилась в обеленное от налогов мильк-и хурр²⁷. Он рассматривал подобные сделки как «одновременную уплату собственником милька всех причитающихся с него в пользу государства налогов и ренты вперед на все следующее время»²⁸. Интересные данные приведены О. Д. Чехович: Ходжа-Кули парваначи купил у Абдулфайз хана 780 танабов государственной земли в бухарском тумане Самджин за один экземпляр корана и отказал в казну 520 танабов из этой земли в возмещение подати, полагающейся с остальных 260 танабов, которые, таким образом, превратились в обеленное имение²⁹.

Таков и акт купли и обеления имения Мухаммад Аминбая тупчибashi на приобретение у эмира Хайдара 50 танабов земли в местности Тухмиравон бухарского тумана Хутфар за 50 ашрафи и отказа в казну земли Тухмиравон в возмещение податей с 50 танабов земли Армиджан, которые, таким образом, превратились в обеленное имение³⁰.

Е. А. Давидович на основе изучения документальных источников предложила новое определение мильковых земель как нераз-

²⁵ ЦГА РУз, ф. И-51, оп. 1, д. 97, л. 37.

²⁶ Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.—Л., 1962. С. 88.

²⁷ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов... С. 45.

²⁸ Там же.

²⁹ Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. С. 116.

³⁰ Там же. С. 184.

дельной феодальной собственности двух совладельцев: частных лиц и государства³¹. Два совладельца делили ренту с этих земель, но могли разделить и самую землю пропорционально долям ренты³². При таких разделах мильковой земли одна его часть переходила в категорию государственных земель (мамляк-и падшахи), другая же превращалась в категорию частнособственных земель хурр-и халис³³.

По мнению О. Д. Чехович, наибольшее число сделок по образованию обеленных имений совершалось в XVII—XVIII вв., вплоть до первой половины XIX в. Отсутствие сведений об образовании обеленных имений в дальнейшем, в XIX в., объясняется, видимо, централизаторской политикой мангитской династии, насаждавшей условное землевладение танхо³⁴.

И действительно, в архиве Кушбеки эмира бухарского, относящегося ко второй половине XIX в., мы не обнаружили подобных документов, но зато там сохранилось много данных о выдаче за службу должностным лицам танхо.

Судя по документам фонда бухарского Госплана за 1920 г., ко времени народной революции в Бухаре насчитывалось 10,2% земель мильк-и хурр³⁵.

Мильк-и харадж находились в пользовании крестьянского населения. Владельцы этих земель имели право свободно продавать их, дарить или закладывать. Поземельный налог с них взимали в пределах от 1/3 до 1/5 доли урожая, в зависимости от установившегося обычая (таамул-и кадим). В конце XIX в. этот налог составлял 40% урожая и выше.

С земель мильк-и ушр, так же как и с земель дахъяк, налог взимался в размере 1/10 части урожая. Суммы налога с дахъяк шли на содержание студентов медресе в качестве стипендии, на содержание чтецов корана при дворце эмира и на другие благотворительные цели.

Земель мильк-и харадж ко времени народной революции в Бухаре насчитывалось 15%³⁶.

Вакфные земли. Они составляли особую категорию, образованную путем пожертвований или завещания земельных участков в пользу отдельных духовных учреждений — мечетей, мазаров, ханако, медресе, а иногда в пользу потомков учредителей вакфа и т. д.

³¹ Давидович Е. А. Рецензия на книгу П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов». М.—Л., 1954//Советская этнография. 1955. № 3. С. 188—190.

³² Давидович Е. А. История монетного дела в Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964. С. 207.

³³ Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в.//Известия ООН ТаджССР. Вып. 1(24), 1961. С. 29—30.

³⁴ Чехович О. Д. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв.//Проблемы источниковедения. IV. М., 1955. С. 241.

³⁵ ЦГА РУз, ф. Р-50, оп. 1, д. 7, л. 53.

³⁶ Там же.

Доходы от указанных земель поступали в распоряжение мутаввали, назначавшегося на эту должность обычно из потомков вакфодателя, который должен был распределять доходы в соответствии с условиями вакфного документа. Официально продажа вакфных земель была запрещена, но фактически они продавались и покупались. Причем, если в документах XVI—XVII вв. продажа данных земель оговаривалась какой-либо особой причиной, или указывалось, что продается не сама земля, а сукнийат, т. е. посевы, посадки деревьев, оросительные каналы, постройки и т. д., то к концу XIX в. подобные оговорки во многих запродажных постепенно исчезают и прямо пишется о продаже вакфной земли³⁷. Вакфные земли, с которых взимались налоги в пользу государства, так же как всякие облагаемые налогом земли, подлежали предварительной оценке для определения суммы будущего налога. Так, казий мулла Казиходжа сдур в 1863/64 гг. просил прислать человека для определения налога с вакфных земель³⁸.

При изучении документов фонда Канцелярии кушбеги нам встретились донесения эмиру о сборе и отправке налоговых сумм, в частности, хараджа, с вакфных земель³⁹. Подобные документы имеются также в ф. И-323 («Коллекция вакфных документов»), только за более ранние сроки. Так, в условии вакфной грамоты, составленной в 923 г. х. (1517 г.), указывалось об уплате «государственных налогов, в частности, хараджа, танабана и дахъяка...»⁴⁰. О необходимости уплаты государственного налога с вакфных земель говорят и другие документы этой коллекции⁴¹.

О взимании налогов с вакфных земель писали Н. А. Кисляков, Е. А. Давидович и О. Д. Чехович.

Н. А. Кисляков считал налогообложение вакфных земель зависящим от категории земель, которые были завещаны в вакф. Если феодал завещал в вакф обеленный мильк, то налоги с такого вакфа целиком шли в пользу вакфного учреждения или потомков вакфодателя, если же завещалась амляковая земля, она не освобождалась от обложения в пользу государства⁴². Е. А. Давидович указывала, что в некоторых вакфных грамотах XVI в. при определении порядка расходования доходов особо подчеркивалась необходимость прежде всего уплатить то, что причитается государству⁴³. Подобную оговорку имеют вакфнома Ходжи Ахара мавзолея Ишратхана в XV в., что отмечено О. Д. Чехович⁴⁴.

Следовательно, точка зрения упомянутых исследователей в

³⁷ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 2005, л. 15, 35—36; д. 2006, л. 58.

³⁸ Там же, д. 1250, л. 1.

³⁹ Там же, д. 1522, л. 1; д. 1080, л. 23.

⁴⁰ Там же, ф. И-323; д. 760.

⁴¹ Там же, д. 669, 1055, 135.

⁴² Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения... С. 98.

⁴³ Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений... С. 33.

⁴⁴ Чехович О. Д. Новая коллекция документов по истории Узбекистана //Исторические записки. Вып. 36. М., 1961. С. 263.

отношении отчисления части доходов с завещанных в вакф государственных земель в XVI—XIX вв. подтверждается и для второй половины XIX — начала XX в. данными документов фонда Канцелярии кушбеги эмира бухарского.

Ко времени народной революции в Бухаре насчитывалось до 24,2% вакфных земель⁴⁵.

Танхо. Это феодальный институт ленного пожалования. В раннем средневековье он назывался икта, в тимуридскую эпоху — суюргал. Начиная с XVI в., условное земельное пожалование должностным лицам за службу встречается под названием танхо.

Танхо начало распространяться в период правления династии Шейбанидов (1501—1599). Первоначально танхо напоминало суюргал и способствовало феодализации военной знати. Но раздача огромного количества земель ослабила правительство и привела к гибели Шейбани-хана. Аштарханиды (1599—1756) продолжали раздачу танхо. Особенно оно распространялось в период правления Мангитской династии, при эмирах Хайдаре (1800—1826) и Насрулле (1826—1860). При эмире Хайдаре в танхо включались доходы с земель, караван-сараев, мельниц и т. п. Возросший чиновничий аппарат требовал больших расходов, денег не хватало, поэтому эмир Хайдар стал широко практиковать раздачу феодалам земли при условии содержания определенного количества воинов. Но оборотной стороной этого процесса было стремление сделать танхо наследственным, усилить власть феодалов, способствовать распаду государства на ряд независимых владений.

Ко второй половине XIX в. усилилась централизация власти, а это повлекло за собой ликвидацию феодальной раздробленности. Эмир Насрулла решился на конфискацию имущества той родовой знати, которая не повиновалась ему. Из конфискованных земель он обеспечивал своим сторонникам земельные пожалования на правах временного владения и только при условии службы, взамен жалования или в дополнение к получаемому довольствию (улюфа).

При эмире Музafferе (1860—1885), когда была присоединена Восточная Бухара, танхо стало распространяться и в этих отдаленных горных районах.

Последние бухарские эмиры Абдалахад-хан (1885—1910) и Алим-хан (1910—1920) продолжали раздавать чины и соответственно пожалования танхо.

Обычно чиновники или военные, получив новые назначения, обращались к эмиру с ходатайством о пожаловании им танхо. При этом обязательно указывалось количество получаемого улюфа, которое было весьма внушительным. Так, туксаба получали по 80 ман зерна, т. е. от 640 до 960 пудов⁴⁶, миракхуры — 50—60 ман, караулбеки — 40—50 ман, джибачи — 28—30 ман, мирза:

⁴⁵ ЦГА РУз, ф. Р-59, оп. 1, д. 7, л. 53.

⁴⁶ Пуд равен 16 кг.

бashi — 24 ман, чехра огаси — 18—20 ман, баходур — 10 ман. Улюфа обычно выдавали натурой, хотя были случаи, когда выплачивали деньгами⁴⁷, а иногда даже в виде доходов с земель. Так, в одном из документов сказано, что «...1/4 коша⁴⁸ земли Ильям Назара аксакала в местности Уйман передано Мулла Худайберган караулбеки юзбashi в качестве улюфа»⁴⁹.

Установить какую-либо норму выдачи земель в танхо чиновникам нам не удалось. Из документов следует, что туксаба в одном случае получил в танхо 500 танапов⁵⁰, в другом — 250 танапов⁵¹. Один миракур имел 147 танапов земли⁵², второй — 60 танапов⁵³, третий — 100 танапов⁵⁴, один эшикагабаши владел 250 танапами⁵⁵, другой — 600 танапами земли⁵⁶. Размеры пожалований зависели, видимо, от орошаемости и доходности земель, а также от влиятельности и занимаемого положения того или иного чиновника⁵⁷.

При наделении землей использовались различные единицы измерения — танапы и коши. В Восточной Бухаре землю измеряли также кошами, но чаще количеством хозяйств, отденных в танхобына.

Наряду с незначительными земельными пожалованиями в танхо рядовым нукерам, обозначавшимися термином «сахм» (часть, небольшой участок), встречались большие земельные пожалования. Так, Абдусаттар бек бий дадха имел в танхо 1000 танапов земли⁵⁸, Садык бек бий владел 1330 танапами⁵⁹, сумма дохода с танхо Турабкула бия диванбеки составляла 40 тыс. танга⁶⁰. Встречаются случаи передачи целых селений в танхо. Так, Авлякул бек бий имел в качестве танхо селение Пайкент⁶¹.

Как только должностное лицо переставало служить (по старости или другим причинам), танхо сразу же отбиралось. Известно, например, о том, что землю отобрали у нукера, прослужившего эмиру 37 лет⁶².

После смерти отца — владельца танхо, сыновья обычно ходатайствовали перед эмиром о назначении их на должность. Если

⁴⁷ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 195, л. 52.

⁴⁸ Кош земли равнялся 43 танапам, отсюда 1/4 коша составляла примерно 10,7 танапа (ЦГА, РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 195, л. 48).

⁴⁹ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 820, л. 42.

⁵⁰ Там же, д. 82, л. 29.

⁵¹ Там же, д. 944, л. 8.

⁵² Там же, д. 195, л. 1.

⁵³ Там же, д. 200, л. 1.

⁵⁴ Там же, д. 92, л. 29.

⁵⁵ Там же, д. 82, л. 29.

⁵⁶ Там же, д. 195, л. 1.

⁵⁷ Там же, д. 947, л. 14.

⁵⁸ Там же, д. 1487, л. 1.

⁵⁹ Там же, д. 191, л. 8.

⁶⁰ Там же, д. 1546, л. 17.

⁶¹ Там же, д. 1549, л. 1.

⁶² Там же, д. 944, л. 58.

танхо было небольшое, сыну могли его передать, но если отец владел большим танхо, то сыну, соответственно его должности, давали только часть этого танхо.

В случае смерти владельцев танхо больше всего страдали крестьяне, обрабатывающие эти земли. Тотчас за смертью танхура амлякдара начинали взыскивать с его земель налоги, как с государственных, не считаясь с тем, что налог с крестьян уже был собран умершим владельцем танхо. Сохранилось много жалоб на амлякдаров, взыскивающих повторно налоги с крестьян, обрабатывавших земли танхо.

Наряду с улофа и танхо военным жаловали также танабана как денежное вознаграждение. Танабана встречается также как земельное пожалование⁶³.

Из документов Канцелярии кушбеки эмира бухарского мы узнаем, что в танхо обычно передавали амляковые земли. Так, в одном из донесений отмечается, что дадха, получив танхо, поручил своему уполномоченному взимать налоги с обрабатывающих эти земли крестьян как с государственных земель⁶⁴. Из другого документа мы узнаем о жалобе крестьян на то, что их земли были издавна хараджевыми, а теперь переданы в танхо⁶⁵. Жалоба, видимо, возникла потому, что раздача хараджевых земель в танхо обычно не практиковалась.

Н. А. Кисляков считает, что в танхо могла быть дана лишь амляковая земля, иногда выморочная, необработанная, иногда же земля, которой владели обрабатывающие ее крестьяне⁶⁶. Были случаи передачи в танхо и вакфных земель. Возможно, в отдельных случаях в танхо могли быть переданы и мильковые земли, о которых писала Е. А. Давидович⁶⁷. А. А. Семенов подробно охарактеризовал положение крестьян, земли которых попали в танхо к феодалу. Они весьма часто (а в горных вилайетах всегда) превращались в бесправных рабов танходаров. Крестьяне не только вносили своему танходару установленные сборы, но также выполняли для него всевозможные работы по хозяйству, а их жены и дочери стирали белье для семьи танходара, готовили пищу, прислуживали по дому и т. п.

Отдельные должностные лица, владельцы небольших танхо, не желая входить в контакты с обрабатывающими эти земли крестьянами, передавали сразу же танхо амлякдарам с условием ежегодной выплаты им определенной суммы. Так, Раджаб баходур из нукеров имел танхо в 30 танапов, которые отдал амлякдру с условием ежегодной выплаты 125 танга⁶⁸. В фонде Канце-

⁶³ Там же, д. 1373, л. 8.

⁶⁴ Там же, д. 944, л. 43.

⁶⁵ Там же, л. 39.

⁶⁶ Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения... С. 95.

⁶⁷ Давидович Е. А. История монетного дела в Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964. С. 203—208.

⁶⁸ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 193, л. 1032, л. 11.

лярии кушбеги сохранилось много жалоб на амлякдаров, которые (в связи с отсутствием у владельца грамоты на танху, по случаю прекращения службы или смерти владельца танху) сразу же начинали взыскивать с живущих на землях танху крестьян налоги, как с амляковых земель, хотя налоги уже были взысканы владельцем.

Владетели крупных танху, различные сановники, военачальники сами хозяйство не вели, они жили в Бухаре, поручая своим уполномоченным взимать налоги.

После установления протектората России в Бухарском эмирата начали быстро развиваться товарно-денежные отношения. Крупные владельцы танху стали продавать право сбора налогов со своих земель арендаторам-ростовщикам. Очень часто арендаторы в свою очередь сдавали право сбора налога с танху субарендаторам. Танху сдавались в аренду ежегодно, причём даже несмотря на получение аванса, танходар мог сдать его другому, предложившему больше денег. К. М. Мирзаев совершенно справедливо отмечает, что «...система сдачи в аренду права сбора ренты фактически являлась актом продажи земли вместе с живущими на ней дехканами»⁶⁹.

Положение крестьян, земли которых были переданы в танху или сданы в аренду, ухудшилось. Арендаторы, взимая налоги, пытались собрать значительно больше, чем владелец танху, поскольку им надо было не только уплатить за аренду, но и получить самим определенный доход.

Говоря о формах землевладения, необходимо отметить, что в этом плане Восточная Бухара несколько отличалась от западной части эмирата. Государственные земли там назывались замин-и шахи или замин-и мири⁷⁰. Эти земли находились в распоряжении местного правителя — бека или мира и амлякдара. Отсюда и налоги поступали в пользу местного правителя и частично амлякдара. Мирские или шахские земли составляли наиболее плодородные, лучшие участки. Эти земли обрабатывались принудительно крестьянами, которых сгоняли на хашар.

М. Р. Рахимов указывает, что количество мирской земли увеличивалось вследствие захвата наилучших крестьянских земель как «законно» оформленной их продажи⁷¹. Количество вакфных земель в Восточной Бухаре было незначительно и здесь их чаще называли замин-и мазори.

Мильковые земли в зависимости от способа приобретения назывались мильк-и падори (отцовское владение), мильк-и бобиги

⁶⁹ Мирзаев К. М. Танху как разновидность феодального землевладения в Бухарском ханстве//Труды Института экономики. Вып. 3. Ташкент, 1952. С. 20.

⁷⁰ Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период//Труды АН Таджикской ССР. Т. XI. Душанбе, 1957. С. 90.

⁷¹ Кисляков Н. А. Очерки по истории Карагатина. Душанбе, 1954. С. 154.

(дедовское владение), мильк-и мироси или мавруси (наследственное владение) и т. д.⁷² Если мильк не был освобожден от налогов, обрабатывавшие его крестьяне платили миру ушр — 1/10 часть урожая.

Танхо в Восточной Бухаре также имело свою специфику. Чиновники здесь получали танхо от правителей областей за дорогие подарки. Если в танхо были даны бедные крестьянские хозяйства на неплодородной земле, чиновник вновь преподносил подарки, чтобы получить более доходные участки. В фонде Канцелярии кушбеги сохранились документы о получении правителями подобных подарков. Так, правитель Дарваза Мухаммад Назир бек бий «пожаловал» Ша-Маджнуну кишлак с 45 крестьянскими хозяйствами, получив при этом лошадь, 600 танга⁷³, шубу стоимостью 500 танга и часы стоимостью 2000 танга⁷⁴. Получив танхо, такой танходар, конечно, изыскивал любую возможность, чтобы возместить потраченную сумму.

Говоря о танхо в Восточной Бухаре, следует отметить, что положение крестьян, обрабатывавших эти земли, было очень тяжелым, намного хуже, чем в западной части эмирата. Они были полностью зависимы от владельцев танхо: работали под видом хашара у него на полях, выполняли всю домашнюю работу. Крестьяне не могли уйти на заработки без его разрешения и даже раздел имущества после смерти крестьянина не обходился без участия танходара. Крупные феодалы использовали крестьян на строительстве собственных домов, хлевов для скота, заготовках дров и перевозке камней, кирпича и т. д.⁷⁵

Помимо пахотных земель, которых в Восточной Бухаре было мало, а незначительные участки были разбросаны на склонах гор, взамен доходов с земель стали выделять в качестве танхо определенное количество домовладений — буна или бына. Они и содержали своих танходаров, становясь фактически их рабами. Размеры бына были прямо пропорциональны чину владельца танхо — чем выше чин, тем больше бына. У одних было одно или несколько селений, у других — от двух до пяти семей⁷⁶.

Прав Б. Г. Гафуров, рассматривая институт танхо в Восточной Бухаре как фактическую форму крепостной зависимости крестьян от феодалов — танходаров⁷⁷.

Н. А. Кисляков считал, что феодал, получивший танхо в западных районах эмирата, не пользовался такой властью над непосредственным производителем, как это имело место в Восточ-

⁷² Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингу... С. 92.

⁷³ Танга — бухарская серебряная монета. После установления протектората России курс танги равнялся 20 коп. (ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 140, л. 244), с 1901 г. — 15 коп.

⁷⁴ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 944, л. 18.

⁷⁵ Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингу... С. 138.

⁷⁶ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. С. 12.

⁷⁷ Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Т. I. М., 1955. С. 404.

ной Бухаре, поскольку он получал только установленный налог⁷⁸. Однако и в западных районах эмирата положение непосредственных производителей, сидящих на землях танхо, было достаточно тяжелым. Так, Абдурасул туксаба сообщал эмиру от имени Биби Арифа, что она живет в кишлаке Самирджан тумана Харканруд и является «каранда» в танхо Мумин бека дживачи. Биби Арифа жалуется, что уплатила владельцу танхо налоги и с урожая посевов, и с урожая деревьев внутри двора. Теперь танхохур требует платы за дом, хотя с давних времен никто платы за дом с нее не брал⁷⁹.

Подводя итог сказанному, констатируем, что во второй половине XIX — начале XX в. характер танхо меняется. В танхо стали выдавать земли уже сравнительно небольшими участками, только за службу. С прекращением службы или в связи со смертью чиновника танхо немедленно отбирали. Как правило, танхо выдавали из государственных земель. Крупные феодалы, получившие танхо, жестоко эксплуатировали своих крестьян. В Восточной Бухаре можно говорить о крепостной зависимости крестьян, обрабатывавших эти земли. Крупные феодалы, которые сами не занимались хозяйством, все чаще сдавали землю в аренду, причем тем, кто больше предложит денег. Система сдачи танхо в аренду или субаренду усугубляла и без того тяжелое положение крестьян, поскольку арендатор, не надеясь получить это танхо на следующий год, пытался собрать с крестьян не только сумму в счет аренды, но дополнительно и за свои «хлопоты». Земли танхо постепенно становились объектом бойкой продажи, что свидетельствовало о разложении основ феодального общества.

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Бухарский эмирят был типичной аграрной страной, где основным занятием населения были земледелие и скотоводство. Самым многочисленным классом бухарского общества было крестьянство, составлявшее до 85% населения и владевшее лишь 15% всех земель⁸⁰. Поэтому безземельные или малоземельные крестьяне были вынуждены обрабатывать земли крупных феодалов, чиновников и мусульманского духовенства на условиях издольной аренды. Ярымчи, чайрикеры получали за свой труд половину, четверть и даже меньшую часть урожая.

Площадь земель, пригодных к обработке, составляла в эмиряте 2700 тыс. десятин⁸¹.

Земледелие было как поливное, так и богарное. Основными районами поливного земледелия являлись долины рек Зарафша-

⁷⁸ Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения... С. 95.

⁷⁹ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 1266, л. 17.

⁸⁰ История таджикского народа. Т. 2. Кн. вторая. М.: Наука, 1964. С. 128.

⁸¹ Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Спб., 1905. С. 18.

на, Кашкадары и притоков Амудары в верхнем и среднем их течении (долины Куляба, Вахша и Гиссара). В горной части Восточной Бухары было распространено богарное земледелие под дождь, поливных земель среди узких горных долин было сравнительно мало.

Первое место по площади посевов занимала пшеница, урожай которой доходил до 60 пудов с десятины⁸², а при хорошей обработке и достаточном орошении и более. По другим данным, на танап земли высевали до 2—2,5 пудов зерна, собирали до 33 пудов урожая⁸³. Высевался также ячмень — на один танап до 2 пудов зерна, урожай достигал 25 пудов⁸⁴. Культивировалась и джугара. Это растение занимало по урожайности первое место — до 300 пудов зерна с десятины⁸⁵. Джугара использовалась, главным образом, на корм скоту, но в бедных семьях муку из нее добавляли в хлеб. Выращивали просо арзын и кунак. Мука из проса употреблялась для выпечки хлеба. Урожай при посеве на танап 20 фунтов семян достигали 25—30 пудов⁸⁶. Популярными среди населения были бобовые: маш, горох (наход), чечевица (насх). В Восточной части эмирата, особенно в горных районах сеяли ячмень, пшеницу, просо арзын и кунак, бобовые — боклу и мундинг.

Из-за своей доходности ценился рис, который сеяли преимущественно в богатых проточной водой низменных местах. С расширением посевов хлопчатника рис стал вытесняться из плодородных долин Зарафшана и Кашкадары, но сохранился в долинах Сурхоба и Вахша. Выращивались технические культуры — лен (згыр) и кунжут, посевы которых стали приобретать все большее значение благодаря поставкам продукции на вывоз. Из льна получали масло, которое употреблялось в пищу в смеси с кунжутным. Популярными были табак, конопля, красящие растения. Люцерна (аляф) засевалась повсеместно, почти каждой семьей. За лето снимали 5—6 урожаев. Клевер шел на корм животным.

Из огородных культур разводили лук, репу, редьку, тыкву, желтую морковь, капусту, огурцы, красные бобы, фасоль, кукурузу (макка-джугара). Огородничество стало развиваться вокруг русских поселений и гарнизонов, где на его продукцию был большой спрос и где оно носило товарный характер.

С возникновением русских поселений и влиянием русского населения на местное бухарские крестьяне стали культивировать ранее не известные овес, картофель, сахарную свеклу, помидоры.

⁸² Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922. С. 11.

⁸³ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964. С. 48.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ЦГА РУз, ф. И-47, оп. 1, д. 115а, л. 5.

⁸⁶ Лагофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2. Спб., 1911. С. 93.

красную морковь, лучшие сорта груш, яблок, винограда, табака, учились приемам сенокошения и использованию европейского инвентаря. Местные же крестьяне обучали русских приемам поливного земледелия, в частности, возделыванию хлопчатника и др., т. е. шел процесс взаимообогащения и сближения трудящихся разных национальностей.

Славилась Бухара своими бахчевыми — дынями, арбузами. В эмиратае произрастали персики, абрикосы, вишня, слива, яблоки, груши, миндаль, орехи, гранаты, инжир, тут (шелковица), плоды которого употреблялись в пищу. По склонам гор в Восточной Бухаре росли фисташки. Большое развитие получило виноградарство. Плоды винограда являлись значительным подспорьем в хозяйстве и потреблялись на месте, вывозилась лишь незначительная их часть. Промышленное виноделие особого развития не получило. Сушеный виноград — кишмиш являлся одним из предметов вывоза наряду с сушеными абрикосами, фисташками, орехами. К 1887 г. из эмирата вывозилось до 20 тыс. пудов сухофруктов⁸⁷.

Большое значение в жизни населения играло шелководство. Шелк-сырец не только вывозился, но и использовался бухарскими ремесленниками.

В Бухарском эмиратае высевался хлопок-гуза, приспособленный к местным почвенно-климатическим условиям и считавшийся лучшим из среднеазиатских сортов. К 1887 г. Бухара вывозила в Россию до 900 тыс. пудов местного хлопка.

Русская буржуазия была заинтересована в развитии хлопководства в Средней Азии — сырья для развивающейся текстильной промышленности метрополии. Царская Россия выплачивала за импортируемый хлопок огромные суммы — до 100 млн. руб. и более⁸⁸. Среднеазиатский хлопок обходился дешевле ввозимого американского и по качеству был не хуже. Для получения большого урожая внедрялись лучшие американские сорта хлопчатника. Первые опытные посевы нового сорта в Бухаре были произведены в 1888 г. Несмотря на положительные результаты, хлопкоробы продолжали сеять гузу из-за ее неприхотливости, меньшей влагоемкости и одновременности созревания. Тем не менее постепенно в связи с доходностью новых сортов хлопчатника размеры их запашек возрастили. Посевы американских сортов, дабы заинтересовать в них крестьян, облагались льготным налогом, безвозмездно раздавались семена. Была повышена ввозная пошлина на американский хлопок.

Новые сорта хлопчатника без селекционной работы постепенно вырождались, кроме того, в целях сохранения монополии на торговлю хлопком американцы заражали предназначенный для продажи семенной материал. Поэтому был создан ряд опытных

⁸⁷ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 1, д. 502, л. 2 об.

⁸⁸ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 216/911, д. 107, л. 44.

хлопковых станций, которые проводили огромную работу по выведению и распространению новых, уже акклиматизировавшихся сортов. Первые станции были созданы под Ташкентом и в Самарканде, и в 1884 г. здесь были получены первые 8 тюков хлопка из семян американского сорта. В дальнейшем сеть станций расширяется. Посевы хлопчатника начинают расти. Этому способствует и русский капитал, выдаваемый крестьянам в качестве аванса фирмами или их комиссионерами. Так, в 1904—1905 гг. в Бухаре было собрано более 100 тыс. пудов американского сорта хлопчатника, в 1906 г.— более 150 тыс. пудов, в 1908 г.— 200 тыс. пудов⁸⁹, а в 1909 г.— 1200 пудов⁹⁰ как американского, так и местного сорта.

Из русских фирм большую активность в раздаче аванса и в скупке бухарского сырья проявляли отделения Ярославской большой мануфактуры, Т-во «Кудрин и К°», а также отделения свеклосахарных заводов Бродского и Бобринских, Девлекамова, бр. Ибрагимовых, Адамова, Дюршмидта, Дюкова и др. В 80-х годах XIX в. были открыты конторы общества страхования и транспортировки грузов: «Российское общество», бр. Каминские, «Кавказ и Меркурий», «Надежда», Н. Кудрин и К°.

С 90-х годов XIX в., когда Россия вступила в период империализма, усиливается вывоз капитала. В Бухаре открываются отделения банков. Так, в 1891 г. создается отделение Московско-Рязанского банка, тогда же было получено разрешение на открытие отделения Московского международного торгового банка. В 1894 г. в Новой Бухаре открылось отделение государственного банка, которое обеспечивало частные коммерческие банки ссудами обычно на 6,5%. Банк выдавал ссуды только крупным фирмам под залог имущества.

Крестьяне из-за недостаточного имущества под залог довольствовались ссудами у посредников — комиссионеров фирм на условии выплаты 11—12%. Такими посредниками в эмиратах были пахтакеши — представители нарождающейся буржуазии, прекрасно знавшие местные условия и каждого хлопкороба в отдельности. Фирмы выделяли комиссионерам значительные суммы для выдачи авансов и скупки хлопка. Торговыми посредниками были и таразудары — весовщики хлопка. За свою посредническую деятельность между покупателями и продавцами на базарах они получали соответствующее вознаграждение. Фирмы и заводчики выдачей аванса таразударам застраховывали себя от случайностей. Скупкой хлопка в кишлаках занимались также партионщики, которые имели свои личные средства и, скрупульно, непременно обвешивали крестьян. Обвес и составлял их «заработок». Большую активность развили в эмиратах партионщики Садрадзе, Нот-

⁸⁹ ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 78, л. 52.

⁹⁰ Там же, д. 540, л. 4.

кин, Лурье, Исакович, Левин и др. Из местных партионщиков известны Мансуров и Мирсалихов.

В 900-х годах из среднеазиатских фирм особую активность в скупке хлопка проявляли фирмы бр. Вадьяевых, Р. Ш. Потеляхова и др. Наряду с фирмами и посредниками-комиссионерами выдачей задатков-бунака дехканам занимались ростовщики и бай. В наиболее отдаленных местностях дехкане получали в задаток семена хлопка для посева, чай, мануфактуру и т. п., по относительно высоким ценам с условием выплаты стоимости полученных товаров хлопком, причем по сильно заниженной цене. В результате хлопкороб не имел права продавать продукт своего труда никому другому, кроме выдавшего ему бунак. Это было наиболее жесткой формой ростовщического кредита, закабалявшего крестьян.

Упадок бухарского хлопководства после 1909 г. объясняли распространением бунака, поэтому правительство предприняло ряд мер для запрещения раздачи бунака и подъема хлопководства. После некоторого упадка в 1913 г. в эмирата было собрано 2 375 тыс. пудов, а к 1915 г.— около 3 млн пудов хлопка⁹¹.

Американские сорта хлопчатника стали распространяться и в восточной части эмирата, в частности, в Шерабадском, Денауском, Байсунском, Гиссарском, Кургантюбинском, Қабадианском и Кулябском бекствах. Хлопок становится ведущей культурой сельского хозяйства эмирата и основным предметом вывоза.

Увеличение посевов хлопчатника происходило за счет вытеснения зерновых с лучших орошаемых полей, в частности, в Зарафшанской долине — в Зирабулакском и Зиадинском районах, а также Бостане, Гишли и Гиждуване. Это привело к росту цен на хлеб, рис, что сильно ударило по крестьянскому хозяйству. Хлеб ввозили из Восточной Бухары, а в неурожайные годы и с Кавказа.

Развитие хлопководства отрицательно повлияло и на другие отрасли сельского хозяйства — садоводство, виноградарство, а также животноводство, поскольку пастбищные земли и предгорья также стали использоваться под посевы.

В результате начинает складываться разделение труда между отдельными районами. Зарафшанская долина становится основной хлопкосеющей базой, Карши, Гузар, а в Восточной части эмирата Гиссарское, Кулябское и Бальджуанское бекства — зерновыми районами, причем последние три области обеспечивали хлебом не только всю Восточную Бухару, но и вывозили на продажу за ее пределы. Специализация районов шла сравнительно медленно, но все же она означала развитие новых общественных отношений, свидетельствующих о разрушении основ феодального общества. После проведения железной дороги через эмират товарооборот между Бухарой и Россией увеличился к 1891 г. в три и бо-

⁹¹ Там же, д. 369, л. 18.

лее раз. К 1891—1893 гг. Бухара вывозила в Россию и другие страны товаров на 14 млн руб., а ввозила на 15 млн руб.

В связи с увеличением посевов хлопчатника росла и товарность хозяйства. Частично натуральные налоги начинали взиматься деньгами. Крестьяне при посеве этой товарной культуры постоянно нуждались в свободных денежных средствах, прежде всего для покупки семян хлопчатника, а также для найма рабочего для окучки и уборки урожая в тех случаях, когда дехканин не мог обойтись без дополнительной помощи, что вело к зависимости от денег. В погоне за доходами крестьяне стали засевать свои парцелярные участки хлопком, а это приводило их к баям и ростовщикам за ссудами, что неминуемо влекло разорение и обезземеливание земледельцев. Судя по расчетам Б. Искандарова, к концу XIX — началу XX в. на одного человека приходилось приблизительно 1,5 танапа или 0,3 десятины поливной земли⁹². Следовательно, крестьянская семья, состоящая в среднем из четырех душ, располагала 6 танапами или 1,2 десятины земли. Но из документов Канцелярии кушбеги мы узнаем, что фактические наделы семьи были намного меньше теоретически высчитываемых. Так, в одном документе отмечается, что некий Абдуназарбай владел 3 танапами, Рузи Суфи — 2,5, Азизбай — 1,5, Султан Суфи — 1,5, Абдулсумбай — 1,5 и Зарифбай — 0,5 танапа⁹³. Эти наделы были, безусловно, малы и не давали возможности прокормить семью. О ничтожно малых размерах крестьянских участков свидетельствуют и пайиры — своеобразные исполнительные листы на право взимания налогов, в которых конкретно перечислялись имена крестьян и суммы собираемого с них налога. Так, если в пайире указывался размер налога, равный дахсиру, т. е. 10 сирам, следовательно, налог равнялся 80 фунтам или 2 пудам. Если даже поземельный налог — харадж взимали в размере 1/5 урожая, значит урожай составлял 10 пудов или 160 кг на семью на весь год до следующего урожая, т. е. по 13 кг в месяц.

К концу XIX в. налоговые ставки сильно возросли и размер одного только хараджа достиг 40% урожая. Соответственно урожай был собран лишь в количестве 5 пудов — ничтожно мало для семьи.

Наивысшими размерами поземельного налога в пайирах назывались 2—3 мана зерна. Если размер налога в 1/5 урожая составлял 2—3 мана зерна, то, следовательно, урожай равнялся 10—15 манам зерна, т. е. 80—120 пудам. Но если исходить из 40% налога, то, соответственно, урожай составлял лишь 5—7,5 мана или 40—60 пудов зерна. Вычитая размер поземельного налога харадж в 2—3 мана и сопутствующих сборов в пользу местной поштной администрации, равных, примерно, 1 ману, получим, что

⁹² Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963. С. 182.

⁹³ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 191, л. 1.

крестьянину после уплаты налогов оставалось из 80—120 пудов — 77—116 пудов урожая (при налоге в 1/5 часть) или из 40—60 пудов урожая — 37—56 пудов зерна (при налоге 40%). Следовательно, в месяц на семью приходилось 3—4,5 пуда или 48—72 кг зерна или муки. Но семья, помимо хлеба, должна была приобретать и другие продукты питания, а также обувь, одежду и т. п. Незначительный размер урожая не мог обеспечить крестьянскую семью питанием до следующего года, крестьянам приходилось дополнительно арендовать другие участки земель или искать иные пути прокормления. Поэтому в Бухаре, особенно в ее восточной части широко было развито отходничество. Из Бухарского эмирата отходники в поисках работы приходили в Туркестан и работали там на заводах, на железной дороге, у частных лиц, пополняя ряды местного пролетариата.

Так, с проникновением в экономику феодальной Бухары элементов новых, капиталистических отношений положение крестьянства ухудшилось еще более. Рост посевов такой товарной культуры, как хлопчатник, усиливал зависимость крестьян от рынка, а следовательно и потребность в деньгах. В связи с этим они вынуждены были обращаться к ростовщикам, баям, к русским фирмам или их комиссариям, что вело к обезземеливанию и обнищанию крестьянства.

В эмирата применялись примитивные земледельческие орудия труда. Основным пахотным орудием была деревянная соха. Большую роль при обработке почвы играли лопата и кетмень — своего рода мотыга, выполнявшая в хозяйстве ряд функций, он же выступал и как пахотное орудие, перекапывали им почву, сооружали грядки, арыки, окучивали и т. п. Мола — орудие труда, которым крестьяне разрыхляли землю после вспашки и размельчали комья глины. С помощью молы посевы семян хорошо прикрывались землей и сохранялись от птиц. Кроме того, для очистки от сорных трав и корней проводилось боронование с помощью молы. Удобным транспортным средством являлась чигина. В зависимости от назначения, она была легкой (перевозка сена или снопов) или тяжелой (перевозка удобрений и т. п.). В чигину обычно впрягали пару быков. В горной Бухаре бытовали специфические орудия труда. Так, омач (сипор) — был маленьким по размеру и легким. «Вместо мола для разравнивания комков употребляли чапар (сплетенный из ветвей дерева каркас), вместо кетменя горцы употребляли небольшого размера кирки (каноч). Серпы были также маленького размера»⁹⁴. Каменистую почву обрабатывали кетменем «каланди», поскольку пахать сохой было невозможно, жали ручным серпом, молотили с помощью животных, прогоняемых по разложенным на току снопам, при отсутствии скота беднейшая часть крестьянства молотила вручную деревян-

⁹⁴ Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX века. Душанбе — Алма-Ата, 1967. С. 161.

ной колотушкой. Обмолоченный хлеб веяли на ветру или с помощью решета (галбир).

Система хозяйства в эмиратах была переложная: поле разбивалось на 2—3 участка, один из которых запахивался, а другие «отдыхали». Участки обрабатывались только в течение одного года. В Зарапшанской долине, благодаря высокой стоимости и доходности земель, эта система не применялась. В связи с постоянной нехваткой воды земледельческое население выработало особый прием агротехники выращивания зерновых культур, получивший название «каклама», когда производилась многократная вспашка полей, в результате которой лессовая почва превращалась в мягкий порошок. Крестьяне долин Восточной Бухары — Куляба, Гиссара и Вахша применяли травопольную систему земледелия. Зимой пускали воду на те земли, которые предназначались под весенний засев. Мороз сковывал воду и убивал червей и паразитов. Весной в эту землю вносили удобрения и хорошо обрабатывали. В горных районах с каменистой почвой, например, в Карагине, Дарвазе и Памире, землю обрабатывали с большим трудом, но, несмотря на это, урожаи были низкими.

После установления российского протектората над Бухарой крестьянство эмирата получило возможность ознакомиться с более совершенными земледельческими орудиями труда. Большим спросом пользовалась коса, получили распространение различные плуги. Но новая техника стоила очень дорого и была недоступна широким слоям крестьянства. Так, веялки для очистки хлебов, стоявшие в Саратове или Самаре 30—35 руб., в Туркестане продавались по 100—120 руб.⁹⁵

Необходимо упомянуть, что в эмиратах под давлением передовой русской общественности стала вестись борьба с саранчой, опустошавшей поля. Но реакционное мусульманское духовенство выступило против, и она прекратилась. В результате в ряде бекств были совершенно уничтожены посевы. Эмир вынужден был вновь обратиться к правительству России и пригласить специальный отряд, который планомерно уничтожал саранчу, что наглядно продемонстрировало преимущество русской техники.

Земледелие в Бухарском эмиратах основывалось на искусственном орошении. В западной его части основным источником орошения был Зарапшан, из которого брали начало каналы Кунаруд, Янгируд, Султанруд и др., питавшие водой Бухарский оазис. Воды Зарапшана еще в пределах Самаркандской области разбирались на орошение, поэтому население Бухарского эмирата хронически страдало от недостатка воды. Не исправило положения и достигнутое в 1911 г. соглашение между Самаркандской областью и Бухарским эмиратом о пропуске 1/3 части вод Зарапшана в Бухару. В восточной части эмирата протекали реки

⁹⁵ Шахназаров А. Очерки сельского хозяйства Туркестанского края. Спб., 1898. С. 59.

Пяндж, Вахш, Кафирниган, Яхсу, Кызылсу, Тоирсу и др., орошающие горные долины и равнинны. Население Кулебской, Гиссарской, Вахшской и Нижне-Кафирниганской долин, проведя каналы из этих рек, занималось поливным земледелием. Гиссарская долина орошалась многочисленными ручьями и ключами с Гиссарского хребта. В Восточной Бухаре воды было много, но мешала плохая организация ирригации.

В западных районах в целях обеспечения водой отдельных районов строились новые или восстанавливались старые плотины. Работы проводились в порядке бесплатной общественной повинности (хашар) несколько раз в год. Население должно было являться на общественные работы со своим инвентарем — лопатами, кетменями, а также с продуктами питания. Условия работы на хашарах, особенно в зимнее время, были тяжелые, порой приходилось работать по колено в холодной воде. В результате многие заболевали и оставались инвалидами на всю жизнь. Из Гиссара, например, посылали людей на ремонт моста через реку Кафирниган во время сильных дождей на 15—20 дней⁹⁶, когда работать было чрезвычайно сложно.

С лиц, не участвовавших в общественных работах по очистке или ремонту оросительной сети, взимался сбор, называемый боки-пули. Это, по существу, был штраф за неявку на хашар. Боки-пули взимался исходя из количества обрабатываемой земли, по числу кошней. Так, в Нахрипае размыло берег и вода преградила дорогу. Расходы по ремонту разложили на количество земли, с каждого коша собрали по 1 танга⁹⁷. В Нарзыме с неявившихся на хашар мардикеров взяли по 1 танга⁹⁸, в других местностях платили по 2 танга⁹⁹. Не все жители села платили этот штраф. В частности, при проведении хашара на реке Каракуль некоторые лица отказывались платить штраф за невыход, мотивируя свой отказ тем, что их земли — танхо¹⁰⁰ и, следовательно, они должны были быть освобождены от общественных работ. Крупные чиновники и владельцы танхо перекладывали тяжесть хашара на плечи беднейших слоев. Деньги, собранные в Нарзыме в качестве боки-пули, предназначались частично на содержание выезжающих на хашар хакима и казия, оставшаяся часть отсыпалась в казну. В донесении упоминается обычай, когда ясаулу, прибывшему из ставки эмира для наблюдения за ремонтом мостов через реки Кафирниган и Душанбе, должны были уплатить 200 танга и кормить его¹⁰¹. Из донесения казия тумана Хутфар¹⁰² узнаем, что хашар продолжался здесь 9 дней, причем участвовали в нем

⁹⁶ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1; д. 1268, л. 6.

⁹⁷ Там же, л. 32.

⁹⁸ Там же, д. 1072, л. 3.

⁹⁹ Там же, ф. И-1, оп. 34, д. 791, л. 1—2.

¹⁰⁰ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1268, л. 28.

¹⁰¹ Там же, ф. И-1, оп. 1, д. 1268, л. 8.

¹⁰² Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1072, л. 4.

крестьяне трех туманов. Уходить на хашары, отрываясь от работы, особенно в разгар летних земледельческих работ на 9 или более дней крестьянам было очень трудно.

Известно, что при ремонте мостов и запруд население оплачивало и расходы по ремонту. Так, Мулла Махмуд ходжа раис сообщал эмиру, что на ремонт и очистку арыков в местности Ко-киштуван тумана Самджин Мурадбай амин израсходовал 3500 танга, крестьян же обложил налогом из расчета 5500 танга¹⁰³, таким образом, 2000 танга были присвоены. Собранные с крестьян в качестве штрафа суммы боки-пули должны были отсыпаться в казну, но очень часто эти деньги оседали в карманах должностных лиц. Иноятулло ходжа раис доносил эмиру о Хамзе ходже, брате амлякдара тумана Каракуль, уже дважды собиравшего хашар на арыке Хайрабад (когда с неявившихся было собрано боки-пули в сумме 2000 танга), но не отославшего деньги в казну. В донесении также говорилось, что из 800 человек, которым было объявлено о хашаре, явилось только 38. Хамза ходжа избивал на базаре неявившихся на хашар и взыскивал с них боки-пули¹⁰⁴.

Таким образом, ирригационные работы тяжелым бременем ложились на население. Ремонты плотин или очистки каналов не решали проблемы нехватки воды. Получая от населения огромные суммы в качестве налогов, бухарское правительство не заботилось о его нуждах и не решало должным образом проблему орошения.

Большую роль в жизни Бухарского эмирата играло скотоводство. Скот, как и другие богатства страны, находился в руках эксплуататорского класса. Крупные скотовладельцы обычно являлись также торговцами, землевладельцами, ростовщиками. Так, «...в Кулябе проживали крупные байи, вроде Базарбая, имевшего до 50 тыс. голов крупного рогатого и мелкого скота. Он ежегодно отправлял на продажу в города Талакан, Ханабад и Рустак (Афганистан.— К. Х.), а также в пределы Бухары и Ферганы огромные стада. У Базарбая в каждом городе были специальные уполномоченные по продаже этого скота. Наиболее удобные пастбища, на которых одних только пастухов насчитывалось более 200 человек, были сосредоточены в руках Базарбая»¹⁰⁵. Подобных богачей было немало.

Развитию скотоводства в эмирата способствовали благоприятные природные условия — наличие альпийских пастбищ, расположенных главным образом в горной части Восточной Бухары. Ко-чевники и полукочевники, сочетая скотоводство с земледелием, в основном богарным, возделывали пашни возле своих зимовок. В равнинной части исключением являлись амударьинские турк-

¹⁰³ Там же, д. 1001, л. 5.

¹⁰⁴ Там же, д. 1272, л. 44.

¹⁰⁵ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963. С. 98—99.

мены и узбеки, а также киргизы, кочующие в западной и северной частях эмирата, занимавшиеся скотоводством в более широких масштабах.

Из всех отраслей животноводства наиболее важным являлось овцеводство, дававшее не только мясо и шерсть, но и пользовавшиеся большим спросом высокосортные шкурки. В связи с отсутствием статистических данных о количестве овец приходится опираться на сведения о вывозе каракуля и шерсти, из которых следует, что общее количество овец составляло около 10 млн голов, из них каракульской породы — почти 4 млн голов¹⁰⁶. Овец разводили в Керкинском, Келифском, Каракульском, Каршинском и Кургантюбинском бекствах.

Наряду с хлопководством высокотоварное каракулеводство составляло важную статью экспорта. Так, если в 1840—1841 гг. из эмирата было вывезено 398 тыс. шкурок¹⁰⁷ каракуля, в 1887 г.—750 тыс., то к 1903 г.—1 млн шкурок¹⁰⁸. Шкурки высоко ценились не только в эмирата и России, но и в Западной Европе, где была мода на них.

С развитием высокотоварного каракулеводства усилилось расложение скотоводов. Большая часть скота сосредоточивалась у богатых скотовладельцев, стада которых разрастались до 30—50 тыс. голов, мелкие же скотоводы разорялись, теряли скот.

Помимо каракульской овцы в эмирата разводили и другие породы, например, туркменскую, называемую «харчи», которая кроме 2,5 пуда мяса давала до пуда курдючного сала, киргизскую — крупную с вкусным мясом, персидскую, дающую белую шерсть хорошего качества, афганскую с вкусным мясом и быстро откармливающуюся и т. п.

Овчья шерсть использовалась в ковроткачестве, а также производстве паласов, хурджунов и войлочных изделий внутри эмирата и вывозилась в Россию — от 150 до 200 тыс. пудов¹⁰⁹. Предметом вывоза являлась и овчина, до 18,5 тыс. пудов которой поставлялось России ежегодно¹¹⁰. Продукция овцеводства приносила огромные доходы эмирата.

Весьма развито было верблюдоводство. Хороших колесных дорог в эмирата почти не было, по Амударье можно было сплавлять лишь до 500 каюков, поэтому верблюды оставались верным транспортным средством. Общее количество верблюдов составляло почти 0,5 млн голов. Неприхотливые в пище, легко переносящие летний зной и зимнюю стужу, верблюды давали еще и шерсть. С настрига верблюдов собирали до 70 тыс. пудов шерсти, вывозилось в Россию до 30 тыс. пудов¹¹¹. Даже после прокладки железных

¹⁰⁶ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. С. 43.

¹⁰⁷ ЦГА РУз, ф. Р-47, оп. 11, д. 115а, л. 9 об.

¹⁰⁸ Там же, ф. И-1, оп. 11, д. 504, л. 2 об.

¹⁰⁹ Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края. 1915. С. 41.

¹¹⁰ ЦГА РУз, ф. Р-47, д. 115а, л. 10.

¹¹¹ Там же.

дорог верблюдоводство не потеряло своего значения, поскольку в Восточной Бухаре железной дороги все еще не было.

Другим перевозочным средством являлся осел (ишак), поднимающий до шести пудов груза. Благодаря крепости ног, легкости хода и нетребовательности к пище, осел широко применялся в хозяйстве, общее количество этих животных достигало 1 млн¹¹².

Промышленное разведение крупного рогатого скота было сосредоточено главным образом в Гиссарском, Бальджуанском и Кулябском бекствах, хотя крупный молочный скот разводился в эмиратах повсеместно. Его насчитывалось 1,7 млн голов¹¹³. Молочные продукты шли в пищу местному населению, на рынки не поступали.

Особым признанием горцев пользовались козы, число которых достигало 6,5 млн голов¹¹⁴. Ценилась их длинная и тонкая шерсть для производства местного сукна и другой материи. Кроме того, козы давали мясо и молоко.

Одним из самых распространенных занятий узбеков, туркмен и киргизов было коневодство. Численность лошадей составляла 400 тыс. голов. Разводили гиссарскую, киргизскую и горно-бухарскую породы. Славились лошади локайской породы. Коневодство делилось на стойлово-подворное, как в Зарабшанской долине, и табунное в горных бекствах восточной части эмирата.

Общее количество скота в эмиратах равнялось 20 млн голов¹¹⁵.

Таким образом, после присоединения к России в эмиратах происходят большие изменения.

Основа феодальной экономики — земля — становится объектом купли-продажи. Особенно бойкая торговля идет землями танхо. Так разлагаются основы феодального общества.

Возрастают почти в пять раз посевы хлопчатника. Хлопок становится основной сельскохозяйственной культурой, что накладывает отпечаток на всю экономику. Бухара превращается в аграрно-сырьевой придонок метрополии.

Рост посевов хлопчатника приводит к вытеснению зерновых с наиболее плодородных и орошаемых земель. Происходит перераспределение посевных площадей.

Увеличивается спрос на каракуль, шерсть, овчину. Растет товарность скотоводства, в частности каракулеводства. Производство каракуля возрастает почти в шесть раз.

Складывается специализация районов по хлопку, зерну, скотоводству. Происходит разделение труда между ними, что способствует росту товарно-денежных отношений и ухудшению положения народных масс.

¹¹² Там же, л. 9.

¹¹³ Там же, л. 10.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, л. 11.

Г л а в а II.

ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА НАЛОГИ И СБОРЫ

Ф. Энгельс, касаясь вопроса о содержании государственного аппарата, писал: «Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан — налоги...»¹, составляющие экономическую основу государства.

В Бухарском эмирате, где собственником земли являлся класс феодалов, крестьяне должны были выплачивать ренту.

Ответственными за взимание поземельных налогов были правители областей — беки. Бухарские области — вилайеты, подразделялись на амлякдарства — поземельно-податные участки во главе с амлякдарами. Собрав поземельные налоги, часть из них амлякдары оставляли для себя и содержания своего штата (секретарей, счетоводов и т. п.), а большую часть передавали беку. Последний, получив налоговые суммы от всех амлякдарств своего вилайета, оставлял часть этих средств для собственных нужд, в том числе для содержания своего довольно значительного аппарата управления, но большую часть налоговых сумм отправлял эмиру.

Для сбора закята эмир обычно назначал приближенных из особо доверенных лиц.

Закят. Это был один из основных налогов, уплата которого считалась обязанностью мусульман. Закят платили торговцы в размере 2,5% стоимости облагаемого предмета при ввозе товаров в эмират или перевозке из одного бекства в другое, с ввозимых кран и рупий, а в Восточной Бухаре при въезде и выезде с базара, как, например, в Гиссаре, и даже при продаже земли и имущества.

Скотовладельцы платили так называемый закят-савоим, а крестьяне — закят-чакона. Согласно положению мусульманского права, закят должен был взиматься в размере 1 барана и овцы с 5 верблюдов, если они круглый год находились на подножном корму, с 40 баранов или коз взимались 1 баран (овца) или коза и т. д.

Единицей обложения являлись 40 голов баранов (овец), с которых взимался один закят.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 21. С. 171.

Из документов фонда Канцелярии кушбеги мы узнаем, что закят-савоим вначале исчислялся натурой по числу голов скота, затем скотовладельцы по рыночной стоимости скота вносили налог деньгами. Собранные суммы закята отправлялись в казну.

Одновременно с налоговыми суммами закята отправлялись подарки-сарупа, стоимость которых также входила в общую сумму налога. Один из должностных лиц сообщал эмиру, что «...сборщик закята (закятчи) израсходовал 7 тысяч, остальные 238 тысяч высылаем в казну»². Из собранных сумм значительная часть оставалась сборщику налога. Так, судя по отчетам сборщика закята-савоим в Бальджуане, закят был собран в размере 225 тыс. танга, а по данным местных должностных лиц — 245 тыс. танга³. Разница в этих суммах являлась личным доходом закятчи.

При сборе закята обычно пользовались подсчетом голов скота предшествующих лет, т. к. пересчет производился через каждые 5—6 лет по особому распоряжению эмира. Поэтому по сравнению с прошлыми годами брали за приплод, совершенно не учитывая при этом падеж скота. Так, из донесения правителя Бальджуана Рахманкул бия парваначи эмиру мы узнаем о жалобе ильбеги, старейшин и богачей вилайета Бальджуан на то, что в течение нескольких лет не производился подсчет скота, а в связи с холодной зимой был большой падеж. Видимо, эмир разрешил произвести там выборочно пересчет скота, поэтому в ответном ариза эмиру сообщалось, что в результате подсчета количество закятов уменьшилось на 114⁴. Если с каждых 40 голов скота взимался 1 закят, следовательно, количество скота уменьшилось на 4560 голов.

Интересный случай описан Б. Х. Кармышевой: «В качестве наиболее яркого примера старики обычно ссылаются на богатого овцевода Яванской долины карлука Бай-Мирзы, у которого в результате гололедицы однажды погибли почти все овцы. Несмотря на это, он в течение нескольких лет продолжал выплачивать закят, исходя из прежнего, записанного в тетрадь, количества овец, и в результате окончательно разорился»⁵. Едва ли нужно доказывать, как легко было разориться в подобном случае рядовому скотоводу.

Сборщики закята часто произвольно завышали количество голов скота, чтобы увеличить сумму налога. Так, крестьяне тумана Пирмасл Ханканруда ходили жаловаться в Бухару эмиру на своего закятчи, который, не учитывая поголовья скота, требовал лишнее⁶.

Из донесения казия вилайета Керки Пачча ходжа урака эми-

² ЦГА РУз, ф. И-126, оп 1, д. 1271, л. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 1159, л. 93.

⁵ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана//Труды АН ТаджССР. Т. XXVIII, 1954. С. 124.

⁶ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 2267, л. 32.

ру становится известно о расследовании жалобы группы скотоводов Керки Джаркули, Берды-Мурада, Чары суфи, Мухаммад-Садыка, Рахимкула и Кельдыбая на сборщиков закята-савоим, взыскавших с них незаконно на 267 танга больше. В донесении казий указывает, что при расследовании факты подтвердились⁷.

Из донесения должностного лица Чарджоуского вилайета узнаем, что «Низамитдин ходжа дадха, правитель Чарджоу и Бурдалыка ранее собирал по 20 танга за 1 закят, ныне же собирает по 40 танга, якобы в связи с высокими ценами на базаре на скот»⁸. И далее сообщалось эмиру, что сборщик закята Насрулла ходжа миражур, явившись в Бурдалык, начал собирать закят с баранов по 40 танга, со шкурок — 12 танга, с шерсти — 10 танга, всего с каждого закята по 62 танга⁹. В Кулябе 1 закят с баранов составлял 48 танга, с коз — 24 танга¹⁰. Должностные лица доносили эмиру, что кроме закята по обычаям в Бальджуане с каждого 10 закятов брали 3 танга и с 15 закятов — по 4 танга за приплод. По налоговым книгам прошлых лет взимали еще 2 танга каламана¹¹ — сбор в пользу писаря. Подводя итог, можно отметить, что размер налога закят увеличился более чем вдвое, вместо 20 танга за каждый закят стали взимать 48 танга, а вместе с закятом со шкурок и шерсти — 62 танга.

Злоупотребления сборщиков закята и увеличение суммы сбора налогов вынуждали скотоводов не только посыпать жалобы эмиру, но приводили к массовым переселениям в другие области и в Афганистан. Так, 40—50 семей карлуков и локайцев Бальджуанского вилайета, узнав от аксакалов, что закят будет взиматься более высокий, чем в прошлые годы, хотели перейти через Амударью в Афганистан, но правитель Куляба вернул их¹². Мулла Мухаммад раис Кулябского вилайета, сообщая о сборе закята-савоим писал Абдалкарим бек бию дадха, что многие скотовладельцы уехали из Куляба, поэтому пришлось списать большую сумму закята¹³. Рахманкул бий парваначи, правитель Бальджуанского вилайета писал эмиру, что в период правления Худай-Назара атала, наместника всей Восточной Бухары, закятом облагались и имущие, и неимущие. Во время сбора закята многие скотоводы бежали за Амударью. Незадолго до смерти атала дал знать, что будет собирать остаток закята в Кулябе и Бальджуане¹⁴. Налоговый произвол Худай-Назара атала, выходил, видимо, за рамки возможного, ибо скотоводы, только услышав о том, что начнется сбор закята и недоимок, бежали с насиженных мест.

⁷ Там же, л. 33.

⁸ Там же, д. 1159, л. 47.

⁹ Там же, д. 1154, л. 28.

¹⁰ Там же, д. 1173, л. 3.

¹¹ Там же, д. 1159, л. 8.

¹² Там же, д. 1227, л. 2.

¹³ Там же, д. 1159, л. 112.

¹⁴ Там же, д. 1271, л. 42.

С племен карлуков, марка и локайцев Худай-Назар аталык собирал по 30—40 закятов, а после его смерти смогли собрать с них только по 6, 8, 10 закятов¹⁵. В том же документе сообщалось, что новый закятчи собрал с тех, у кого хозяйство окончательно разорилось, по 2—4 танга, т. е. и их не оставили в покое, взыскивая закят даже при отсутствии скота.

Сборщика закята, особенно если он был влиятельным лицом, местная администрация старалась как можно лучше встретить и одарить. Так, казий Мулла Мухаммад Шариф, сообщая о приезде в Кургантюбе назначенного для сбора закята Алмас бия дадха, бека Куллябского вилайета писал, что каждая из двух общин, населяющих Кургантюбе Тос и Катаган, обычно преподносит Алмас бию по 300 снопов сена, по 6 манов ячменя, по 6 овец. Чиновники также одаривают сборщика закята: Аллаберды эшикагабаши преподнес ему комплект одежды, головной убор, лошадь с попонами, два мана ячменя, сто снопов сена, двух овец и десять подносов сладостей. Кул-Мухаммад туксаба подарил ему лошадь, двух овец, два мана ячменя и 100 снопов сена. Сахиб-Назар ми-рахур — лошадь, три мана ячменя, двух овец, 20 подносов сладостей¹⁶. Как следует из этого донесения, подобные подношения Алмас бию дадха делались ежегодно, т. е. один и тот же сборщик закята назначался в течение нескольких лет. Алмас бий дадха в письме к другому сборщику закята советует войти в доверие к баям, установить с ними хорошие отношения. «Необходимо угостить за одним столом ильбеги, аксақалов и баев», — пишет он. «Я уже четыре года нахожусь на этой работе и одариваю пла-тельщиков закята (конечно, крупных.— К. Х.)», — сообщает Алмас бий дадха.

Назначение на сбор закята чиновники рассматривали как осо-бую милость эмира и для сохранения за собой этого назначения, старались как можно больше выжать налога, чтобы, наживаясь самому, не остаться в долгу у эмира. Заслуживает внимания заключение Мухаммад Юсуф бия диванбеки, которому пришлось ехать успокаивать население Бальджуанского вилайета, отказавшегося платить закят. Он писал эмиру, что сбор закята целесо-образно поручать администрации своего вилайета, которая знает положение народа¹⁷.

По отчетам сборщиков закята-савоим в Бальджуанском ви-лайете собирали закят в размере 225 тыс. танга¹⁸, в Куллябском закят составлял 70 тыс. танга¹⁹, в Гузарском — 140 тыс.²⁰, в Ше-рабадском — 100 тыс.²¹, в Денауском — 75 тыс.²², в Шахрисабз-

¹⁵ Там же, д. 1159, л. 71.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, д. 1266, л. 16.

¹⁸ Там же, д. 1271, л. 11.

¹⁹ Там же, л. 19.

²⁰ Там же, л. 17.

²¹ Там же, д. 1159, л. 71.

²² Там же, д. 1154, л. 46.

ском — 135 тыс.²³, в Мианкале и Харканруде — 60 тыс. танга²⁴ и т. п.

Закят-чекана. По шариату лица, имевшие меньше 40 голов скота, не должны были платить закят, но фактически они облагались налогом закят-чекана, т. е. мелким закятом. Из грамоты эмира, датированной 1302 г. х.—1884/85 г., мы узнаем о жалобе фукара местности Чингиз вилайета Хатырчи Абдушукура на сборщиков налога, требующих закят с 12 овец. Эмир в своей мубарак-наме повелел должностным лицам проверить жалобу и, если у того, кто ее написал, не более 12 овец, налог не взимать²⁵. Следовательно, если было более 12 голов, налог бы взимался. Из другого мубарак-наме, датированного 1310 г. х.—1892/93 г., явствует, что крестьяне жаловались на податных сборщиков, взимавших закят за 15 голов скота, хотя в действительности их осталось только 6²⁶. В донесении мулла Мухаммад Юсуфа караулбеки сообщалось, что у Рахмата из Гардиана пропал скот, как подтвердили авторитетные люди. Но, несмотря на это, за ним записали один закят и внесли его имя в налоговую книгу²⁷.

А. А. Семенов считал, что закят-чекана взимался в размере полтанды с барана и четверть танги с козы и шел в пользу мира (бека)²⁸. Из ариза Рахманкула бия парваначи эмиру мы узнаем, что Худай-Назар аталык взимал закят-чекана путем назначения определенных сумм налога для каждой местности. Так, фукара Муминабада должны были сдать 2 тыс. танга закят-чекана, местности Дуоба — 3 тыс. танга, хотя при подсчете баранов оказалось, что сумма налога должна быть намного меньше названной аталыком²⁹. Так незаконный с точки зрения мусульманского права налог с годами приобретает способность взиматься наравне с «законным».

Харадж — поземельный налог. Многие исследователи истории Бухарского эмирата интересовались вопросом о размере хараджа. Так, по мнению Л. Н. Соболева³⁰ и А. П. Хорошхина³¹, в За-рафшанской долине харадж взимался от 1/3 до 1/10 части урожая. А. Л. Кун³² для Шахрисабзского бекства называет размер хараджа от 1/3 до 1/4 урожая. Б. Г. Гафуров³³ полагает, что за

²³ Там же, л. 6.

²⁴ Там же, д. 1159, л. 3.

²⁵ Там же, д. 1270, л. 45.

²⁶ Там же, д. 1271, л. 4.

²⁷ Там же, д. 1001, л. 18.

²⁸ Семенов А. А. *Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства*. Ташкент, 1929. С. 35.

²⁹ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 1159, л. 99.

³⁰ Соболев Л. Н. *Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе*. С. 274.

³¹ Хорошхин А. П. *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края*. Спб., 1876. С. 125.

³² Кун А. Л. *Очерки Шагрисабзского бекства//ЗРГО по отд. этнографии. Т. IV. 1880. С. 230.*

³³ Гафуров Б. Г. *История таджикского народа*. С. 423.

пользование землей крестьяне платили от 1/5 до 1/10 части урожая. Б. И. Искандаров³⁴ считает, что фактически харадж взимался в размере 1/5—1/8 части урожая. Н. А. Кисляков³⁵ пришел к выводу, что в Карагине и Дарвазе поземельный налог составлял 1/10 часть урожая.

В письме Бухарского кушбеки управляющему Российским политическим агентством от 10 октября 1912 г. сообщалось «...о том, что касается хараджа, то искони был установлен различный порядок взимания, так что с сельских продуктов взимается в иных местностях 1/10, 1/8, 1/6, 1/5, а в других 1/3, 3/10, в некоторых же районах харадж не взимается, а с каждого танапа собирается весною 15 коп. и осенью 15 коп. и 15 фунтов зерна натурою, а есть местности, где взимается половина этого, т.е. 7 1/2 коп. весною; 7 1/2 коп. осенью и 7 1/2 фунтов натурою»³⁶. Российский политический агент 8 декабря 1894 г. писал управляющему Канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, что «...с амляковой земли взимается 1/6, 1/5, 2/5 и даже 1/3, 1/2 урожая. Если участок орошается дождем, то взимается 1/5»³⁷. Судя по приведенным данным, размер поземельного налога был в разных местностях различный. И действительно, в Китабе с земель ляльми (богарных) взимали 1/8 часть урожая, а с жителей Чиракчи, с таких же земель — 1/5 часть³⁸.

На основе изучения документов фонда Канцелярии кушбеки эмира бухарского можно утверждать, что в каждой отдельной местности на протяжении длительного периода времени складывались свои, определенные нормы сбора налогов, называемые та'амул-и қадим (старинный обычай). Причем, виды налогов и сборов и их размеры по та'амул-и қадим могли быть даже в соседних районах различными, видимо, в зависимости от урожайности, орошаемости полей, плодородия почвы и т. п. Так, в вилайете Денау в 80-х г. XIX в. по старинному обычанию следовало взимать с каждого коша земли налог кош-пули 22 танга, сбор мирабана — 1 ман зерна, сбор даругаги — 1 ман зерна, харадж — с 6 манов 1 ман дунимсир зерна, т. е. более 1/6 урожая.

В те же годы фукара вилайета Шерабад должны были платить по та'амул-и қадим с весенних посевов харадж с 1/5 части урожая, с осенних посевов — 1/4 часть, танапный сбор с садов — 13 танга, с клевера — 6 танга, с овощей — 12 танга. Кроме перечисленных налогов амлякдари стали требовать ранее не взимавшийся сбор кафсан. И вместе с тем неверно утверждать, что якобы в Бухарском эмирата взималось с крестьян от 33 до 50 и более

³⁴ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во II пол. XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963. С. 58.

³⁵ Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. М.—Л., 1962. С. 103.

³⁶ ЦГА РУз, ф. И-3, оп. 1, д. 441, л. 1.

³⁷ Там же, ф. И-1, оп. 34, д. 791, л. 2 об.

³⁸ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 11270, л. 55.

видов налога³⁹. Даже 4—5 видов обложения по старинному обычая в общей сумме достигали, как, например, в вилайете Денау, даже несколько более половины собранного урожая⁴⁰.

Податные сборщики, постоянно злоупотребляя, вводили налоги или взыскивали более установленных норм для увеличения собственных доходов. Так, в Шерабадском вилайете амлякдary требовали вместо установленных 4 манов зерна с урожая — 8 манов⁴¹, вдвое больше, следовательно размер хараджа составлял 40%.

Крестьяне пытались бороться против увеличения налоговых ставок, местные же правители и их податные сборщики постоянно и упорно не только увеличивали размеры собираемого налога, но и стремились ввести новые сборы. Так, из документов фонда дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе известно, что «подать в Восточной Бухаре определяется официально от 1/3 до 1/7 сбора, в действительности нередко у хозяина отбирают 1/2 сбора...»⁴².

Большой интерес представляют уже упоминавшиеся пайгиры, которые заверялись обычно печатью кушбеги. В рассматриваемых нами пайгирах на обороте справа внизу имеются оттиски именной печати Мулладжан Мирза бия кулл-и кушбеги с датой — 1317 г. х., т. е. 1899/1900 г. В других пайгирах обозначаются имена налогоплательщиков определенной местности и сумма следующего с них налога. Уже в заголовках пайгиров содержится указание на размер налога *حمارد*, т. е. 4/10, 40%. Так, в заголовке пайгира для сбора налога в местности Кипчак бухарского тумана Камат указано, что... «Доля хараджа с пшеницы 4/10», налог с гузы — 4/10⁴³. Или в другом пайгире — «Налог с пшеницы местности Туркан — 4/10», доля хараджа с ячменя — 4/10, доля хараджа с джугары данной местности — 4/10⁴⁴.

В материалах фонда Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе также отмечается, что в окрестностях г. Старой Бухары с 10 батманов зерна 4 батмана отбирались в пользу эмира⁴⁵.

Харадж в размере 4/10 доли урожая собирали не только с зерновых, но и с посевов люцерны. Так, в Кумишкенте в качестве налога алаф-мали брали урожай с 4 танапов из 10 засеянных⁴⁶. Из пайгиров мы узнаем, что наряду с пшеницей, ячменем, джугарой и гузой 4/10 урожая взимали с бахчей, садов и огородов⁴⁷.

³⁹ Маджлисов А. Аграрные отношения... С. 198.

⁴⁰ Мухсинова К. З. К истории выступления бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в. // Проблемы востоковедения, 1959, № 1, с. 99.

⁴¹ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 76.

⁴² Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 100.

⁴³ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 743, л. 148.

⁴⁴ Там же, л. 162.

⁴⁵ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 112.

⁴⁶ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 23.

⁴⁷ Там же, д. 743, 308, 311, 313.

Таким образом, уже к концу XIX в. размер поземельного налога достиг 40% урожая и не только с зерновых, но и с гузы, луцерны, с садов и огородов.

Для обозначения основного поземельного налога наряду с термином «харадж» встречаются также «мал» и «малиат». Так, в пайгирах под общим заголовком о сборе хараджа читаем о баг-мали, харбуза-мали, чарбаг-мали, малиат-и алаф⁴⁸ и т. п. Причем, если в заголовках пайгиров приведен термин харадж, то в подзаголовках тех же документов употреблялись при перечислении разных культур термины «мал» или «малиат». Иногда термин «мал» встречается и в заголовках, а «харадж» — в подзаголовках, т. е. они употребляются как синонимы.

В качестве поземельного налога встречается также термин «муштбар»⁴⁹. В архиве Канцелярии кушбеги сохранились документы о сборе налога муштбар с фукара туманов Бухары. Это своеобразный отчет казиев перед эмиром о количестве собранного налога муштбар с урожая зерновых с указанием о том, сколько манов зерна должен был составить муштбар в каждой местности. Такой налог собирался также по установленным «эмирским» ценам. В каждом ариза авторы приводили сумму справочных цен, на основании которых вычислялась сумма налога. Так, казий тумана Пирмаст Султанабада⁵⁰ сообщал эмиру о сборе с населения в счет муштбара 491 ман дунимсир зерна по установленным ценам из расчета по 29 танга с 246 манов пшеницы, что составило 7124 танга 1 ниммири и по 17 танга с 245 манов 1 дунимсир джугары, составившей 7123 танга, всего же 11 298 танга и 3 мири⁵¹.

Донесения казиев с отчетом о собранных в качестве налога муштбар суммах и сообщением об отсылке этих денег в казну адресованы, обычно, на имя кушбеги или диванбеги и содержат просьбу о присылке расписки в получении денег. Все донесения о сборе и отправке сумм муштбара написаны казиями или райсами. Это позволяет сделать вывод, что сбором налогов с туманов Бухары ведали лица духовного звания. Налоговые суммы, собранные в счет муштбара, были значительными. Так, казий Мулла Мауля⁵² ходжи (на оттиске печати которого на документе имеется дата 1307 г. х., т. е. 1889/1890 г.) доносил об отправке в счет муштбара — 20 179 танга, собранных с фукара Хутфара за 847 манов и 3 дунимсира зерна, половину пшеницей и половину джугарой из расчета по 27 танга за ман пшеницы и 23 танга за ман джугары. Казий Мулла Хади ходжа⁵³ (1307 г. х.) также со-

⁴⁸ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 743, лл. 59, 301, 148.

⁴⁹ Там же, д. 1054, л. 5, 7, 13.

⁵⁰ Там же, л. 2.

⁵¹ Мири — четвертая часть танги, содержит 16 пуль. См.: Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства//Воен. сб. 1890. № 12. С. 413—414. Наммияри — половина мири.

⁵² ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 1054, л. 6.

⁵³ Там же, л. 7.

общал эмиру о сборе с населения тумана Хутфар 27 957 танга за 847 батманов и 3 дунимсира зерна половину пшеницей и половину джугарой из расчета по 36 танга за ман пшеницы и 30 танга за ман джугары и т. п. Из донесения казия Ками Абу-Муслима⁵⁴ мы узнаем, что автор собирал муштбар по пайгирам.

Большой интерес представляет донесение казия Мулла Хади ходжи⁵⁵, который, отчитываясь о сборе муштбара с фукара тумана Хутфар, писал, что муштбар с населения Хутфара должен был бы составить 27 957 танга, но 99 танапов хараджевой земли вышло из строя (занесло песком), и поэтому налог с нее не взимался. Из этого документа становится ясным, что муштбар взимался с хараджевых земель.

Тот факт, что основной поземельный налог в туманах Бухары назывался муштбаром, подтверждается еще декретом Ревкома БНСР от 30 сентября 1920 г., объявившем об отмене налогов⁵⁶. Здесь после слова муштбар, в скобках дано пояснение — харадж.

Рассматриваемый нами муштбар не имеет ничего общего с муштбаром — горстевым сбором, описанным А. А. Семеновым⁵⁷ как добровольная подачка амину, аксакалу и другим лицам низовой сельской администрации, наблюдавшим за уплатой налога.

В конце XIX в. в связи с ломкой феодально-патриархальных отношений и ростом товарного производства наблюдается тенденция перехода к денежному обложению. Так, в донесении Паччо ходжа урака⁵⁸ предлагается платить весь харадж по древнему обычью — натурой.

«Собрав аксакалов, агалыка и жителей,— пишет Паччо ходжа,— мы установили, что в прошлые времена население платило харадж натурой. Но со времени правления Абдурахим бия яккабагского, которому трудно было свозить к себе весь собранный гузарский хлеб, этот налог стали собирать деньгами. С этого времени прошло 13 лет, но народ желает платить харадж натурой и приступил к постройке амбаров для ссыпки собранного зерна». По оттискам печатей Паччо ходжа урака мы узнаем, что он был назначен в Гузар в 1301 г. х., т. е. в 1883/1884 г. Следовательно, рассматриваемое донесение могло быть написано им не ранее 1883 г. Если вычесть указанные в донесении 13 лет, когда налог стали собирать деньгами, то получится 1870 г. Но, чтобы не ошибиться, поскольку донесение могло быть написано не в первый год правления, можно назвать начало семидесятых годов, когда в Гузаре стали взимать харадж деньгами. В другом документе, ариза Мулла Мир Нигматуллы раиса муфти, сообщалось, «...что когда хакимами Яккабага были Турды бек и Абдулла Маджид

⁵⁴ Там же, л. 4.

⁵⁵ Там же, л. 7.

⁵⁶ Там же, ф. И—46, оп. 1, д. 115, л. 87.

⁵⁷ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного налогового устройства Бухарского ханства. Ташкент, 1928. С. 35.

⁵⁸ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. д. 1271, л. 39.

туксаба, то они делали запасы зерна для своих нужд из доли хараджа. Теперешний же хаким Абдурахим бек бий не пожелал делать запасы зерна, а хочет вместо этого произвести сбор денег в амляке Ташкурган, против чего выступили крестьяне. Хаким арестовал 2—3 человек для «устрашения» (остальных). Крестьяне тогда пошли жаловаться эмиру»⁵⁹.

В литературе имеются данные о том, что в 70-е годы в Шахрисабзском бекстве харадж взимался натурой⁶⁰, а в более отдаленном Кулебском вилайете еще в начале XX в. часть налога взималась натурой⁶¹.

Таким образом, можно полагать, что переход от частично натурального к полному денежному обложению начался в 70-х годах, а в отдельных отдаленных восточных бекствах, каким был Кулеба, продолжался вплоть до начала XX в. Причем, население часто выступало против требования взноса налога деньгами. Это объяснялось не только трудностями подвоза зерна на рынок или отдаленностью последних, но также и тем, что установленные справочные цены, по которым налог переводился на деньги, были выше действительных, рыночных цен. Средние рыночные цены устанавливались казием совместно с раисом на основании цен трех последних базаров данной местности и сообщались эмиру в специальном донесении. Эмир, как бы утверждая эти цены, направлял мубарек-наме,— т. е. «благословенную» грамоту — с рыночными ценами местным властям, только после получения которой на местах имели право приступить к взиманию налогов и сборов. Однако зачастую кази и раисы сообщали эмиру не действительные базарные цены, а несколько завышенные, поскольку разница между ними составляла личный доход податной администрации.

Одновременно с хараджем взимались некоторые сборы в пользу податной администрации (кафсан, даругаги, мушрифана, сагубардари, сагударга, катибана, мухрана, саман-пули и другие).

Кафсан взимался натурой в пользу сборщика податей — амлякдара. Размеры кафсана точно не были определены. А. Л. Кун писал: «При сборе податей с урожая брали предварительно особым сосудом (сагу) немного для амлякдара, затем брал амин, аксакал, дарга, нанвай (пекарь) — что называлось кифсень»⁶². Л. Н. Соболев указывал, что величина кафсана доходила до 10% всех сборов, иногда и более, но вообще это вознаграждение весьма неопределенного характера⁶³. Б. Г. Гафуров считал, что...

⁵⁹ Там же, д. 1267, л. 75.

⁶⁰ Кун А. Л. Очерки Шагрисебского бекства//Записки РГО по отделению этнографии. Т. IV. 1880. С. 230.

⁶¹ Варыгин М. А. Опыт описания Кулебского бекства//Известия РГО. Т. IV. Вып. 10. 1916. С. 799.

⁶² Кун А. Л. Бухарские порядки//Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

⁶³ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе... С. 349.

«амлякдары официально брали за свои труды по сбору налогов с каждого батмана урожая на землях оби один нимхурд (32 фунта) и на землях ляльми 1/2 чайрека (8 фунтов)»⁶⁴.

В Шерабадском вилайете в 90-е годы XIX в. податные сборщики требовали уплаты кафсана в размере 5 гарбилей⁶⁵ зерна. Причем кафсан в этом вилайете не входил в число сборов по традиции данной местности⁶⁶. Следовательно, податные сборщики злоупотребляли, взимая его.

Кафсан шел не всегда на содержание амлякдаров, как правильно отмечал А. А. Семенов⁶⁷. Иногда он сдавался в казну как дополнение к хараджу. Из отчета амлякдара Яртепа о приходе и расходе ясно, что наряду с 1295 манами зерна с населения было собрано 725 манов зерна в качестве кафсана, т. е. кафсан составлял в данном случае 57% хараджа⁶⁸. Судя по данным этого же отчета, харадж и кафсан собирались деньгами по установленным рыночным ценам и деньги отправлялись в казну. В местности Дахъяк-и Кухна было собрано зерном 1430 манов хараджа и 279 манов седунимсир кафсана⁶⁹. Деньги, собранные из расчета установленных средних рыночных цен, были отправлены в казну. Здесь кафсан составил 19,5% из общего количества хараджа⁷⁰.

Из отчета Файзаабадского амлякдара узнаем, что хараджа было собрано 48 840 танга, кафсана 8100 танга, за вычетом всех указанных в отчете расходов амлякдара деньги были отправлены в казну. Сумма кафсана в этой местности составила 16,5% хараджа. Причем кафсан в вилайетах, где он являлся дополнением к основному налогу — хараджу входил даже в число налогов, для которых проводилось предварительное определение размера будущего сбора на корню — истифо. Так, автор одного из ариза эмиру⁷¹, судя по тексту документа, провел проверку истифо в Кармине. Он сообщал эмиру, что харадж с пшеницы составит 2808 манов, кафсан — 109 манов и 9 дунимсир, харадж с ячменя — 321 ман 5 дунимсир, кафсан — 30 манов. Харадж с гузы — 135 манов 9 дунимсир, кафсан — 4 мана дунимсир, харадж с джугары — 1837 манов 10 дунимсир, кафсан — 178 манов 10 дунимсир и 55 манов кафсан-и даруга. Отчет податного чиновника из Кармине также дает нам возможность предположить, что суммы сбора кафсана отсылались в казну.

Даругаги или кафсан-и даруга — сбор в пользу даруги. П. П. Иванов писал, что термин «даруга» упоминается не только применительно к сборщику налога, но и правительству небольшого

⁶⁴ Гафуров Б. Г. История таджикского народа. С. 123.

⁶⁵ Гарбиль — решето, вмешавшее около пуда зерна.

⁶⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 69—80.

⁶⁷ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства

б. Бухарского ханства. С. 35.

⁶⁸ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1 д. 1080, л. 60.

⁶⁹ Там же, д. 1259, л. 4.

⁷⁰ Там же, д. 1262, л. 9.

⁷¹ Там же, д. 1080, л. 27.

сельского района в Бухаре в XIX и XX вв.⁷² Определенной нормы взимания даругаги не существовало. Этот налог собирался якобы по обоюдному согласию земледельца и даруги. «Обычно даруга набирал в полу халата зерно из кучи до тех пор, пока ему не станет тяжело нести, или пока хозяин не остановит его»⁷³. А. П. Хорошхин описывает, что в одном из кишлаков даруга взял 1 пуд 36 фунтов зерна, тогда как ему следовало бы взять не более 30 фунтов⁷⁴. В вилайете Денау по старинному обычаю в пользу даруги должны были взимать с каждого коша земли по 1 ману зерна⁷⁵. Но при расследовании жалобы крестьян амлякдари во время очной ставки с ними вынуждены были признать, что взыскивали выше установленных норм — с каждого мана зерна собирали дунимсир (20 фунтов) даругаги. Обычно с коша земли (в 48—50 танапов) при условии сбора с каждого танапа 5 батманов зерна урожай составлял 245—250 батманов пшеницы⁷⁶. По старинному обычаю в Денау отдавали даруге 1 ман зерна с каждого коша земли, т. е. 1/240. Амлякдари же, нарушая традицию, брали с каждого мана по 20 фунтов, т. е. 1/16 или в 15 раз больше. Так же как и кафсан, кафсан-и даруга не всегда шел в доход даруге. Иногда он сдавался в казну, как, например, в Кармине⁷⁷.

Мушрифана. Н. Л. Латыпов считает, что сбор, известный в Дарвазе под названием мушрифана в западных бекствах Бухарского эмирата назывался кафсан и размер его был больше⁷⁸. Такого же мнения придерживается и Н. А. Кисляков⁷⁹. Из донесения казия Мулла Мир Имададдина⁸⁰ следует, что в Денауском вилайете наряду с кафсаном в пользу амлякдара взимался еще мушрифана.

П. П. Иванов считал, что мушрифана — особый вид сбора на содержание налоговых сборщиков — мушрифов⁸¹.

Сбор в пользу мушрифа практиковался и в Хиве. Я. Г. Гулямов, в частности, писал, что это сбор в пользу чиновника, прове-ряющего урожай и устанавливающего его размеры⁸².

Заставляет задуматься документ, написанный по указанию эмира Абдаллахом Мирза Муншием правителью Зиадина о необходимости отпуска 8698 манов зерна. Автор указывает, что хаким должен заплатить мушрифана по 1 танга с 10 манов зерна⁸³. По-

⁷² Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов... С. 37.

⁷³ Хорошхин А. П. Заметки о поземельных сборах в Зеравшанском округе//Туркестанские ведомости. 1874. № 1.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Мухсинова К. З. К истории выступления крестьян... С. 98.

⁷⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 140, л. 289.

⁷⁷ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1080, л. 27.

⁷⁸ Латыпов Н. Л. К вопросу о социальных отношениях... С. 116.

⁷⁹ Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения... С. 108.

⁸⁰ Мухсинова К. З. К истории выступления крестьян... С. 99.

⁸¹ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов... С. 38.

⁸² Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957. С. 235.

⁸³ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1269, л. 7.

видимому, мушрифана отсыпался государству так же, как и кафсан. И если хаким должен был заплатить мушрифана из расчета по 1 танга с 10 манов зерна, то наверное, и с фукара этот налог должен был взиматься в этом же размере.

Сагубардари — сбор в пользу несущего сагу (решето)⁸⁴, которым отсыпали зерно при уплате налогов. Таким человеком мог быть кто-либо из свиты амлякдара. Сагубардари упоминается у А. П. Хорошхина⁸⁵ как сбор, предназначенный на довольствие амлякдарских лошадей. Размер его, к сожалению, документами не определяется. Существовал также сбор на довольствие лошадей даруги. В документе, датированном 1300 г. х. (1882/1883 г.), сообщалось об отмене сбора сагубардари⁸⁶.

Катибана. Казий Денау Мулла Мир Имададдин доносил эмиру, что амлякдары, нарушая установившуюся традицию, собирали с каждого мана зерна 1 танга в пользу катиба (писца)⁸⁷. Если учесть, что 1 батман пшеницы стоил в Бухаре в среднем 18 танга⁸⁸, а в таких отдаленных вилайетах, как Денау, конечно, дешевле, то на 1 танга можно было купить около 1/2 пуда пшеницы, следовательно, и этот сбор был не таким уж маленьким, тем более, что на каждом хирмане был не 1 ман зерна. Следовательно, доходы катиба были значительными. При сборе закятавоим производился сбор каламана, также, видимо, в пользу писца — иногда по 2 танга⁸⁹, а иногда и по 4 танга⁹⁰ с налогоплательщика. Сбор катибана не всегда, видимо, полностью поступал в пользу секретаря амлякдара или сборщика закята. В одном из документов сообщается о получении предписания кушбеги, в котором указывалось на необходимость потребовать от амлякдаров, чтобы они выделили долю катибана из остатков сбора. В этом году, сообщает автор, деньги были отосланы (в казну)⁹¹.

Мухрана. Его взимал даруга за опечатывание хирмана. Известно, что зерно после обмолота ссыпали в кучу, которую опечатывали специальными глиняными или деревянными печатями, чтобы крестьяне не смогли часть зерна унести до уплаты налогов. В донесении казия Мулла Мир Имададдина указано, что в вилайете Денау амлякдары взимали мухрана с каждого мана зерна дунимсир.

Мухрана собирался также казиями, раисами и другими лицами духовного звания при составлении различных юридических документов. Так, в одном из донесений сообщалось, что автор сос-

⁸⁴ А. Л. Кун считает, что сагу — особый сосуд (Туркестанские ведомости, 1873, № 32).

⁸⁵ Хорошхин А. П. Заметки о Зеравшанской долине//Туркестанские ведомости. 1873, № 12.

⁸⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 44.

⁸⁷ Мухсинова К. З. К истории выступлений крестьян... С. 98.

⁸⁸ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 674, л. 35.

⁸⁹ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1053, л. 2.

⁹⁰ Там же, д. 1266, л. 16.

⁹¹ Там же, д. 1058, л. 1.

тавил махзар-и шар'и на 1400 танга и, согласно порядку, взыскал 52 танга мухрана⁹². Мулла Махмуд ходжа раис сообщал, что при отдаче на поруки Ак-кузи, арестованного по подозрению в воровстве, было взыскано 100 танга мухрана⁹³.

Саман-пули. Л. Н. Соболев писал, что саман-пули (сбор с соломы) взимался в зависимости от количественного состава расположенных войск, по усмотрению правительства⁹⁴. В анонимной рукописи ИВАН УзССР (№ 300, л. 40 а—в), изученной О. Д. Чехович⁹⁵, имеется указание о сборе по бухарскому обычая 1/5 части соломы «в знак доброжелательности». Этот сбор упоминается и в донесении эмиру казия Шерабадского вилайета мулла Исаметдина. В Шерабаде саман-пули взимали более установленного обычаем⁹⁶, но размер его, к сожалению, не указан.

Из отчета по туманам Камот, Шафрикан и Шахр-и Ислам видно, что сбор с соломы в них составил 9 танга⁹⁷.

Сурукана, хасуна-пули. В фонде Российского политического агентства сохранились данные о прибытии сборщиков налогов в летовки Гульбазар для сбора сурукана со скотовладельцев рода кырк-юз. Размер сбора был определен в 200 баранов с отары. Сурукана взималась, как видно из документов, за пользование пастбищами, например, при перегоне скота. Так, Якуб туксаба доносил эмиру, что ежегодно зимой через местности, населенные племенами марка, локай, карлук и других пригоняли скот в Кургантюбе. Причем с каждого сурука (отары) было положено взимать 2 барана. Обычно сурукана собирали баджир (таможенник), но в некоторых случаях и амлякдары⁹⁸.

Из документов Канцелярии кушбеги мы узнаем, что в начале лета, пересчитав баранов, их пропускали на летние пастбища, взыскивая при этом хасуна-пули⁹⁹. Этот сбор упоминается и Н. Латыповым, считающим хасуна-пули для Южного Дарваза платой за пастбища¹⁰⁰. Из жалобы скотоводов племен карлук и марка, населявших Бальджуанское и Кулябское бекства, мы узнаем, что с них незаконно требовали уплаты хасуна-пули. Встречается также термин «чуп-пули», как сбор за пользование пастбищами. Он взимался в размере 4 танга со 100 баранов¹⁰¹.

⁹² Там же, оп. 1, д. 1272, л. 36.

⁹³ Там же, ил. 29.

⁹⁴ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения... С. 391.

⁹⁵ Чехович О. Д. О размере хараджа в Бухаре XIX в.//Общественные науки в Узбекистане. 1971. № 3. С. 39.

⁹⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1264, л. 76.

⁹⁷ Там же, д. 1080, л. 28.

⁹⁸ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1159, л. 99.

⁹⁹ Там же, д. 1001, л. 19.

¹⁰⁰ Латыпов Н. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти//Ученые записки Кулябского геопединститута. Вып. 3. 1957. С. 27.

¹⁰¹ ЦГА РУз, ф. И—3, оп. 1, д. 302, л. 7.

Танабана или танаб-пули взимался деньгами с садов, виноградников, огородов и с земель, засеянных клевером¹⁰².

А. Гребенкин писал, что с танаба садов собирали от 2 до 5 руб., с клевера старого — 1 руб. 20 коп., с нового — 60 коп., с моркови брали 1/5 часть урожая¹⁰³. По данным А. Л. Куна¹⁰⁴, с каждого танаба земли взимали безотносительно к величине сбора урожая по 6 танга, с виноградников — 1/2 тилля. В письмах эмира Хайдара указывалось, что с сенокосов Искибага, Афгана и Хузара следовало взимать 8 танга за танаб, а с других сенокосов — 6 танга за танаб. «С виноградников и фруктовых садов берите за танаб не более 18 танга», — писал он¹⁰⁵. Из документов фонда Канцелярии кушбеги мы узнаем, что в Душанбе за каждый танаб сада брали 20 танга налога танабана, за клевер — по 6 танга¹⁰⁶. В Шерабадском вилайете по старинному обычанию собирали с садов 13 танга, с клевера — 6 танга и с каждого танаба овощей — 12 танга. Амлякдары Шерабадского вилайета, не довольствуясь этими размерами налогов, взыскивали с садов вдвое больше, т. е. по 26 танга, а с клевера вместо положенных 6 танга брали 12 танга¹⁰⁷. В Ахча-буке Китабского вилайета взимали с каждого четырех танабов по 1 танга, а в соседнем Чиракчи с танаба бахчевых — по 12 танга¹⁰⁸, т. е. размеры налога росли.

В документах фонда Канцелярии кушбеги встречаются отчеты о сборе аляф-пули¹⁰⁹, баг и чарбаг-мали¹¹⁰, сабзи-мали¹¹¹ и майдамали¹¹². Многообразие терминов, видимо, объясняется тем, что налог танабана собирали в разное время по мере созревания различных культур. Сбор танабана входил в число налогов, для которых проводилось истифо — предварительное определение урожая на корню и его будущее количество записывалось в налоговые книги. Если в вилайетах Бухары танабана наряду с другими налогами собирался податными сборщиками местных правителей, то в туманах Бухары и прилегающих к Бухаре районах этот налог, как и муштбар, собирался и отправлялся в казну служащими казия. Причем в туманах существовали весенний и осенний сборы танабана¹¹³. Так, в 1890/91 г. из Каракуля было отправлено

¹⁰² Гребенкин А. Шаагрсябская долина//Известия РГО. Т. VIII. М., 1872. С. 22.

¹⁰³ Там же. С. 22.

¹⁰⁴ Кун А. Л. Очерки Шагрисебского бекства... С. 230.

¹⁰⁵ Абдураимов М. А. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. С. 102.

¹⁰⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1048, л. 4.

¹⁰⁷ Там же, оп. 1, д. 1267, л. 76.

¹⁰⁸ Там же, д. 1270, л. 55.

¹⁰⁹ Там же, оп. 1, д. 1267, л. 76.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, оп. 1, д. 1267, л. 76.

¹¹² Там же.

¹¹³ Весенний сбор танабана собирался с так называемых «белых» культур (сафид-бари), к которым относились пшеница, ячмень, лен, чечевица, мак. Они поспевали в мае—июне. К осенним или поздним культурам (кабуд-бари) относились джугара, просо, кунак, шалы и т. п.

в казну 13 997 танга, 14 000 танга и 14 004 танга¹¹⁴; Камата и Самджина — 13 379 танга и 13 375 танга; Пирмаста Султанабада — 10 737 танга, 10 730 танга, 10 480 танга; Харканруда — 14 632 танга, 14 635 танга; Хайрабада — 8 651 танга, 3 651 танга; Хутфара — 17 900 танга, 17 970 танга, 18 074 танга; Шафиркама — 8 548 танга; 8 572 танга и 8 591 танга; Кам-и Абу Муслима — 9 929 танга, 10 022 танга и 10 935 танга; Шемал-и руда — 34 452 танга; Джануб-и руда — 24 500 танга¹¹⁵.

Кош-пули. Эта подать взималась с коша — земельной площади, которую могли обработать за сезон пара волов. Она была введена эмиром Насруллой (1826—1860) якобы по просьбе землевладельцев. Кош-пули брался по раскладке от 1 руб. до 3 руб. 60 коп.¹¹⁶ По другим данным, в Зарафшанском округе кош-пули собирали с овощных плантаций в районах, которые были богаче водой и ближе к рынку, в сумме 3 руб. 20 коп.— 3 руб. 60 коп., а с отдаленных и бедных — 1 руб. 80 коп.¹¹⁷ По мнению Л. Н. Соболева, подать кош-пули была введена при Шахмурад-хане (1785—1800) при проведении ирригационных каналов: «При нем было положено взимать с каждого коша земли по 2 танга. Преемники Шахмурада изменили назначение сбора, увеличив его в 5 и 9 раз, и брали зачастую наравне с прямыми податями»¹¹⁸. А. А. Семенов, так же как и А. П. Хорошхин, считал, что налог кош-пули введен в конце 80-х годов XIX в., когда земледельцы долины Зарафшана обратились с просьбой к эмиру Насрулле облегчить потенциальное обложение с бахчей или овощных плантаций, удаленных от дома и требующих поэтому больше забот. Потом кош-пули был распространен на всех земледельцев независимо от того, занимаются они разведением бахчей или нет и обычно ставки этого налога, как правило, не превышали 8 танга¹¹⁹.

Данные документов фонда Канцелярии кушбеки свидетельствуют, что размер кош-пули часто значительно превышал тот, который указывали цитируемые авторы. Так, в донесении должностного лица эмиру сообщалось: «Абдалкадыр бек парваначи взимал с крестьян в начале пахоты налог кош-пули в размере 9 танга, а теперь отдал распоряжение сборщикам налога взимать с тугайцев по 20 танга»¹²⁰. По сложившейся традиции, с каждого коша земли следовало брать в Денауском вилайете по 22 танга кош-пули¹²¹, податные же сборщики, нарушая эти нормы сбора, взимали более 22 танга. На сборщика налога Таки туксабу жа-

¹¹⁴ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1048, л. 37.

¹¹⁵ Там же, д. 1049, л. 1—27.

¹¹⁶ Хорошхин А. П. Долина Зеравшана//Военный сборник. Т. 74. Спб., 1870. С. 130.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 15, л. 34.

¹¹⁹ Семенов А. А. Очерки поземельно-податного и налогового устройства. С. 53.

¹²⁰ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1270, л. 1.

¹²¹ Мухсинова К. З. К истории выступлений бухарских крестьян... С. 98.

ловались крестьяне Зиадина. Он вместо 32 танга стал взимать кош-пули по 115 танга¹²². Если сравнить величину сбора кош-пули в Зиадине с данными Л. Н. Соболева о том, что ранее было положено взимать по 2 танга, то получим, что размер кош-пули возрос в 57,5 раза.

Документы фонда свидетельствуют о существовании в туманах Бухары сборов ускуна-пули, чигры-пули, лябаки-пули и джуйча-пули, которые собирались с крестьян представителями духовенства, в основном казиями и раисами. В донесении казия тумана Камат сообщалось кушбеги, что после получения указания о наступлении времени сбора налогов, он пересмотрел налоговые книги и приступил к сбору денег¹²³.

В других донесениях также сообщалось, что к сбору податей приступили после получения соответствующего указания.

Сбор упомянутых налогов производился одновременно с баг-мали, чарбаг-мали и аляф-пули. В одном и том же документе сообщалось об отсылке собранных налоговых сумм, изъявляясь только просьба прислать две отдельные расписки на полученную сумму: одну за ускуна-пули, чигры-пули, джуйча-пули и лябаки-пули, другую за баг-мали, чарбаг-мали и аляф-пули. Казий мулла Насретдин писал кушбеги о сборе с населения тумана Хутфар в 1313 г. х. (1895/1896 г.) ускуна-пули в размере 6551 танга, чигры-пули — 1029 танга, джуйча-пули — 620 танга¹²⁴. Казий Шафиркама в 1310 г. х. (1892/1893 г.) сообщал эмиру о сборе ускуна-пули в сумме 3363 танга, джуйча-пули — 2190 танга, итого 5563 танга¹²⁵. Казий Мулла Гиясатдин судур в 1317 г. х. (1899/1900 г.) докладывал Мир бию диванбеги о сборе с населения тумана Харканруд ускуна-пули в сумме 7420 танга, джуйча-пули и лябаки-пули — 1670 танга, итого 9090 танга¹²⁶ и т. п.

Из рассмотренных донесений следует, что самая большая сумма поступала с ускуна-пули. Под термином «ускуна» понимается сбор со строений, но встречается он и в другом значении. Мухаммад Бака Ходжа судур казий, как бы оправдываясь за незначительность отосланной суммы налога в казну, писал, что население страдает от отсутствия воды, все сады высохли и ускуна нет. Таким образом, можно полагать, что ускуна-пули собирали и с плодовых деревьев. Чигры-пули — сбор за орошение водой из чигирей, лябаки-пули — за орошение водой, отведенной от магистральных каналов, и джуйча-пули — за пользование водой небольших арыков. Суммы, собранные в счет этих налогов, отсылались в казну.

Мирабана — сбор в пользу лиц, ведавших местной ирригацией. Мирабана взимался в разных местностях по-разному, иногда

¹²² ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1270, л. 18.

¹²³ Там же, д. 1061, л. 3.

¹²⁴ Там же, л. 11.

¹²⁵ Там же, л. 7.

¹²⁶ Там же, л. 16.

дёньгами, имогда зерном, а иногда водой. По словам А. А. Семенова, «некоторые пытались установить хотя бы приблизительно среднюю норму такого сбора — 1 батман пшеницы с пары рабочего скота, впряженного в плуг, — но все это чрезвычайно неопределенно и гадательно»¹²⁷. Мнение А. А. Семенова подтверждается донесением казия Денау мулла мир Имададдина, который сообщал, что по установленному в Денау обычанию мирабана должны были собирать в количестве 1 мана зерна с каждого коча земли¹²⁸.

Аминана — налог, взимаемый на базарах с продажи товаров и скота. Этот налог был введен эмиром Музаффаром (1860—1885) на нужды войны с Россией в размере 1,5% со стоимости товара¹²⁹. Из периодического он постепенно превратился в постоянный налог, вызывавший массу нареканий в адрес бухарского правительства со стороны русских фирм. Общий доход эмирата от аминаны составлял в 1912 г. 1500 тыс. руб.¹³⁰ Только с 1 октября 1915 г. удалось добиться взимания с русскоподданных при покупке хлопка вместо аминаны одного только закята¹³¹. В циркулярах Российского политического агентства о нормах сборов от 26 октября 1891 г. указывалось, что с каждого пуда гузы должны были платить при продаже 8 пуль аминаны, с хлопка — 3 мири (3,4 танга)¹³². Из всеподданейшего отчета о состоянии Бухарского и Хивинского ханств за 1895—1896 гг. известно, что на базарах с 16 пудов хлопка взимали 11 1/2 танга, с 1 мана шерсти — 1 3/4 танга, с каракулевых шкурок, проданных на 200 танга — 2 танга или 1%, с чая, индиго и английской кисеи, проданных на 2000 танга — 12 1/2 танга. Со скота аминана взимали в следующем размере: с 1 верблюда — 2 танга, с лошади — 1 танга 2 1/2 пули, с ишака — 40 пуль, за голову рогатого скота — от 40 пуль до 1 танга¹³³.

Аминана взималась не только с продажи хлопка, каракуля, шерсти и скота, но и зерна, другой продукции сельского хозяйства в размере не более 1% стоимости. Автор одного из донесений просит сообщить Мухаммад караулбеки закатчи тумана Кам-и Обу Муслим о необходимости сбора аминаны одновременно со сбором закята. «Но,— пишет автор,— предупредите, что аминана взимается только с проданной шерсти, ибо сборщики могут взимать и с непроданной, причиняя тяготы»¹³⁴.

¹²⁷ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства...

С. 53.

¹²⁸ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 101, л. 2.

¹²⁹ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства...

С. 48.

¹³⁰ Архив внешней политики России, ф. Средне-Азиатский стол, оп. 485, д. 364, л. 14.

¹³¹ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства...

С. 48.

¹³² ЦГА РУз, ф. И—3, оп. 1, д. 140, л. 198.

¹³³ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 791, л. 3—5.

¹³⁴ Там же.

Вызывает интерес донесение хакима Кабадиана Мухаммад Шарифа эшикагабаши эмиру о крестьянах Джаркургана, которые пришли к нему с просьбой освободить их от уплаты аминана, взимавшейся с каждого коша земли. Из-за тяжести налогов многие крестьяне со своими семьями бежали через Дарью в Афганистан, поэтому обработанными оказались лишь 50 кошев, которые и заставались. Автор сообщает эмиру, что амины, казни и раисы собравшись, решили вопрос мирным путем — согласились взимать с населения по 5 танга с коша, и это было сделано с целью вернуть бежавших¹³⁵. В рассмотренном документе аминана взималась не с продажи товара на базарах, а с каждого коша земли, что, естественно, вызывает удивление. Из другого документа¹³⁶ мы узнаем, что аминана с базаров вилайета Керки составляла 94000 танга и собиралась с торгующих на базаре, а недостающая часть денег раскладывалась, смотря по состоянию, на население¹³⁷.

Таким образом, даже не продавая ничего, население вынуждено было выплачивать налог аминана, что тяжелым бременем ложилось на крестьян, обиравемых начиная с податных сборщиков и местной администрации и кончая откупщиками на базарах, поскольку сбор аминана обычно сдавался на откуп. Откупщики налога старались собрать не только обусловленную договором сумму откупа, а гораздо больше, чтобы иметь солидный доход. Поэтому они, не довольствуясь сбором с базаров, облагали даже население, как, например, в вилайете Керки. До нас дошли донесения о посылке собранных сумм аминана в казну. Так, с базара вилайета Керки за три месяца было отослано 22000 танга¹³⁸, с вилайета Бальджуан за 6 месяцев — 6000 танга¹³⁹, с Бурдалыка — за год 9300 танга¹⁴⁰, аминана и плата за место на базарах вилайета Карши были откуплены за 180000 танга¹⁴¹ и т. д. В донесениях должностных лиц мы находим указание на то, что откупщики базаров взимали с населения больше положенного¹⁴³. Сама система откупа вела к этому. Базары отдавались с торгов тому, кто больше даст. Так, Пирназар бек дадха писал, что Алтун мирза-бashi — откупщик арендовал базары Ходжа-Джанбаза за 8400 танга, но другой предложил 9000 танга. В результате новых торгов нашлись желающие арендовать за 9400 танга¹⁴³.

Также сдавался в аренду хак-и руба — сбор осыпанного на базаре зерна, причем хозяин подобрать осыпанное зерно не имел права. Так, хак-и руба с базаров Янги-Кургана, Фарзанкенда составил в 1885/1886 г. 65 танга, Касканбрана — 11 танга, Кани-

¹³⁵ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1247, л. 5.

¹³⁶ Там же, л. 36.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, д. 1250, л. 2.

¹³⁹ Там же, д. 1247, л. 1.

¹⁴⁰ Там же, л. 3.

¹⁴¹ Там же, оп. 1, д. 1251, л. 7.

¹⁴² Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1244, л. 3.

¹⁴³ Там же, д. 1242, л. 3.

меха — 20 танга, Арабхана — 30 танга, Олчина — 15 танга, Хазара — 5 танга, итого 146 танга¹⁴⁴.

Даллоли — маклерский сбор, платился по обоюдному согласию продавца и покупателя. Шкурки каракуля, например, без маклеров не продавались. Даллоли взимался с аминана¹⁴⁵.

Таразу-хаки — сбор за взвешивание на базарах. При взвешивании гузы с продающих крестьян взимали плату в пользу весовщиков 1 чоръяк (5 фунтов) с каждого батмана¹⁴⁶, а иногда и больше. Мулла Абдусамат раис муфти доносил эмиру: при проверке в базарный день торгового ряда по продаже риса и пшеницы выяснилось, что весовщики требуют по 1 1/2 чоръяка, вместо издавна взимавшегося 1 чоръяка¹⁴⁷. Этот сбор тоже иногда отдавался на откуп. Казий Мулла Мир Абдулвахаб запрашивал эмира, следует ли ему отправлять в казну деньги за откуп таразу-хаки вилайета Китаб через каждые три месяца по 400 танга, поскольку сумма откупа 1600 танга¹⁴⁸.

Таги-джой — плата за место на базарах. В донесении муллы Мир Бадреддина садр ранса эмиру отмечалось, что в махалле Базар-и бурье была установлена следующая плата за таги-джой: за ослиный выюк бирдана (род грубой циновки) — 4 монсты, за ослиный выюк камыша — 2 монеты.

Наряду с термином таги-джой (تگی جای) встречается также и тахт-и джой (تسجای). Причем тахт-и джой собирался с базаров Карши одновременно с аминана, общая сумма этих двух сборов составляла 11 166 танга¹⁵⁰. По данным А. А. Семенова, пули тахта-и джой представлял сбор за место, занимаемое скотом или товаром на базаре (например, с барана или овцы взималось по 2 пули)¹⁵¹. О. С. Сухарева считает, что данный термин следует писать как «тахт-и-джой» — «место (под собой)»¹⁵²⁻¹⁵³.

Тай-пули. Эта плата налога с каждого тюка привозимого товара. Так, документы фонда Канцелярии кушбеги свидетельствуют, что, например, за 83 тюка было взыскано 250 танга, за 13 — 39 танга, за 20 — 60 танга, за 15 — 45 танга, за 30 — 90 танга, за 6 — 18 танга, за 60 — 180 танга, за 40 тюков — 120 танга¹⁵⁴. Эти деньги также, видимо, отсылались в казну.

¹⁴⁴ Там же, л. 1, 2.

¹⁴⁵ Там же, д. 1244, с. 1, 2.

¹⁴⁶ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 140, л. 198.

¹⁴⁷ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1270, л. 30.

¹⁴⁸ Там же, д. 1251, л. 1.

¹⁴⁹ Там же, д. 1279, л. 1.

¹⁵⁰ Там же, д. 1247, л. 35.

¹⁵¹ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства...

С. 52.

¹⁵²⁻¹⁵³ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962.

¹⁵⁴ ЦГА РУз, ф. И-126, д. 1073, л. 1.

Су (сув)-пули, кима пули — сбор за провоз грузов через реку. А. А. Семенов указывал, что с каждого 4 мест керосина или сахара взимали по 1 танга, за 2 места мануфактуры — также по 1 танга¹⁵⁵.

В фонде Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора есть указание на взимание сув-пули с лодочников, занимавшихся перевозкой тяжестей¹⁵⁶. На переправах на Амударье взыскивалось с верблюда — 1 1/2 танга, с 1 лошади — 1 танга, с 1 коровы — 60 пуль¹⁵⁷. В донесении неизвестного автора сообщалось о расследовании жалобы туркмен на чиновника Қабаклы, взыскивающего с них за провоз грузов через реку сув-пули. При расследовании оказалось, что с Бердыбая должны были взять 1 барана и 30 танга, с Ходжибая — 2 козы, 1 барана и 28 танга, общая сумма которых составляла 137 танга. У туркмен не хватило денег для уплаты, поэтому сборщик взял вместо денег козу и баранов. Или хаким Қабадиана доносил күшбеги о лодках на переправе через Кафирниган, которые обслуживаются обе стороны реки. На афганской стороне лодки обслуживала компания и взимала при переправе 1/5 стоимости товара.

Наряду с сув-пули существовал еще кима-пули, например, в вилайете Наразым¹⁵⁸. Так, в одном из документов сказано, что собранная сумма кима-пули была отдана вместе с аляф-пули по записке Сейид Умар ходже, следовательно, сдавалась в казну. В Шерабадском вилайете за пользование каюками на Амударье и Сурхане ежегодно собиралось 5000 танга¹⁵⁹.

Наряду с основными налогами и сборами были и такие, которые собирались периодически, например, за рубку деревьев, за заготовку топлива и т. п.

Чуб-мали или чуп-пули. Л. Н. Соболев считал, что чуп-пули взимался за рубку дров в собственном саду из расчета 2/3 стоимости дерева¹⁶⁰. Как свидетельствуют документы, в амляке Қанимех, в местности Қикантерак было собрано 1 000 танга чуп-пули со спиленных деревьев¹⁶¹. В фонде Канцелярии күшбеги сохранился список налогоплательщиков чуб-мали с местности Кул-и Джуйбар с указанием суммы сбора — от 5 до 36 танга, видимо, в зависимости от количества срубленных деревьев¹⁶².

Барг-мали. Из сообщения хакима Бурдалыка Ходжаулбека бия мы узнаем, что он по повелению эмира выехал ко двору и доставил 9 550 танга, из них сбор барг-мали составил 630 танга¹⁶³.

¹⁵⁵ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства... С. 52.

¹⁵⁶ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 29, д. 880, л. 1—17.

¹⁵⁷ Там же, оп. 34, д. 791, л. 3.

¹⁵⁸ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1085, л. 3.

¹⁵⁹ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 441, л. 3—4.

¹⁶⁰ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения... С. 393.

¹⁶¹ ЦГА РУз, ф. И-126, д. 10001, л. 21.

¹⁶² Там же, л. 14.

¹⁶³ Там же, л. 17.

В одном из донесений указано, что предварительное определение будущего урожая проводилось не только с основного земельного налога харадж, но и с барг-мали¹⁶⁴. Неясно, с чего взимался этот сбор, но судя по смыслу самого термина «барг», что в переводе означает «листья», можно полагать — барг-мали собирался с листвьев, видимо, шелковицы. Указание на сбор с тутовых деревьев, без упоминания термина, имеется у В. В. Радлова¹⁶⁵.

Утин-пули — сбор за заготовку топлива в лесах, в зарослях и кустарниках¹⁶⁶. Этот налог взимали по 2 танга в год с каждого хозяйства для обеспечения дровами чиновников и нукеров во время их пребывания у бека¹⁶⁷.

Сбор с камыша. Жители селения Чимталкуль Янги-Кургана в своей жалобе сообщили, что раньше срезки и продажи камыша ничего не брали. Но сейчас люди амлякдара берут с каждой вязанки камыша, которую может поднять человек — 8 пулей, с лошадиного вьюка — 1/2 танга и с воза — 2 танга¹⁶⁸.

Джуя-мали — сбор с недозрелого зерна. Жители амляка Сейид племени искали жаловались эмиру на амлякдара, который взимал с каждого танапа обработанной земли джуя-мали. Посланный для разбора Абдалкарим миракхур установил, что амлякдар взимал налог за зеленые культуры (кабуд-бари) по обычаям, но требовал еще налог с недозрелого зерна, даже собрал 3—4 хирмана такого зерна¹⁶⁹.

Хода-пули. В донесении Имамназара бека туксабы эмиру сообщалось, что в Бурдалыке во время начала рытья нового арыка собирали с каждого крестьянина по 40 танга хода-пули. Сообщая о недовольстве крестьян этим сбором, Имамназар пишет, что правитель Бурдалыка сократил сумму этого налога до 25 танга, но и это не помогло, недовольство продолжалось¹⁷⁰. Термин «хода-пули» в других источниках не встречается.

Баракат-оли. Из жалобы жителей Джии-джангала известно, что они должны были платить 3 000 танга в качестве баракат-оли. Но несмотря на то, что с них несколько раз требовали уплаты денег, они отказались платить, считая этот сбор незаконным¹⁷¹.

Шукурона-пули. Казий Кургантепе мулла Баба бек сообщал о жалобе жителей местности Садай на то, что с них, бедных жителей, пришедших из Кабула на промыслы, сборщик правителя Кургантепе берет по 20 танга без законного основания. Расследовав жалобу, казий установил ее справедливость¹⁷².

¹⁶⁴ Там же, д. 1080, л. 48.

¹⁶⁵ Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина//ЗИРГО по отделению этнографии. Т. 6. Спб., 1868. С. 92.

¹⁶⁶ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения... С. 392.

¹⁶⁷ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. С. 123.

¹⁶⁸ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1267, л. 27.

¹⁶⁹ Там же, д. 1001, л. 46.

¹⁷⁰ Там же, л. 39.

¹⁷¹ Там же, д. 1270, л. 37.

¹⁷² Там же, д. 1279, л. 56.

Аман-пули — деньги за пощаду, контрибуция, которая была собрана после подавления восстания с населения Шерабада Якубом күшбеги — одним из военачальников эмира Музаффара¹⁷³.

Луката — буквально «найденный, подобранный». Скот, на который не объявлялся хозяин или выморочное имущество без наследников поступали, обычно, к казию, который отправлял деньги в казну (продав предварительно скот или имущество). Но, бухарские чиновники под видом сбора лукаты допускали различные злоупотребления, пытаясь как можно более обобрать народ и наживаться. Так, казий Мулла Мухаммад Ханиф ходжа ране доносил эмиру о жалобе на правителя Корибека парваначи, производившего сбор лукаты в Кабадиане и забравшего 25 баранов из Джаркургана, заявив, что это украденные бараны. При расследовании жалобы выяснилось, что бараны принадлежали Ибадбаю, но и тогда хаким не отдал баранов¹⁷⁴.

Кудук-пули — плата за пользование водой из колодцев. Чарджуйский хаким сообщал российскому политическому агенту, что довел до сведения скотовладельцев приказ начальника Закаспийской области относительно платы за пользование водой из колодцев в степях. Однако скотовладельцы выразили недовольство, так как платили налог за пастбище русскому правительству и закят — бухарскому. Автор попросил отмены постановления о сборе налога за пользование водой из колодцев в степях.

Суиш-пули. Сбор за убой скота. Из донесений неизвестного автора мы узнаем, что Бабанияз чехраогасы взыскал с туркмена Бердыбая 30 танга и одного барана стоимостью в 20 танга в качестве суиш-пули, с Хаджибая взял 28 танга и 2 козы стоимостью в 28 танга¹⁷⁵.

Муштак — горстевой сбор. А. А. Семенов считает, что амины и аксакалы получали при взимании различных налогов с урожая муштак («горсточку»), размер которого фактически составлял около 1 чсрака (2 кг)¹⁷⁶.

Хасбар. Неизвестный автор доносил эмиру, что Турдыкул бек миражур совместно с казиями произвел подсчет хасбара (колючки) в местности Ура-калон вилайета Гузар¹⁷⁷.

В справочной книжке Самаркандской области, в летописи за апрель 1896 г. отмечено: «По ст. 258¹⁷⁸ и примечанию указано просить о дополнении статьи: «На землях, принадлежащих государству, местному населению предоставляется право пасти скот

¹⁷³ Сами Мирза Абдалазим. Тарих-и салатин-и мангитийа/Издание, предисловие, перевод и примечания Л. М. Елифановой. М., 1962. С. 110.

¹⁷⁴ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1270, л. 7.

¹⁷⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1267, л. 4.

¹⁷⁶ Семенов А. А. Очерк... С. 35.

¹⁷⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1001, л. 37.

¹⁷⁸ Имеется в виду статья Положения об управлении Туркестанским краем.

и собирать песок, камень, глину и колючку ввиду существующего издавна промысла сбора последней как топлива»¹⁷⁹.

Следовательно, колючку собирали на топливо, причем этот промысел существовал издавна. И с тех, кто занимался сбором и продажей колючки, взимался хасбар.

Отчапар-пули. Этот сбор упоминается Я. Г. Гулямовым для Хорезма, там чапар-пули платили за оповещение о сборе податей¹⁸⁰. О подобном сборе говорится и у М. Абдураимова — таводжи-пули — в пользу глашатаев, получавших свою долю прямо на хирманах¹⁸¹. Из донесения закятчи Абдурахима мы узнаем, что в Гиждуване для лиц, которые объявляли о начале сбора налога, производился специальный сбор отчапар-пули. Он взыскивался с лиц, не имевших скота¹⁸².

Захкаш-пули, навхона-пули, элкурук-пули. Неизвестный автор, видимо, должностное лицо, ходатайствовал перед кушбеги об отмене взимания с населения захкаш-пули, навхона-пули и элькурук-пули, собираемых, как пишет автор, незаконно¹⁸³. Он отмечал, что население бедно и для него тяжело выплачивать эти налоги, тем более, что оно добросовестно выполняет все обязанности при переходе солдат из Турккуля в Керки и в Диванабаг. Термин «захкаш» А. А. Семенов объясняет как сброс подпочвенных вод. Захкаш-пули, видимо, собирали за сброс подпочвенных вод посредством рытья специальных отводящих воду каналов. В отчете амлякдара о собранных налогах наряду с суммой хараджа указано, что захкаш-пули Фараба и Битика составляли 9 615 танга¹⁸⁴. Навхона в переводе означает «новый дом». Следовательно с новоселов также взыскивался особый сбор. Элькурук-пули, судя по аналогии с термином «курук» (заповедный), встречающимся в Южной Киргизии, возможно, как и там, означал дополнительную арендную плату, которая взималась с кочевников, пригонявших зимовать скот на заповедные земли¹⁸⁵.

Камшут. Неизвестный автор в донесении эмиру обвинял амлякдара в том, что при сборе налогов с урожая он не учел камшут (возможную недостачу)¹⁸⁶. Обычно при сборе налога учитывали то количество зерна, которое было необходимо для покрытия неверного определения урожая на корню, и дважды внесенных

¹⁷⁹ Справочная книжка Самаркандской области. Вып. V. Изд. Самаркандского стат. комитета. 1897. С. 256.

¹⁸⁰ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957. С. 235.

¹⁸¹ Абдураимов М. Пережитки сельской общины... С. 51.

¹⁸² ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1257, л. 40.

¹⁸³ Там же, д. 1001, л. 51.

¹⁸⁴ Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре//Советское востоковедение. Вып. V. 1948. С. 142. См. также: Чехович О. Д. Терминологические заметки//Народы Азии и Африки. 1964. № 6.

¹⁸⁵ Плоских В. М. Земельные отношения в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965. С. 19.

¹⁸⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1080, л. 48.

в записи лиц. Так, автор упрекал амлякдаров в том, что он при сборе налогов не взыскал больше положенного на случай возможной недостачи.

Никахана — плата за оформление брачного договора. Взималась деньгами, а в отдельных горных кишлаках, например, в Муминабадском амлякдарстве Кулебского бекства — натурой. И. И. Петров писал: «Размер сбора 10—12 танга для девушек и 5 танга для женщин-вдов, а натурой 1 карбос (местная хлопчатобумажная материя для одной пары белья)»¹⁸⁷. На практике размер этой платы намного превышал указанные цифры. Так, в одном из документов фонда Канцелярии кушбеги содержится указание, что казий Ховалинга мулла мир Абдалгани при разводе взимал от 20 до 30 танга¹⁸⁸. Эмир Сейид Алимхан узаконил сбор никахана, издав специальный указ о размере платы, по которому с девушки должны были брать 10 танга, а с вдовы 5 танга.

Хизматана или фарсах пули, Эмирскому маҳраму, направляемому для разбора крестьянской жалобы, крестьяне обычно платили хизматана (за службу, услуги) или фарсах-пули (путевые деньги). Размеры хизматана колебались от нескольких десятков до нескольких сотен танга. Так, крестьяне Муминабада, относящиеся к Кулебскому вилайету, преподнесли прибывшему для расследования их жалобы Хазраткулу миражуру маҳраму 600 танга хизматана¹⁸⁹. В одном из ариза содержится жалоба на чиновника, прибывшего для разбора иска на сумму 1 500 танга и взявшего 230 танга хизматана. Причем, несмотря на то, что хизматана была получена, чиновник, не закончив разбора, выехал навестить семью, но так и не вернулся, в результате чего была написана новая ариза с просьбой прислать для окончания разбора другого чиновника¹⁹⁰. Порой, когда спорные дела решались в пользу местной администрации, маҳрамы получали хизматана или фарсах-пули от беков и т. п. Так, мулла Шараф миражур маҳрам, прибывший в Шерабад для расследования жалобы крестьян, получил от бека 250 танга фарсах-пули, халат из адреса, халат из шелка и кисеи¹⁹¹.

Эмиром Алимханом были установлены хизматана амальдарам-маҳрамам 10 танга, маҳрамам и есаулам — 5 танга, шагирднин-шагонам с чином — 7 танга, без чина — 4 танга¹⁹². В указе эмира подчеркнуто, что от разбора различных тяжб поступает много денег.

¹⁸⁷ Петров Н. И. Бухарский мухтасиб в начале XX в. // Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 141.

¹⁸⁸ ЦГА РУз, ф. И-126, оп. 1, д. 1269, л. 44.

¹⁸⁹ Там же, д. 1271, л. 6.

¹⁹⁰ Там же, оп. 1, д. 1272, л. 25.

¹⁹¹ Там же, д. 1257, л. 76.

¹⁹² Там же, д. 1001, л. 27.

В основном расходы приезжавших для разбора жалоб чиновников оплачивало население.

Тарикана. Этот сбор взимался казиями за их «труды» при деже наследства. В донесениях фонда Канцелярии кушбеги сохранились жалобы на казиев, взимавших при разделе наследства больше положенного.

Так, казий Ховалинга Мулла Мир Абдугани при разделе имущества брал с каждого 100 танга — 10 танга тарикана, а с 1 000 танга — 50 танга¹⁹³. Казий Бакоходжа, отправившись для раздела наследства Абдусамада раиса взял 150 танга для себя и 30 танга для своих людей¹⁹⁴. Яккабагские крестьяне жаловались на казия Мулла Паткула ходжу, который брал за раздел имущества выше установленного¹⁹⁵.

Мактаб-пули или плата за обучение. Определенной суммы взноса за обучение не было. Родители по мере возможности преподносили учителю, сколько могли. Однако отдельные рансы, как видно из донесений фонда Канцелярии кушбеги, требовали выплатить по 15—20 танга за каждого учащегося¹⁹⁶. Раис Шерабада Мулла Мансур, отмечается в документе, сверх обычного взимал мактаб-пули с каждой местности по 20 танга ежемесячно¹⁹⁷.

Джизия — поголовная подать, уплачиваемая совершеннолетними бухарскими подданными немусульманами — евреями и проживающими в эмиратах индусами. Судя по архивным данным, в эмиратах проживало около пяти тысяч индусов, которые делились на 3 разряда: высшие, средние и низшие. Высшие платили в год 48 танга, средние — 24 танга и низшие — 12 танга¹⁹⁸.

Общая сумма джизии, поступавшая от индусов в казну эмира, определялась следующим образом: в Бухаре 200 человек высшего разряда платили 9 600 танга, 1 000 человек среднего — 24 000 танга, 1 500 человек низшего — 18 00 танга, итого 51 600 танга или 7 740 руб. Да столько же со всего остального эмирата, итого 15 000 руб.¹⁹⁹

Кроме перечисленных налоговых сборов, в просмотренных нами документах упоминаются еще обджуваз-пули²⁰⁰ — налог на толчей за воду из казенных арыков, асиа-пули — налог на водяные мельницы, савсар — сбор с пушнины²⁰¹, майса-пули и андоз-пули²⁰² и т. п.

¹⁹³ Там же, д. 1271, л. 44.

¹⁹⁴ Там же, д. 1267, л. 6.

¹⁹⁵ Там же, д. 1271, л. 24.

¹⁹⁶ Там же, д. 1001, л. 18.

¹⁹⁷ Там же, д. 1267, л. 80.

¹⁹⁸ Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 74, л. 401.

¹⁹⁹ Там же, л. 403.

²⁰⁰ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976. С. 204.

²⁰¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. С. 125; Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства конца XIX и начала XX в. Т. CXIV. Душанбе, 1959. С. 79.

²⁰² ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1255, л. 40.

Много интересных данных о налогах в эмирате собрано советскими исследователями. Так, М. Р. Рахимов описал ряд сборов, бытовавших в северном Дарвазе. Например, подымная подать взималась с каждого хозяйства по одному барану или козе в течение года, амал — с каждого хозяйства в размере одной овцы или козы, кынърга закят или червон кынърга взималась с крестьян, живущих по дороге в резиденцию бека, в размере одной овцы в год, независимо от того, имели они скот или нет. Чарвои-утохи удерживалась в пользу армии бека или амлякдара и ежегодно составляла с каждого кишлака по две бараньи туши и одной корзине лепешек, мосхай-кынърга — поставка сливочного масла с крестьян кишлаков, не находящихся на главных дорогах и т. п.²⁰³

М. Хамраев упоминает о подати с орехов — чормагз-пули²⁰⁴. Имеются сведения, что сбор арендатора чормагз-пули доходил до 8—9 тыс. руб. Из этой суммы арендатор платил каратегинскому беку 6 600 руб.²⁰⁵

Помимо приведенных выше налогов и сборов существовали и такие, которые с первого взгляда, казалось бы, не имели отношения к населению, а являлись преподношением младшего должностного лица старшему по положению, например, разиона. Однако и это «преподношение» перекладывалось в конечном итоге на народные плечи.

Термин «разиона» произошел от слова «розылик» — согласие и обозначал преподношение по собственному согласию и усмотрению. Возможно, разиона ранее так и преподносилось, однако в рассматриваемый нами период разиона превратилось в принудительный сбор с населения. Так, один из чиновников докладывал эмиру о выполнении его поручения об амлякдаре Гиждувана Субханкуле туксабе, показавшем в отчете, что собрано 100 000 танга хараджа. Автор документа писал эмиру, что он сообщил амлякдару Субханкулу туксабе, что сумма в 100 000 танга признана недостаточной, ибо Гиждуван из богатых местностей, поэтому эмир предлагает добавить к доле хараджа еще 60 000 танга разиона²⁰⁶. Слово эмира было законом для его чиновников и, спасая собственную шкуру, амлякдар должен был представить требуемую сумму. Далее автор документа сообщал эмиру, что амлякдар Гиждувана выехал для сбора этих денег с населения²⁰⁷. Другое должностное лицо докладывало эмиру, что Ашур Мухаммад эшикагабаши, человек, близкий к Алмас беку, потребовал по велению эмира от амлякдара Мухаммад Юсуфа миракхура разиона в сумме 20 000 танга. Должник, оставив своих доверенных,

²⁰³ Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингу... С. 124—128.

²⁰⁴ Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства. С. 79.

²⁰⁵ А. П. Подати и налоги в Восточной Бухаре//Туркестанские ведомости. 1906, № 8.

²⁰⁶ ЦГА РУЗ, ф. И—126, д. 1271, л. 5.

²⁰⁷ Там же.

выехал в кишлаки на 20 дней для сбора хараджа, кафсана, мирабона и т. п.²⁰⁸ и намерен одновременно собрать требуемую сумму разиона. Таким образом, разиона взималась с населения, превращаясь в дополнительный налог. Брали разиона и местные правители.

Мулла Мир Таджиддин докладывал эмиру о хакиме (имя его в документе не указано), приглашившем казия и ранса и в их присутствии принимавшем отчеты амлякдаров. Автор сообщал эмиру, что некоторые амлякдары «по своему усмотрению» давали хакиму на 200–300 таига больше требуемой суммы в качестве разиона²⁰⁹.

Перечисленные налоги и сборы являлись только одной из форм феодальной ренты. Существовала в Бухаре и вторая форма ренты — барщина в виде хашаров, когда крестьян «приглашали» под видом помощи поработать на землях феодалов. Крестьяне выполняли также различные повинности, как, например, конарга, джаморга, улак и т. п. Все это усугубляло и без того тяжелое положение населения.

Хашар — форма эксплуатации, имевшая когда-то форму взаимопомощи. В литературе этот вопрос достаточно хорошо освещен.

Большинство авторов рассматривали хашар как форму товарищеской взаимопомощи, не раскрывая его кабального характера. Б. Г. Гафуров, Н. А. Кисляков и М. Р. Рахимов²¹⁰ подчеркивают, что крупные феодалы, духовенство и чиновники под видом хашара эксплуатировали беднейших крестьян. Причем, вопреки обычью, организаторы хашаров — бан и чиновники отказывались даже от традиционных угощений участников. Хашары устраивались обычно в наилучшую пору, когда необходима была срочная вспашка или уборка урожая, что сильно обременяло крестьян. Однако отказаться от участия в них беднейшие крестьяне не решались, боясь преследования со стороны феодалов и басев. На существование подобных хашаров-отработок указывается и в документах фонда Канцелярии кушбеги. Казий Шерабадского вилайета Мулла Исаматдин доносил эмиру, что крестьяне жалуются на бека и амлякдара, заставлявших их работать на своих землях²¹¹, ибо добровольный хашар уже превратился в принудительные отработки. Или в ариза Мулла Мир Нигмата ранса муфтия сообщалось о трех танапах земли мамляка-и султани в Яккабаге, для обработки которых хакимы брали по паре быков с каждого амляка²¹². По подсчетам Н. А. Кислякова, только сельскохо-

²⁰⁸ Там же, д. 1267, л. 58.

²⁰⁹ Там же, д. 1271, л. 44.

²¹⁰ Гафуров Б. Г. История таджикского народа... С. 339, 406; Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиб-Боло// Труды института антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Т. Х. М.—Л., 1936. С. 29–30; Рахимов М. Р. Земледелие таджиков... С. 121–123.

²¹¹ ЦГА РУз, ф. И–126, оп. 1, д. 1268, л. 76.

²¹² Там же, л. 56.

Заяйственные хашары в Карагине у населения ближайших к центру бекства кишлаков отнимали до 15 дней в году²¹³.

Общественные работы по очистке оросительной сети, устройству запруд, постройке и починке дорог и мостов, проводимые с привлечением бесплатной рабочей силы населения, также назывались хашаром.

До организации хашара чиновники сообщали эмиру о необходимости его проведения и получали соответствующее разрешение. Затем население оповещалось о дне начала хашара и нормах поставки рабочих на хашар. Так, в Нахрпае с каждого коша земли брали по 2 человека на ремонт смытого селем арыка²¹⁴. Хашар проводился обычно 1—2 дня, причем в течение года такие хашары собирались несколько раз.

Из документов фонда Канцелярии кушбеги явствует, что хашары могли проводиться и 9—20 дней. Так, из одного из донесений мы узнаем, что хашар в тумане Хутфар длился 9 дней²¹⁵. Население Гиссара посыпало людей для ремонта моста через реку Кафирниган во время сильных дождей на 15—20 дней, причем, по словам автора донесения, этот ремонт в сухое время года можно было бы осуществить за более короткое время²¹⁶.

Документы свидетельствуют, что ежедневно велся строгий учет лиц, пришедших на хашар, с занесением их имен в список²¹⁷. Это и понятно, ибо с не вышедших на хашар взимали штраф боки-пули. Его взимали исходя из количества земли — кошей или же за каждого недостающего рабочего по очистке оросительной сети по 1—2 танга в день. Так, в Нахрпае размыло берег и вода преградила дорогу. Расходы по ремонту разложили на крестьян по количеству земли. С каждого коша земли собирали по 11 танга²¹⁸. В Наразыме с неявившихся на хашар мардикеров взяли по 1 танга²¹⁹, в других местностях платили по 2 танга²²⁰.

Из ариза Худайбахш туксабы следует, что боки-пули взимали при проведении хашара на мелких арыках, в остальных случаях брали одну танга для расходов чиновников, наблюдавших за хашаром и этот сбор назывался хараджат-пули²²¹.

Из другого документа, в котором упоминается казий тумана Хутфара (видимо, автор донесения был казием одного из туманов Бухары), мы узнаем, что деньги, собранные в счет боки-пули отправлялись в казну, причем хашар продолжался 9 дней и в нем участвовало население трех туманов.

²¹³ Кисляков Н. А. Очерки по истории Карагина. Душанбе, 1954. С. 144—145.

²¹⁴ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1270, л. 16.

²¹⁵ Там же, д. 1072, л. 4.

²¹⁶ Там же, д. 1268, л. 6.

²¹⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1272, л. 4.

²¹⁸ Там же, д. 1268, л. 32.

²¹⁹ Там же, д. 1072, л. 8.

²²⁰ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 791, л. 1—2.

²²¹ Там же, ф. И—126, д. 1001, л. 5.

В донесении должностного лица о получении эмирской грамоты мубарек-наме с разрешением собрать с населения тумана Шафрикама боки-пули говорится, что боки-пули собирался в туманах Бухары по распоряжению эмира. Причем, должностные лица без письменного указания эмира не имели права расходовать эти деньги. В рассматриваемом донесении автор просит разрешения из собранных 500 танга боки-пули часть расходовать на проведение хашара, а оставшиеся деньги отослать в казну²²². В свою очередь Исаметдин туксаба мираб просил разрешения эмира уплатить из боки-пули деньги, израсходованные на ремонт Шахруда и Дуоба²²³.

Казий Мулла Исаметдин ходатайствовал перед эмиром разрешить взять из собранных с невышедших на хашар 1257 танга необходимую сумму для возмещения Абдалхамид амину и Мулла Туля амину затраченных личных денег на ремонт моста. Причем, он просил прислать грамоту, разрешающую взять эти деньги, а оставшуюся часть — отослать в казну²²⁴.

Так же, как и при сборе налогов, разные должностные лица при проведении хашара сообщали эмиру о количестве собранных аминами и аксакалами денег, так что до официального отчета сборщика подать эмир уже из других источников знал размер этой суммы. Так, должностные лица, сообщая об окончании хашара на арыке Бешкент писали, что Тюряходжа судур ежедневно записывал не вышедших на хашар людей. По 16 кишлакам боки-пули составило 1400 танга, по другим местностям — 2 021 танга. Эти деньги были собраны людьми Тюряходжа судура²²⁵. Собранные деньги не полностью шли по прямому назначению, частично оседали в карманах организаторов хашара. Это подтверждает донесение Мулла Иноятулло Ходжи ранса эмиру о Хамзе ходже, брате амлякдара тумана Каракуль, уже дважды собиравшего хашар на арыке Хайрабад. С неявившихся на хашар было собрано боки-пули в сумме 2 000 танга, но деньги не были отосланы в казну. В некоторых местностях боки-пули предназначались на содержание выехавших на хашар чиновников, как, например, хакима и казия, в других выплачивали в качестве хизматана ясаулу и т. п. В туманах же Бухары боки-пули отсылали в казну, причем организаторы хашаров эти деньги могли расходовать на ремонт мостов и ирригационных сооружений только после получения письменного разрешения эмира, с указанием суммы, необходимой для ремонта. При проведении ремонтных работ расходы раскладывались на население. Алчные бухарские чиновники и здесь не упускали случая поживиться за счет народа. Так, несмотря на то, что в местности Кокшитуван тумана Самджина было израсходовано на ремонт 3 500 танга, население бы-

²²² Там же, д. 1072, л. 2.

²²³ Там же, л. 1.

²²⁴ Там же, л. 6.

²²⁵ Там же, л. 3.

ло обложено из расчета 5 500 танга²²⁶, т. е. в данном случае личный доход чиновника составил 2 000 танга. Штраф за неявку на хашар, выколачиваемый с населения, также не всегда, как это видно из документов, сдавался в казну.

Конарга (буквально, «ночлег») обозначает повинность за постой и продовольствие проходящих войсковых частей.

Если ранее, например, в XI в., при сельджуках²²⁷ конарга не была бесплатной, то в рассматриваемый нами период она превращается в тяжелую и разорительную для населения повинность.

Она существовала в Хиве²²⁸, а также в Азербайджане и Армении²²⁹. Интересно, что автор одного из донесений, прося эмира об отмене некоторых налогов, мотивирует свою просьбу тем, что население добросовестно выполняет все обязанности при переходе солдат из Турткуля в Керки и Диванбаг (в количестве 20 отрядов). Автор этого донесения подчеркивает, что население бедное и для него тяжело выплачивать еще и эти налоги²³⁰.

Существовала также повинность джамарга или джамалга²³¹ по перевозке, приему и содержанию проезжавших местных, русских и иностранных чиновников, и т. п.

Обычно в местах отдыха и ночлега «гостей» ожидал «дастархан». В донесениях фонда Канцелярии кушбеги сообщалось эмиру об остановках, ночлеге путешественников. Видимо, по требованию бухарского правительства подробно описывался церемониал и угощения гостей, количество и ассортимент блюд, подарки, преподнесенные правителями отдельных областей и т. п. Иногда в распоряжение гостей помимо сопровождавшего бухарского чиновника предоставляли мардикера с конем²³². И эта повинность ложилась тяжелым бременем на население, ибо угощение в порядке натуральной повинности поставляли окрестные жители.

Вместе с тем необходимо отметить, что в приходно-расходных отчетах правителей областей наряду с разными расходами указаны суммы на угощение гостей. Так, хаким Кулябского вилайета указал в своем отчете, что на прием и угощение гостей было израсходовано 1 000 танга²³³. Следовательно, эти затраты принимало на себя государство. Возможно, однако, что такой порядок существовал только в тех областях, куда приезжало очень много чиновников и путешественников, там же, где иностранцы были редкими гостями, их угощало население.

Улак. Издавна существовала в Средней Азии подводная по-

²²⁶ Там же, д. 1267, л. 12.

²²⁷ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного устройства... С. 7.

²²⁸ ЦГА РУз, ф. И-126, д. 1001, л. 8.

²²⁹ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного устройства... С. 6.

²³⁰ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений...

С. 274.

²³¹ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма... С. 235.

²³² ЦГА РУз, ф. И-126, д. 1272, л. 32.

²³³ Там же, д. 1080, л. 13.

винность²³⁴. Население должно было предоставить в распоряжение местной администрации средства и людей для транспортирования груза и перевозки правительственные чиновников. Так, Мулла Мир Фатхулла ходжа кази Бальджуанского вилайета доносил эмиру о перевозке на 100 повозках и 15 верблюдах²³⁵ имущества аморат панаха Рахманкули бека бия диванбеки, назначенного правителем Бальджуанского вилайета. Крестьяне должны были выполнять повинности по доставке дров, древесного угля, муки и т. п. грузов. Особенно тяжелой была перевозка и переноска на спине грузов с равнины Гиссара, Куляба и других отдаленных районов, которая становилась особенно опасной зимой, когда приходилось пробираться по узким горным тропам.

Наряду с бухарскими должностными лицами местное население эксплуатировалось администрацией гарнизонов царских войск. Как свидетельствуют архивные материалы, доставка терескена (вид древесного топлива) для памирского гарнизона составляла одну из самых тяжелых повинностей, ибо на восемь верст вокруг поста терескен уже был истреблен зимовщиками. В 1892—1893 гг. терескен доставляли из далекого ущелья Пшарта.

Подводя итог, мы должны отметить, что точных, твердо установленных норм налогов и сборов не было, а это открывало широкое поле для злоупотреблений податных сборщиков, вводивших новые виды сборов, повышавших нормы уже существующих. Как видно из документов фондов Канцелярии кушбеки, в каждой местности складывалась на протяжении ряда лет своя традиция или свой старинный обычай — та'амул-и қадим, согласно которому взимались подати. Именно этим и объяснялся тот факт, что даже в соседних районах размеры одних и тех же сборов были разные, да в большинстве случаев и сами наименования сборов были разные. Но та'амул-и қадим не являлся преградой для податных сборщиков. Так, закят, размер которого, казалось, регламентировался шариатом, возрос с 20 танга до 40—43 и даже 62 танга. Размер основного поземельного налога — хараджа, хотя и определялся исследователями от 1/3 до 1/10 урожая, в конце XIX в. составил 40% урожая, а вместе с сопутствующими хараджу сборами доходил до 51,5% урожая. Размеры кафсанана ворссли в 20 раз, сбор даругаги — в 16 раз. В тумане Зиадин кошпули стали выше более чем в 3,5 раза, аминону, взимаемую при продаже товаров и скота на базарах, раскладывали на крестьян по количеству кошней их земли. В туманах Бухары такие сборы, как кафсан и даругаги, шли не по прямому назначению — на содержание податной администрации, а отправлялись в казну как дополнение к хараджу.

²³⁴ Петрушевский И. И. Очерки по истории феодальных отношений... С. 275; Семенов А. А. Очерк поземельно-податного устройства... С. 6; Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма... С. 235.

²³⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, д. 1271, л. 3.

ВИДЫ РОСТОВЩИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬ

Рост посевов хлопчатника ускорил развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Бухарского эмирата. Огромную роль в этом сыграло проникновение русского капитала в его экономику. Если до 90-х годов XIX в. русская буржуазия вкладывала свои средства главным образом в торговлю, скupая при посредстве местного торгового капитала бухарское сырье, то с 90-х годов усиливается вывоз капитала.

В эмиратае открываются отделения Государственного банка, а также отделения московских и петербургских коммерческих банков. К 1915 г. в Бухаре помимо отделения Государственного банка были открыты еще 7 отделений частных банков²³⁶.

Ежегодно банки выдавали до 40 млн руб. различным фирмам и торговым домам²³⁷. Государственный банк обеспечивал в значительной мере частные коммерческие банки ссудами, обычно под 6,5% годовых и выдавал кредиты крупным местным фирмам, хлопкозаводчикам и др. под залог определенного имущества. Поэтому большинству крестьян, наиболее нуждающихся в кредите и не имеющих достаточного имущества, путь к банковским ссудам был закрыт.

Открывая кредиты фирмам, банки могли по поступающим под товарные ссуды счетам контролировать весь процесс кредитования хлопкоробов, начиная с договоров и векселей производителей хлопка до покупки их фирмами и даже отгрузки в текстильные центры страны. Так, с помощью своих кредиторов, колонизаторы закабаляли крестьян колонии.

Фирмы, получая в банках кредиты, раздавали их от себя различным комиссионерам-посредникам, а последние «...передавали их дехканам на условии выплаты 40—60%, а во многих случаях даже по 90—130% и более за 8 месяцев»²³⁸.

Посредниками были комиссионеры из местного населения — пахтакеши, которые, покупая гузу у крестьян, очищали ее и доставляли на базар для продажи. Они знали местные условия, что обеспечивало им успех в работе и большой доход.

Торговыми посредниками были и таразудары — весовщики хлопка на базарах. Помимо взвешивания, они занимались оценкой хлопка, а также сбором пошлины за проданный сырец. Они были полными хозяевами базаров, поэтому фирмы и заводчики заранее обеспечивали себе возможность покупки хлопка выдачей аванса таразударам. Последние раздавали часть этой суммы хлопкоробам в виде задатка при условии сдачи хлопка именно им и по установленной ими (конечно, заниженной) цене. Кроме того, взвешивание производилось на весах с деревянным коромыслом.

²³⁶ Рябинский А. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма// Историк — марксист. 1941. № 4.

²³⁷ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 381.

²³⁸ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 11, д. 838, л. 36.

лом без стрелки, а вместо гирь использовали камни, поэтому ве-совщики имели возможность обвешивать хлопкороба. Так, посредством задатка закабаляли крестьян.

Известную активность проявляли амбардари — владельцы амбаров, скupая у дехкан хлопок и выжиная удобного момента, когда повышаются цены.

Скупкой хлопка в кишлаках занимались также партионщики, которые на аванс от фирмы и свои средства покупали в кишлаках хлопок, при этом непременно обвешивая дехкан. На этом они быстро богатели. Так, наряду с русской буржуазией обирала хлопкоробов нарождавшаяся местная буржуазия.

Одной из форм эксплуатации являлся бунак — кабальная беспроцентная ссуда или задатки, выдававшиеся крестьянам и ремесленникам с целью обязать их сдавать продукцию своего труда только тому, от кого они получили ссуду²³⁹.

Особенно широко практиковалась выдача бунака под урожай хлопка. При этом крестьяне лишались права свободной его продажи. Задаткодатели же покупали хлопок по ценам, удобным и выгодным им. Как следует из дальнейшего, цена на хлопок, устанавливаемая задаткодателями, была ниже базарной не на 30—40%, как указывал А. И. Шахназаров²⁴⁰, а на 50—70%.

В фонде Канцелярии кушбеги сохранилась жалоба жителей Янги-Арыка вилайета Байсун Мулла Хасан аксакала, Ходжа аксакала, Дустбека, Нор Кучкара и Джурабая на имя кушбеги, в которой они писали, что взяли в долг в счет гузы чай и ткань у богачей вилайета Рахманкула Мергана, Эрданабая, Мансурбая и Курсабая. Теперь богачи хотят рассчитываться с ними по 18 руб., несмотря на то, что базарная цена гузы 33 руб.²⁴¹ Из приведенного примера мы видим, что цена задаткодателей составляла 55% стоимости гузы на базаре.

Восточно-бухарское товарищество платило за хлопок в Кургантепинском бекстве по 150 танга за 16-пудовый батман вместо рыночной цены в 425 танга, 80 танга — за 12-пудовый батман в Гиссарском бекстве вместо 275 танга, в Байсунском и Шерабадском бекствах за батман в 9 пудов 24 фунта — 150—190 танга вместо рыночной цены 290 танга²⁴².

Таким образом, в Кургантепинском бекстве батман буначного хлопка стоил на 65% дешевле базарного, в Гиссарском — на 71%, а в Байсунском и Шерабадском — на 49%. Разница в стоимости гузы шла в карманы задаткодателей. Только крайняя нужда в кредите заставляла крестьян получать такие задатки.

Для ведения хлопководческого хозяйства крестьяне должны

²³⁹ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962. С. 168.

²⁴⁰ Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. Спб., 1908. С. 186.

²⁴¹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2001, л. 10.

²⁴² Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 919, л. 17.

были иметь оборотные средства. Поэтому им и приходилось прибегать к помощи ростовщиков-баев или задаткодателей. Задатки (бунак) раздавались ростовщиками-баями, представителями русских фирм, желавшими гарантировать себе урожай будущего года, а также арбакешами и таразударами — посредниками между фирмами и крестьянством, которые не только скупали хлопок за бесценок, но и печально прославились обманом дехкан при взвешивании хлопка.

Из рапорта инспектора хлопковых базаров Газиева российскому политическому агенту от 24 февраля 1904 г. известно, что хлопковые фирмы раздавали под бунак значительные суммы. Так, для покупки хлопка и гузы в Пирмасктском районе было раздано 970 тыс. танга, в Каракульском — 250 тыс., всего 1 220 тыс. танга²⁴³. Выдача бунака крестьянам оформлялась у местного казия.

В качестве примера можно привести документ, составленный 20 августа 1920 г.: «4 дня месяца, зул-хидджа 1338 г. х. Махмудбай с молодой бородкой, сын Шадибая из Шавгана тумана Хатфар, явившись в казихона южного арыка г. Бухары, заявил, что он получил у Хамид бая, сына Махмуд бая 40 000 танга ходячей монетой в качестве бунака, который обещал выплатить по первому требованию»²⁴⁴. Документ заверен печатью казия.

Наряду с бунаком под хлопок раздавался бунак и под зерно. В донесении Нигматуллы караулбеги и Ходжа мирзы туксабы эмиру говорится, что ранее отосланное зерно было в счет хараджа, а бунак с зерна еще не собирался²⁴⁵. Причем, авторы, как бы оправдываясь, пишут, что бунак с крестьян нельзя собирать сразу, его необходимо собирать постепенно. Вышеупомянутый караулбеги и туксаба указывают, что за умершим хакимом Зиатдином оставалось зерно в счет бунака. Как видно из документа, бунак раздавался не только баями и капиталистическими фирмами, но и бухарским правительством. Условия выдачи подобного бунака нам не известны.

Все русские чиновники, начиная от российского политического агента и кончая хлопковыми инспекторами, доказывали необходимость запрещения бунака. Российское политическое агентство после ряда обследований официально запретило раздачу бунака. В 1904 г. были выработаны специальные правила продажи хлопка²⁴⁶. Однако несмотря на запрет, и местные ростовщики, и русские фирмы по-прежнему раздавали бунак земледельцам, конечно при помощи маклеров.

Горнопромышленник Д. А. Жоравко-Покорский, хорошо знакомый с положением бухарских крестьян, писал: «Положение здешних крестьян безвыходно, так как они переобременены нало-

²⁴³ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 247, л. 54—55.

²⁴⁴ Фотокопия документа была передана нам О. Д. Чехович. Оригинал хранится в Бухарской гос. библиотеке, инв. № 10.

²⁴⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2001, л. 2.

²⁴⁶ Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 247, л. 3.

гами, из которых, может быть, только одна десятая часть доходит до эмира, остальное же все расходится по рукам многочисленных чиновников, составляющих тяжелое бремя для народа...»²⁴⁷.

Хлопковый инспектор Газиев, близко наблюдавший жизнь бухарских крестьян, отмечал: «Если не будут приняты меры против раздачи бунаков крестьянам, то последние могут в близком будущем разориться. Вот доказательство. Хоргушская гуза давала с каждого батмана на 15 фунтов больше выхода волокна, чем гуза других районов. Поэтому служащие хлопковых фирм, у которых имеются хлопкоочистительные заводы, заранее обеспечивали себя как можно большим количеством гузы названного базара (Хоргуш), путем раздачи бунаков. Кончилось тем, что большинство крестьян, получивших бунак под гузу, разорилось, вследствие чего посев хлопка в окрестностях названного базара значительно уменьшился...»²⁴⁸.

В январе 1913 г. представители различных фирм, акционерных обществ и банков, испуганные резким сокращением посевов хлопка, подали российскому политическому агенту петицию: «Три года тому назад,— писали они,— удалось собрать в ханстве 1 миллион 200 пудов хлопка, а в 1912 г. при благоприятных природных условиях собрано только 600 тысяч. Многие хлопкоочистительные заводы вынуждены прекратить производство. Земледельцы, называемые здесь «дыханами», оставили огромные пространства земли без посевов. Никогда до сего времени не было столько свободных от посевов площадей земли, как это замечалось в нынешнем году... Лучшим доказательством обнищания земледельческого класса в Бухарском эмирата служит то обстоятельство, что не только многочисленные хлопковые участки не были засеяны, но в таком же положении оказались участки земли, на которых сеют хлеб.

Вследствие того, что многие подобные участки остались без посевов, привоз хлеба из России в нынешнем году сравнительно с предыдущим был необыкновенно велик»²⁴⁹.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что бунак быстрее разорял население, чем даже ссуды под большие проценты, так как был наиболее жесткой формой ростовщического кредита. С помощью бунака задаткодатели присваивали не только прибавочный, но и необходимый продукт, ставя под угрозу само физическое существование крестьян.

В. И. Ленин, анализируя условия экономического развития России в конце XIX в. пришел к выводу, что кабала, ростовщичество, отработки и другие факторы, тормозящие развитие крестьянства, приводили к тому, что господами деревни являлись зачастую сельские ростовщики и соседние землевладельцы.

²⁴⁷ Там же, д. 194, л. 70.

²⁴⁸ Там же, д. 247, л. 53—54.

²⁴⁹ ЦГА РУз, ф. И—3, оп. 1, д. 363; л. 125. Цитируется по: Чехович О. Д. Из истории Бухары предреволюционных лет. С. 45.

Тормозящую роль оказывал этот фактор и в Бухарском эмirate, где, несмотря на быстрое развитие товарно-денежных отношений и проникновения в экономику ростков новых общественных отношений, еще преобладали феодальные и полуфеодальные формы эксплуатации.

При помощи различных долговых и закладных расписок ростовщики и байи сосредотачивали в своих руках значительные земельные площади, получая их за бесценок при содействии казиев. Начала расти частная земельная собственность не только феодальных, но и байско-кулацких элементов — представителей городской и сельской буржуазии. Источником образования крупной земельной собственности, помимо покупки земель у государства или частных лиц, стало также освоение мертвых или захват общинных земель, которые после освоения считались законной собственностью частных лиц.

Так, в окрестностях г. Бухары, в местности Тахмаджи систематической скупкой земель, обеленных от налогов, занимался Садык бай, сын усто Баба Шарифа, который с 1890 по 1907 г. скупил парцелярными участками около 50 танапов земли²⁵⁰. Изучая покупки Садык бая, приходим к выводу, что он занимался ростовщичеством и, пользуясь безвыходным положением кредиторов, заставлял их продавать свои земли за предложенную им сумму. Так, он купил 1 танап земли мильк-и хурр за 7000 танга, за 1 1/4 танапа такой же земли уплатил Иргашбаю, сыну Салихбая всего 360 танга, а 12 танапов земли мильк-и хурр купил у Нигматуллыбая, сына Раджаб бая за 500 танга. Гадай бай, сын Раҳмат бая скупал в местности Зиярат Варудун хараджевые земли на протяжении 17 лет, округляя свои владения выдачей ссуд под залог земель²⁵¹. В течение 30 лет скупил почти половину всех земель тумана Кам-и Абу Муслима (современное Ваганзи) Мулла Абдафаттах и его сын Абдукаххар²⁵². В Шахрисабзе усиленно скупал земли Мавлянберды бай, сын Абдуллы²⁵³. В конце XIX — начале XX в. скупкой земель и домов в Бухаре и ее окрестностях занимался Изаметдин садр раис, сын домуллы Арифкула²⁵⁴.

Наряду с концентрацией земель возникает безземельный полу-пролетариат. Так, из васики, заверенной казием Мулла Абдулла Ходжой в 1883/84 г., нам становится известно о продаже Шакирбаем, сыном Артыка Сабирбаю 1/4 танапа земли мильк-и хараджи в местности Хазартут тумана Самджин за 100 танга²⁵⁵. В продажной Абдулхамид ходжа раиса, сына Мулла Абдулазиза

²⁵⁰ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2005, л. 10, 18, 20, 29.

²⁵¹ Все перечисленные купчии Гадай бая, сына Раҳмат бая взяты из сборника неопубликованных документов XIX в., подготовленных к печати О. Д. Чехович.

²⁵² Чехович О. Д. Изучение среднеазиатских актов в Академии наук УзССР//Известия АН УзССР. 1950. № 3. С. 87—88.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2005, л. 8.

Ходжа урака 1895/96 г. сообщалось о продаже Шарафатдинханом, сыном Исаматдинхана, Махдихану, сыну Садритдинхана 1/4 танапа из принадлежащих ему на правах муш'а (совместного владения) 2,5 танапа земли хараджи за 1200 танга²⁵⁶. В том же году тот же Махдихан, сын Садритдинхана купил у Алаатдин хана одну из четырех частей земли, которой продавец владел тоже на правах муш'а. Эта одна часть составляла 2,5 танапа хараджевой земли в местности Гурбунь Шемали Руда и была продана за 600 танга²⁵⁷.

Крестьяне, доведенные до крайности, были вынуждены продавать свои парцеллярные участки и, становясь безземельными, шли наниматься на обработку земель к крупным землевладельцам, которые сами хозяйство не вели, а сдавали небольшими участками в издольную аренду.

М. Г. Вахабов считает, что в селах Узбекистана существовали три формы имущественных отношений: чайриерство, аренда и шерикство или товарищество²⁵⁸. Однако самой распространенной формой стала издольщина. «Эта форма,— пишет М. Г. Вахабов,— стала основным методом эксплуатации крестьян феодалами на всем Востоке»²⁵⁹. Применение труда издольщиков было дешевле и удобнее труда наемных рабочих — мардикеров в крупных хозяйствах.

Натуральная аренда была наиболее кабальной, поскольку выколачивала у издольщика помимо прибавочного значительную часть необходимого продукта.

Развитие товарно-денежных отношений придает издольщине новые черты. Издольщиком становится помимо малоземельных крестьян также безземельный дехканин, превратившийся по существу в наемного рабочего.

Чем беднее был издольщик, тем тяжелее были условия аренды. Они зависели от наличия у арендатора рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, семян для посева и др.

Наиболее распространенной формой аренды в эмиратах было чайриерство, когда издольщик получал 1/4 часть урожая, но встречаются условия выплаты 1/2, 1/3, 1/5, 1/6 урожая.

В середине XIX в. в Бухарском эмиратах встречается издольщина за половину урожая. Так, в акте испольной аренды Идрис бая, сын Абадуллы на обработку 14 танапов земли мильк-и хараджи Фазылджана, сына Абиджана указано, что урожай должен быть поделен пополам²⁶⁰.

В васике Арбаба Иди, сына Кабул бая, муллы Джума, сына

²⁵⁶ Там же, л. 5.

²⁵⁷ Там же, л. 11.

²⁵⁸ Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1963. С. 121.

²⁵⁹ Там же. С. 123.

²⁶⁰ Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954. № 42. С. 191.

Юлдаш бая, Сафар бая, сына Азим бая и др., составленной в 1913/14 г. указано, что они обязуются выплатить с вакфной земли в селении Фаркат 1/4 часть урожая²⁶¹. В другом документе, также составленном в 1913/14 г., указано, что арендаторы вакфной земли в тумане Самджин также выплачивают 1/4 часть урожая мутавалию²⁶². Арбаб Пулат, Амом Килбай и др., явившись в казихона тумана Самджин, подтвердили, что они засевают вакфную землю, которая долгое время лежала под песком, и выплачивают 1/3 часть урожая пшеницы, гузы, кукурузы, ячменя, кунджула, риса, кенафа, пшена²⁶³.

Бывало, арендатор получал за свой труд всего шестую или даже восьмую часть урожая²⁶⁴.

Интересная сводка материалов об издольной аренде имеется в работе Х. Т. Турсунова. Он показывает, что из всех хозяйств Ферганской области, сдававших свои земли в аренду, 39,1% хозяйств сдавали из расчета половины урожая, 14% — из расчета 2/3 урожая, 39,9% — из 3/5 урожая и 7,3% хозяйств еще из большей доли урожая²⁶⁵.

Таким образом, издольщина являлась одной из худших и грубых форм феодальной эксплуатации.

Оборанные податными сборщиками, бухарские крестьяне обращались к баям, торговцам или ростовщикам за получением ссуд под залог единственного их имущества — земли. Крестьяне, раз взявшие деньги у ростовщиков, становились, как указывалось выше, вечными их должниками, попадали в кабалу. Об этом убедительно свидетельствуют документальные данные, в частности сообщение хорошо знавшего Бухару российского горнопромышленника Д. А. Жоравко-Покорского. Он писал: «Есть целые селения, которые все то, что им остается от уплаты податей и повинностей, целиком уплачивают своим кредиторам без всякой надежды когда-нибудь освободиться от них»²⁶⁶.

Крайняя отдаленность Бухарского эмирата, отсталость экономического его развития приводили к особенно тяжелым формам закабаления крестьян.

Конкретные формы закабаления беднейшего крестьянства Бухары можно проследить по документам.

Поскольку шариат запрещал взимание ростовщических процентов, заклад земли в Бухаре оформлялся особого рода купчими

²⁶¹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1541, л. 8. Документ опубликован на основании минной грамоты Исмаила Самани//Исторические записки. № 3. 1950. С. 270.

²⁶² ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1541, л. 4.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1917 гг.). Душанбе, 1963. С. 90.

²⁶⁵ Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Ташкент, 1962. С. 99.

²⁶⁶ ЦГА РУз, ф. И—3, оп. 1, д. 140, л. 240.

«байи джоиз»²⁶⁷, где сама ссуда скрывается под стоимостью земли, а проценты по ссуде — под арендной платой. Так, в 1902 г. Хасан бай, сын Лятиф бая заложил индусу Бахре, сыну Люлю, около 1 танапа вакфной земли в местности Нумурджан Пирмас-та за 100 танга и якобы взял в аренду эту же землю на условиях ежемесячной уплаты по 4 танга²⁶⁸. Курбан-ой, дочь Туля бая, явившись в 1908 г. в казихона Нимхазара Пирмаста, заявила, что «продала» Малля баю, сыну Хасылмурада около полтанапа вакфной земли в местности Андакиян Дехча-и боло-и Султанабада за 450 танга бухарской чеканки. Проданная земля была взята ею же в аренду из расчета ежемесячной уплаты 10 танга в месяц, т. е. 120 танга в год²⁶⁹. Ходжа Кулбай, сын Умур бая в 1905 г. «продал» 10 танапов земли в Катартепа Каракуля Зияутдину ходже, сыну Турсуна ходжи за 6 000 танга с условием, что будет «арендовать» эту землю с ежемесячной уплатой 120 танга²⁷⁰.

Ряд документов свидетельствует о тяжелом положении крестьян. Так, в некоторых запродажных, видимо, по настоянию должника, вынужденного продать землю заимодавцу, оговариваются условия возврата этой земли в течение определенного времени, обычно 3—4 месяцев. В случае невозвращения долга в указанный срок земля переходила в собственность заимодавца.

Из ватика 1905 г. следует, что Мухаммад Марад, сын Абдуллы продал около 1 танапа земли Эш Ниязу, сыну Мухаммад Нияза баккала (бакалейщика) за 35 тилля²⁷¹. В документе оговорено, что земельный участок продан с условием возвращения его продавцу, если тот выплатит за него все полученные им деньги. Совершенно ясно, что Мухаммад Мурад задолжал лавочнику и, не имея возможности расплатиться, был вынужден продать ему землю за свои долги. Должник, видимо, не хотел совсем терять землю и настоял, чтобы в документе было оговорено право возвращения участка, если он выплатит долги²⁷².

В том же году Ходжа Кулбай продал Назрулла ходже, сыну Абид ходжи 9 танапов земли дахъяк с домом в местности Ходжан тумана Каракол за 6 000 танга с условием, что хозяин может в течение 4 месяцев расторгнуть договор и возвратить деньги покупателю²⁷³. Из этого документа видно, что Ходжа Кул был вынужден продать не только землю, но и дом, пополнив ряды безземельных. Условия возвращения дома и земли были жестче, чем

²⁶⁷ Чехович О. Д. Об актовых материалах по истории Бухары. Исторические записки АН СССР. М., 1945. С. 232—238; Она же. Терминологические заметки//Народы Средней Азии и Африки. М., 1964. № 6.

²⁶⁸ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2005, л. 17.

²⁶⁹ Там же, л. 15.

²⁷⁰ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 2005, л. 19.

²⁷¹ Тилля — золотая монета с непостоянным курсом. В 1884 г. бухарская тилля равнялась 20 танга, в 1886 г.—28 танга. ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 626, л. 21а; ф. И—3, оп. 2, д. 1, л. 7.

²⁷² ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2005, л. 22.

²⁷³ Там же, л. 21.

в рассматриваемом выше васике, ибо здесь был установлен срок в 4 месяца.

О разорении крестьян ростовщиками сообщалось и в донесениях должностных лиц с мест эмиру. Так, мулла Абдулхалим раис кара ирсари в 1885 г. писал, что «несколько человек взяли от ростовщика деньги и, уплатив большие проценты, потеряли свои земли и стали скитаться, не имея места для постоянного местожительства. 10—15 семей из них перекочевали в вилайет Акча Шибирган (в Афганистане)»²⁷⁴. Абдалхалим раис сообщал далее, что крестьяне, явившись к нему, настойчиво просили доложить об этом эмиру. Автор просит направить на имя Астанкула бия дадха (бека вилайета Чарджуя) мубарек наме с требованием облегчить положение людей. Видимо, речь идет об официальном признании долга крестьянами и возвращении ростовщиками земель, ибо в фискальном отношении ни бухарскому правительству, ни местным чиновникам не было выгодно разорение и бегство крестьян с насиженных мест, поскольку в лице разоренных крестьян они теряли источник своего обогащения.

Наряду с местными феодалами и баями большую ростовщическую деятельность развили в Бухарском эмиррате выходцы из Индии. Остановимся на данных о деятельности ростовщиков-индусов, занимавшихся дачей в рост денег под проценты. Нами собраны залоговые васики, свидетельствующие о деятельности индусов в тумане Карабаг. Приведем лишь некоторые из них.

В 1879 г. Кабилбай сын Мумина Суфи²⁷⁵ подтвердил у казия Карабага, что заложил у индуса Суфи, сына Джати около 4 танапов земли в местности Ниязи Карабага за 250 танга с условием выплаты ежемесячно по 20 танга и 32 фулуса²⁷⁶. Только за один месяц проценты составили 4 1/2 танга.

В 1902 г. Хасанбай, сын Лятифбая заложил индусу Бахра, сыну Лялю около 1 танапа вакфной земли в местности Нумурджан Пирмаста за 100 танга и взял в «аренду» эту же землю на условиях ежемесячной платы 4 танга, т. е. 40% в месяц. Интересна закладная Абдалмукимбая, сына Шакира от 1898 г., в которой указано, что если Абдалмукимбай через 3 месяца не выплатит индусам Нукре и Джатаю 160 танга, взятых под залог 1,5 танапа земли, то земля передаст в их собственность²⁷⁷. Из документа видно, что независимо от фактической стоимости данной земли, если крестьянин не сможет погасить залог, она будет отобрана за 160 танга.

В докладной от 1912 г. российский политический агент сообщил, что проценты по ссудам индусов-ростовщиков доходят до

²⁷⁴ Там же, д. 1267, л. 47.

²⁷⁵ Там же, д. 2001, л. 3.

²⁷⁶ 20 фулусов составляли 1 кокандскую тангу. ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 11, д. 288, л. 10. Кокандская танга (серебряная монета) равнялась 13 коп. ЦГА РУз, ф. И—17, д. 12740, л. 5.

²⁷⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2001, л. 4.

100²⁷⁸. В другом документе отмечено, что земледельцы занимают у индусов деньги обыкновенно на 5% недельных, что составляет 260% годовых²⁷⁹.

В Туркестане в эти же годы, судя по архивным данным, ростовщические проценты доходили до 350, а иногда даже до 1 000 в год²⁸⁰. Так ростовщики, присасываясь к крестьянскому хозяйству, приводили его в упадочное состояние и заставляли «воспроизводство совершаться при все более скверных условиях»²⁸¹.

Известную ростовщическую деятельность развивали и отдельные русские фирмы. Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в фонде Канцелярии кушбеги. Так, контора фирмы братьев Шлосберг 6 февраля 1905 г. выдала Садретдинбаю Бадретдинову 5 тыс. танга под залог 12 танапов земли в местности Каршиян в Шафриканском тумане сроком на 1 год. На долговом документе было указано, что должник обязуется по истечении года с вышеуказанного числа полностью уплатить полученную сумму. И оговорено, что в случае неисправной уплаты участок должен перейти в полную собственность названной конторы²⁸². Поскольку рассматриваемый документ оказался в Канцелярии кушбеги, следовательно, должник не смог возвратить деньги.

30 марта 1904 г. контора братьев Шлосберг выдала Турсунбай амину, сыну Шамухаммада 12 тыс. танга под залог двух участков земли в 10 танапов в местности Куфек и Кушек-Алма²⁸³. Судя по тому, что данный документ также хранится в фонде кушбеги, значит и этот должник не смог выкупить свою землю. Здесь необходимо отметить, что если у ростовщиков закладывались небольшие участки, то в конторах фирм — сравнительно большие участки, принадлежащие более зажиточным слоям крестьянства.

«При всех докапиталистических способах производства,— говорил К. Маркс,— ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь в том отношении, что оно разрушает и уничтожает те формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»²⁸⁴.

Таким образом, необходимо отметить, что после присоединения к России в Бухаре произошли значительные изменения. Однако эмират продолжал оставаться отсталой аграрной страной. Крестьяне Бухары постепенно все более и более разорялись, попадали в долговую кабалу к ростовщикам и баям, теряли свои земли и превращались в закабаленных издольщиков.

²⁷⁸ Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 446, л. 36.

²⁷⁹ Там же, д. 247, л. 2.

²⁸⁰ Там же, ф. И—1, оп. 12, д. 1759, л. 226; оп. 11, д. 696, л. 72; ф. И—19, д. 24492, л. 28.

²⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 145—146.

²⁸² ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 2005, л. 2.

²⁸³ Там же, л. 31.

²⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 146.

Г л а в а III.

ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС МЕЛКИЕ ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

После присоединения Средней Азии к России в Бухарском эмирате под влиянием роста товарности хозяйства усиливается процесс разложения феодально-патриархальных отношений. Это особенно ярко проявляется в 80—90-е годы XIX в., когда в экономику феодальной Бухары начинают ощутимо проникать элементы новых, капиталистических отношений.

В период ломки старых общественных взаимосвязей закономерно наблюдается усиление классовой борьбы крестьянства — самого многочисленного в Бухарском эмирате. Острота социальной борьбы крестьянства была вызвана переплетением феодальной и капиталистической эксплуатации.

Крестьянство Бухары часто выступало совместно с представителями низовой сельской администрации, чьи интересы также за-девались безграничным произволом податных сборщиков. Но из этого факта нельзя делать выводов о несамостоятельности или реакционности крестьянских выступлений. Несмотря на то, что В. И. Ленин неоднократно отмечал, что в классовой борьбе крестьянство проявляет двойственный характер мелкого собственника, он считал утверждения о якобы реакционном характере крестьянских движений «чудовищным извращением» исторической истины¹.

Крестьянские выступления были как индивидуальными, так и коллективными. Индивидуальные выступления проявлялись в самых разнообразных формах, вплоть до избиения и убийства отдельных представителей господствующих классов. В Средней Азии, не только в Бухарском эмирате, но также в Кокандском и Хивинском ханствах, а позднее в Туркестанском генерал-губернаторстве доминировали коллективные формы крестьянских выступлений.

Подобные формы в период разложения феодальных общественных отношений и возникновения новых, капиталистических отно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 229.

² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3.//Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986. С. 442.

шений наблюдалась также в странах Западной Европы, в частности во Франции, Англии².

Широко была распространена эта форма классовой борьбы крестьянства и в Восточной Европе³, и на Кавказе, в Армении⁴.

Вопросы типологии форм классовой борьбы издавна привлекали внимание историков. Они обсуждались на международных конгрессах историков в Вене в 1965 г., на симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, на специальных научных конференциях, посвященных крестьянским войнам в Германии и в Венгрии, ими занимались ученые СССР, Франции, Чехословакии, Польши и других стран⁵. Но ни одна из предложенных исследователями систем классификации крестьянского движения не была принята. Предлагалось классифицировать крестьянские выступления по их характеру: экономическая и политическая борьба, пассивная и активная формы борьбы и т. п. Мы называем их мелкими и крупными формами крестьянского движения, понимая под мелкими формами разные формы крестьянского протesta, а под крупными — крестьянские восстания.

Обратимся к рассмотрению мелких форм крестьянского движения.

Глубокое недовольство народных масс и протест крестьян начинался обычно с подачи жалоб. Если жалоба оставалась безрезультатной, крестьяне жаловались вновь, и в конце концов решались на более решительные действия — отправку ходоков с жалобой к правительству вилайета или, чаще, к эмиру. Они отказывались платить налоги, и, потеряв всякую надежду добиться правосудия, покидали насиженные места и переселялись в другие районы или уходили, в частности, в Афганистан, поднимались на вооруженные восстания.

Подача жалоб была первичной и самой распространенной формой крестьянского протesta не только в Средней Азии и в Бухарском эмирате, она была широко распространена в Западной, Восточной Европе и на Кавказе. В Западной Европе жалоба подавалась государю или же в местный суд. С подачей жалобы в суд начинались судебные тяжбы. Подобные процессы длились десятилетиями, требуя большого напряжения сил крестьян. Несмотря на то, что суд в большинстве случаев, становился на сторону дворян, иногда и крестьянам удавалось выиграть тяжбу⁶. Например, в Армении, также «...самой распространенной формой, к которой прибегали крестьяне для выражения своего недовольства, требо-

³ Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (к истории проблемы)//Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Проблемы, поиски, решения. М., 1974.

⁴ Крестьянское движение в Армении в XIX в. Ереван, 1948. С. 13—15.

⁵ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. III. М., 1986. С. 440.

⁶ История крестьянства в Европе... С. 443; Крестьянское движение в Армении в XIX в. Ереван, 1948. С. 13.

ваний, протестов, были жалобы, которые подавались на имя ми-ровых посредников, представителей уездной или губернской администрации или даже наместника Кавказского... Причем нельзя не обратить внимания на поразительное упорство, с которым отдельные крестьяне, чаще сельские общества стараются добиться правосудия...»⁷.

Крестьянские жалобы. По содержанию они были самыми разнообразными. Крестьяне жаловались на действия правителей областей — хакимов, их ставленников — податных сборщиков (амлякдаров) а также казиев, раисов, аминов и аксакалов. Так, в середине 80-х годов прошлого века крестьяне (они называли себя фукара) Абдулла, Ибадулла, Намбек, Мирсаид, Джолубай и Тахирбай из вилайета Кабаклы жаловались на своего правителя амарат панаха Хайдаркул бека бия дадха, который направил своих людей скосить их клевер и отдал его на корм своим лошадям. В ответ на жалобу крестьян правитель заявил, что якобы это — его земля⁸.

В другой жалобе фукара Каратегина пишут о насилиях и притеснениях со стороны хакима, который заставлял крестьян выполнять многие не предусмотренные обычаем повинности⁹. Эта жалоба интересна не только описанием насилия над крестьянами, но и упоминанием о том, что крестьян заставляли выполнять много новых, не предусмотренных обычаем повинностей.

Крестьяне Зиадина жаловались на бека Таки туксабу, который, злоупотребляя своим положением, начал взимать налог кошпули в 3,5 раза больше установленного обычаем.

Приводим полностью текст одного из крестьянских прошений-жалоб:

«О, ласкающий раба!

Рабское донесение слуг Ваших зиадинцев Турсункулбая, Имам Садыкбая, Нормухаммадбая, Бабакула, Мулла Улуг Абдурахмана и Абдурасула Вашему величеству, высокому нашему господину и владыке с надеждой на великодушный прием.

О, ласкающий раба! Да станем мы жертвами благословенной главы вашего господина. О, опора мира! Эти рабы — фукара должны были платить по обычаям, с каждого коша [земли] 32 танга [налога]. Ныне Таки туксаба взимает с Ваших рабов, причиняя насилия, по 115 танга.

Надеемся, Ваше величество, наш владыка [на Вас], что Вы, издав распоряжение, прикажете расследовать [нашу просьбу]. И, если действительно так, то осчастливьте этих бедных рабов грамотой о ежегодном нашем таамуле.

Мы, немощные бедняки, кроме Вашего величества благодетеля не имеем. О, Аллах! Будьте здоровы! От лица невежества мы

⁷ Крестьянское движение в Армении в XIX в. Ереван, 1948. С. 13.

⁸ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 14.

⁹ Там же, д. 1271, л. 49.

сделали рабское донесение. Еще раз [Вы] наш уважаемый господин. Виноватые [3 раза]»¹⁰.

Крестьяне жаловались не только на насилие местных управителей, податных сборщиков, но и на тяжесть налогов, на архаическую систему их сбора, представлявшую широкое поле для злоупотребления.

Злоупотребления амлякдаров начинались задолго до сбора налогов, еще при предварительном определении размера будущего урожая на корню, которое называлось «тахмин». Исходя из него, в налоговые дафтары записывали размер будущего налога. Так, в 1882/83 гг. «...с фукара Нурмухамеда по тахмину урожай пшеницы был установлен в 12 ман. Только благодаря посредничеству его родственников, а также аминам и аксакалам, размер тахмина был снижен до 8 ман. Крестьянин не согласился с этим и пошел жаловаться. Тогда амлякдар скостили еще один ман, оставив 7 манов»¹¹.

Из приведенного документа следует, что при тахмине количество налога сильно завышалось: вместо 7 ман налог был определен в 12 ман, т. е. на 43% выше.

«Нияз аксакал, Нур Назарбай, Таш-Мухаммадбай, Мулла Умур, Асманбай, Мухаммад Салих, Уста Сахиб и Мавлянбай жаловались на правителя и амлякдаров местности Нахридума и Гапана, которые требуют уплаты налога не по наличию урожая, а по тахмину»¹². В данном случае тахмин был, видимо, настолько завышен, что взимать налог по наличию амлякдары не хотели. Чрезмерное злоупотребление при тахмине задевали интересы не только бедных крестьян, но и представителей зажиточных слоев. В частности, казий местности Нахрипая доносил, что Якуббай из дехкан и почитаемых людей общины кипчаков Балха жаловался эмиру на то, что крестьяне несут большие убытки из-за тахмина и хасбура (предварительного определения урожая недозрелого зерна).

В 1885/86 г. Дустяр ходжа, Намад аксакал, Мухаммадкули, Биган аксакал, Абдурахман, Саид Мухаммадбай из фукара виляйета Шерабад писали в своей жалобе, что «правитель Садык бек бий, назначив своих сыновей и братьев амлякдарами, взимает [налоги] вопреки обычаяу, не считаясь с тахмином аминов и аксакалов. Не измерив количества танапов [земли] под садами и травами, записывают вдвое больше: вместо 4 ман зерна — 8 ман, сбор с соломы и с каждого вида посева записывают больше, чем следует»¹³.

Податные сборщики специально не измеряли количество танапов, поскольку это было для них не выгодно, и они не смогли

¹⁰ Там же, ф. И—1, оп. 1, д. 1268, л. 77.

¹¹ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 44.

¹² Там же, л. 38.

¹³ Там же, л. 76.

бы тогда фиксировать в налоговых книгах размер налогов вдвое больше положенного.

Крестьяне не могли оставаться равнодушными к налоговому произволу податных сборщиков и продолжали жаловаться, надеясь ограничить аппетит амлякдаров. В качестве примера можно привести жалобу фукара амляка Майманак вилайета Карши эмиру:

«О, ласкающий раба!

Рабское донесение слуг Ваших Мулла Халназара аксакала, Умурбая аксакала, Сахиб аксакала, Бабаджан аксакала и др. фукара амляка Майманак вилайета Карши его величеству, нашему Господину и владыке с надеждой на великолодушный прием. Да станем мы жертвами! Мы являемся молельщиками фукара!

Лютфулла караулбеки в течение 5 лет является амлякдаром. Во время разбора различных дел фукара он причиняет тяготы. Взяв на откуп сбор дахъяка, он причиняет беднякам и вдовам большой вред, сильно отягощает нас. Ныне налог взимает не по 'дафтару, а более. Надеемся на посылку махрана и высокой грамоты на имя казия Карши. Виноватые [5 раз]»¹⁴.

Будучи не только податным сборщиком, но еще и откупщиком налога дахъяк, Лютфулла караулбеки старался как можно более собрать налога, поэтому требовал уплаты выше норм, записанных в налоговых книгах, что и явилось причиной рассматриваемой жалобы.

В донесении должностного лица эмиру сообщалось о жалобе крестьян местности Андук тумана Харканруд на то, что налог с их земель ныне выше, чем платили раньше, но амлякдары требуют еще больше¹⁵. Автор донесения пытается обелить перед эмиром податных сборщиков. Он сообщает, что совместно с аминами и аксакалами поехал к амлякдару для выяснения положения. Там амины, аксакалы и амлякдар поклялись, что «...государственный налог данной местности был записан верно и взимался правильно». Но результаты этого разбора жалобы крестьян не удовлетворили. Они, собравшись вновь, решили послать к эмиру ходоков с жалобой. Но некоторые из «авторитетных» людей данной местности, услышав о ходоках решили послать своего человека вернуть их и вместе направились к амлякдару. Амлякдар и упомянутые «авторитетные» люди, видимо, сумели запугать и уговорить крестьян неходить жаловаться. В донесении сказано, что «...крестьяне раскаялись в своих действиях и согласились полностью уплатить свой налог»¹⁶. Перед нами тенденциозное изложение событий чиновником, пытающимся обелить, вопреки фактам, податных сборщиков.

В связи с жалобой Камалбая из местности Махалля-и казы

¹⁴ Там же, д. 1270, л. 17.

¹⁵ Там же, д. 1267, л. 36.

¹⁶ Там же.

тумана Пирмаст о неправильном взыскании налога с посевов пшеницы были проверены налоговые дафтары. В них вместо 3 манов дунум сир (т. е. 3 мана и 20 фунтов) записано 3 мана 13 дунум сир (т. е. 3 мана и 260 фунтов)¹⁷. Таким образом, пользуясь неграмотностью крестьян, податные сборщики записывали гораздо большую сумму, чем полагалось соразмерно урожаю.

Фукара вилайета Наразым писали, что «налог с весенних и осенних посевов с них в свое время был установлен по совету аминов и аксакалов. Ныне Абдулхалик миrzабаши, Худай-Назар мираб и Джума мираб, став сборщиками налогов, объединились и вредят нам. Они записали на каждого крестьянина по 1—2 мана больше»¹⁸.

Крестьяне Байсуна жаловались на амлякдаров, которые при сборе хараджа брали с каждого человека на полмана, ман или 10 сиров зерна больше, нежели было записано в налоговых дафтарах¹⁹.

15 крестьян амляка Султанабад вилайета Зиадин жаловались, что налог с посевов пшеницы был завышен²⁰.

Только безмерным завышением норм сбора налогов можно объяснить поведение отдельных представителей низовой администрации, в частности аминов, которые часто поддерживали справедливые требования крестьян, выступая против налогового произвола податных сборщиков. Интересной в этом плане является жалоба амлякдара на аминов.

Один из амлякдаров в своем донесении эмиру жаловался, что, «прибыв в местность Хорезма для сбора налога с гузы и джугары, он хотел установить размер налога по обычаям. Каждый из аминов Хазара Абдулкадыр ходжа и Лютфулла, встав на сторону крестьян, подстрекали их, предлагая отказаться от уплаты хараджа. Упомянутые амины, чтобы показаться хорошими в глазах крестьян, защищают их, предлагая платить вместо одного мана — 1/2 мана, вместо 1/2 мана — 10 сиров и т. д.»²¹. Парадокс: амлякдар жалуется эмиру на представителей низовой сельской администрации! Видимо, амины справедливо считали, что размер налога должен был составить лишь половину требуемой нормы.

При составлении пайгиров — выпуск из налоговых дафтаров, амлякдары, также преднамеренно ошибаясь, записывали завышенные нормы сбора налога, нежели в налоговых дафтарах. Так, Мухамед Насир туксаба (не ранее 1888 г.) писал в своем донесении кушбеки, что крестьяне из местности Кабутархана жаловались на завышение налога по сравнению с записанным в налоговых дафтарах. Кушбеки сличил принесенный крестьянами пай-

¹⁷ Там же, л. 14.

¹⁸ Там же, л. 21.

¹⁹ Там же, л. 39.

²⁰ Там же, д. 1268, л. 48.

²¹ Там же, д. 1271, л. 29.

тире с записями в налоговом дафтаре. Выяснилось, что, действительно, в пайгире записано больше²².

Налоги собирались деньгами по справочным ценам, которые каждый раз специально указывались в эмирских грамотах. Но иногда податные сборщики собирали налоги по наивысшим базарным ценам, которые, обычно, были выше «эмирских». Доход от разницы между базарными и справочными ценами шел в карманы амлякдаров. Так, мулла Нияз ходжа раис муфти (не ранее 1885 г.) писал в своем ответном донесении эмиру, что «по жалобе крестьян Канимеха на сборщика налогов Абдулмумин джибачи, взимавшего налоги по ценам, выше установленных, он, собрав крестьян, опросил их. Фукара рассказывали, что с некоторых из них налоги были взысканы из расчета рыночной цены пшеницы в 20 танга за ман, хотя затем цена пшеницы была определена в эмирской грамоте в 18 танга»²³. Автор рассмотренного донесения сообщал эмиру, что путем длительных уговоров сумел «успокоить крестьян».

В другом ариза чиновник, оправдывая действия амлякдаров, писал, что крестьяне согласились платить налоги по базарным ценам. В тот момент цены на базарах были высокие. Через неделю, когда на базар привезли много зерна, цены на зерно упали. Увидев это, фукара не пожелали платить по прежним ценам и, в знак протеста, направили свою жалобу²⁴.

Из отдельных жалоб мы узнаем, что некоторые крестьяне дважды включались в списки налогоплательщиков²⁵.

Бывали случаи, когда сборщики, не успев отчитаться о собранном налоге, умирали. Тогда с крестьян вновь требовали уплаты налога. Так было, например, в Китабе, где крестьяне жаловались на амлякдара, требовавшего с них повторной уплаты налога, хотя они уплатили все полностью умершему Гули аксакалу — прежнему сборщику²⁶.

В поисках дополнительных источников дохода амлякдары пытались взыскивать налоги с крестьян соседних земель, территориально относящихся к другим областям. Так, Худаярбай, Турсункулбай, Ходжакулбай и Садыкбай из жителей местности Майда ябу и Тизакли Зиадинского вилайета жаловались, что они с богарных земель уплатили налог амлякдару Зиадина. Однако сборщик Карши требует с них повторной уплаты налога²⁷.

Десять крестьян из местности, относящейся к Каршинскому вилайету, писали в своей жалобе, что они раньше платили налог правителю Карши. Ныне к ним явились люди амлякдара Чирак-

²² Там же, д. 1270, л. 20.

²³ Там же, д. 1267, л. 17.

²⁴ Там же, д. 1080, л. 25.

²⁵ Там же, д. 1267, л. 1.

²⁶ Там же, д. 1271, л. 18.

²⁷ Там же, д. 1279, л. 25.

чи мирзы Карабека и требуют, чтобы налоги были выплачены им²⁸.

Крестьяне Гиссара жаловались, что они платили налоги амлякдару Гиссара, теперь же налог с них требует также амлякдар Кабадиана²⁹.

В отдельных жалобах сообщалось, что налоговые сборщики требуют налоги с земель мильк и танхо, хотя эти земли были исключены из государственного налогообложения. В частности мулла Мухаммад Вали и Мухаммад Алим из общины Исан мингли вилайета Халадж писали эмиру, что имеют 15 танапов наследственной мильковой земли, за которую никогда не платили ни одного фулуса хараджа. Теперь унбеги по имени Намза требует от них харадж³⁰.

Бердыбай, Абдулвахид, Абдалджаббар, Рахматулла и Тухта Мурад из местности Кам-и Чарх тумана Камат жаловались эмиру, что их земли являются танхо Джавхана миракхура, которому они уплатили все налоги. Ныне Джавхан умер, а амлякдар требует с них налог повторно³¹.

Подобна этой жалобе и другая. Крестьяне нижней части селения Харкан, относящейся к Султанабаду, обрабатывали земли танхо Абдалвахаба ходжи накиба в качестве его каранда. Накиб взыскал полностью все налоги и затем умер. После его смерти амлякдар потребовал от крестьян повторной уплаты налогов³².

Бывало и по-другому. Так, крестьяне и аксакалы Амирабада, северных окрестностей Бухары тоже обрабатывали земли танхо Баходур бия парваначи. Баходур бий, взыскав с крестьян налоги частью деньгами, а частью натурой, выдал им расписки. Несмотря на это, амлякдар явился с требованием уплаты тех же налогов во второй раз³³.

Податные сборщики взимали налоги даже с земель, занесенных песком. Например, Мирза Мурад и Баратбай имели в местности Тезгузар Шафрикама 25 танапов земли, Шамсатдин, Халмурад, Кадвер Берды, Иzzатула, Нами Ходжа и Абдураззак — 34 танапа земли. Все они жаловались эмиру, что уже примерно пять лет, как их земли засыпало песком, обрабатывать их стало невозможно. Несмотря на это, они продолжают платить с этих земель по требованию амлякдаров танабана, харадж, муштбар³⁴.

Наряду с жалобами-протестами на налоговой произвол беков и амлякдаров, сохранились также жалобы на сборщиков закята. Так, Мухаммад Юсуф бий диванбеки доносил эмиру (не ранее 1889 г.), что скотоводы — таджики и узбеки, возмущившись тре-

²⁸ Там же, д. 1270, л. 32.

²⁹ Там же, д. 1268, л. 20.

³⁰ Там же, д. 1267, л. 7.

³¹ Там же, д. 1270, л. 5.

³² Там же, д. 1267, л. 37.

³³ Там же, л. 66.

³⁴ Там же, д. 1279, л. 12.

бованиями сборщиков закята, послали с каждого селения по 2—3 человека с жалобой. Мухаммад Юсуф бий диванбеги, проверив по поручению эмира положение дел, сообщал, что сборщики закята взимали за каждые 40 голов скота 41 танга, кроме того, по 4 танга каламана и санад-пули и еще несколько танга³⁵, т. е. за каждые 40 голов скота собиралось более 45 танга, тогда как с 40 голов должны платить стоимость одного барана, не превышавшую 10—15 танга. Любопытно, что этот сановник, Мухаммад Юсуф бий диванбеги, признав жалобу крестьян справедливой, считает целесообразным, а по существу даже советует эмиру назначать для сбора закята местных чиновников, хорошо знающих население, а не посторонних людей³⁶.

Много жалоб сохранилось на казиев, раисов, аминов и других должностных лиц, обирающих в свою очередь население. Так, Раджаббай амин, Абдалкадыр аксакал, Султан амин, Кадам аксакал, Хаким аксакал, Расул амин, Мирза Алим, Мулла Абдал-гафур, Туракул амин и другие фукара вилайета Яккабаг жаловались эмиру, что казий мулла Фатхулла ходжа из жадности взимает с них лишнюю плату за составление юридических документов, их переписку, за раздел наследства и т. п.

Турдыбай, Абдарахман, Хизирберды и Кадыркул из крестьян Бурдалыка в 80-е годы жаловались на казия мулла Камиля, собирашего с каждой обчины мактаб-пули, а также требовавшего плату с весовщиков и бакалейщиков³⁷.

Сто жителей Тавильдары Дарвазского вилайета написали жалобу (не ранее 1888 г.) на своего казия, взимавшего плату за разбор различных тяжб выше установленного обычаем³⁸.

Так же, как и амлякдары, казии пытались заставить население соседних областей платить им различные сборы. Так, Саатмумин ильбеги, Ширмухаммад ильбеги, Улумарданбай, Хасанбай и другие из обчины каратамгалы вилайета Юрчи протестовали против произвола казия Сарыджуя. Они писали, что занимаются земледелием в местности Урта-кудук и свой харадж с давних пор отдавали правителям Юрчи. Ныне, вопреки обычаяу, платы никахана и тарикана требует с них казий Сарыджуя³⁹.

В погоне за наживой казии требовали иногда уплаты казийских сборов со скотоводов, давно откочевавших в другие области. В качестве примера можно привести жалобу Абдуллабая и ходжа Абдалмунина из рода локай и карлук вилайета Куляб на казия Бальджуана, который требует с них уплаты никахана и тарикана, несмотря на то, что их роды уже несколько лет как переехали из Бильджуана и стали подданными Куляба⁴⁰.

³⁵ Там же, д. 1266, л. 16.

³⁶ Там же, л. 16.

³⁷ Там же, д. 1272, л. 11.

³⁸ Там же, д. 1270, л. 4.

³⁹ Там же, д. 1271, л. 46.

⁴⁰ Там же, д. 1266, л. 7.

Не отставали от амлякдаров и казиев и раисы. Так, крестьяне местности Куф дважды жаловались на раиса Мулла Масуда, который занимался вымогательством денег, не следил за школами, которые разрушались, за мечетями, в которых перестали молиться⁴¹.

В жалобе на раиса Шерабада мулла Мансура сообщалось, что он взимал сверх обычного с ремесленников каждый базарный день по одной танга, давал незаконные подтверждения юридическим документам (ривоятам) и за это вместо обычного одного брал по два танга, за оформление купчих и запродажных документов, а также за печати он требовал плату такую же, какую взыскивал казий⁴².

Крестьяне Яккабага жаловались на раиса мулла Абдулла Гафура, который взимал за составление юридических документов более установленного. Так, за составление мазхара требовал уплаты 10 танга, если платили меньше — подвергал избиению⁴³.

Около 2 тыс. крестьян жаловались на вымогательства муллы Абдурахмана раиса, ежедневно ездавшего на базар собирать деньги⁴⁴.

В жалобе крестьян на раиса Мулла ходжа говорилось, что раис разными путями вымогает деньги у населения, берет взятки за предоставление должностей, требует за каждого учащегося в мактабе, кроме платы учителю, плату ему, раису, по 15—20 танга⁴⁵.

Большой интерес представляет коллективная жалоба крестьян вилайета Хатырчи по поводу несправедливого распределения амиком Юлдашем оросительных вод⁴⁶.

Подводя итог обзору содержания крестьянских жалоб, необходимо отметить, что жалобы подавались на различных представителей администрации: правителей областей — беков, их податных сборщиков — амлякдаров, раисов, аминов, аксакалов, т. е. на тех, кто обирал и эксплуатировал крестьян. Жалобы адресовались обычно эмиру, реже — другим влиятельным чиновникам. Крестьянство еще верило эмиру. Борьба с местными чиновниками не мешала монархическим иллюзиям крестьян, поскольку они не могли представить себе иного способа обеспечения их интересов, кроме как через вознесенного над миром эмира.

Они возлагали свои надежды на самых авторитетных людей, обладающих «неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»⁴⁷.

⁴¹ Там же, л. 1271, л. 46.

⁴² Там же, д. 1267, л. 79.

⁴³ Там же, д. 1271, л. 41.

⁴⁴ Там же, д. 1270, л. 11.

⁴⁵ Там же, д. 1267, л. 23.

⁴⁶ Там же, д. 1270, л. 6.

⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 208.

Доминировали групповые жалобы от населения одного или нескольких селений или общин. Представители низовой администрации часто выступали совместно с фукара, поскольку они, будучи жителями этого селения, также испытывали на себе гнет податных сборщиков и пытались ограничить их произвол. Интересным является факт жалобы амлякдара эмиру на представителей низовой сельской администрации — аминов и аксакалов местности Хазара, «подстрекавших» якобы крестьян платить половину требуемой амлякдаром налоговой суммы. Они, видимо, считали, что налог вдвое увеличен. Амлякдар не смог расправиться с амином и аксакалом и вынужден был жаловаться на них эмиру.

Крестьянские ходоки. Отправка в адрес эмира крестьянских жалоб не всегда приносила желаемые результаты, поэтому крестьяне решались на более действенные формы протеста: посыпали из своей среды доверенных лиц в качестве ходоков к эмиру или к его высшим чиновникам.

В фонде Канцелярии күшбеги имеется ряд документов о посыпке крестьянских ходоков к эмиру, об их преследованиях и наказаниях со стороны властей. Сведения об отправке крестьянских ходоков сохранились также в фондах Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и Российской императорской политического агентства.

В 1880—1881 гг. около ста крестьян Зиадина пришли к начальнику Катта-Курганского отдела с жалобой на налоговый произвол при сборе хараджа. Начальник не стал вмешиваться в отношения между крестьянами и амлякдарами и предложил обратиться к эмиру. Эмир жестоко наказал крестьянских ходоков. Двое по приказанию эмира были казнены, 10 жалобщиков получили по 75 палочных ударов, а остальные были подвергнуты штрафу в размере 2 батманов зерна с каждого сверх хараджевой по-дати⁴⁸.

Не ранее 1882 г.⁴⁹ 10 ходоков из вилайета Наразым — представители 4 общин (джамоа) — ходили жаловаться эмиру на неправильное составление пайгиров и на отказ правителя Абдурахим бека бия показать налоговые дафтары, чтобы сличить их с исполнительными листами⁵⁰.

Не ранее 1883 г. Абдуллабай и Ходжа Абдулмумин из обчины локай и карлук ходили жаловаться из вилайета Куляб в Бухару на Бальджуанского казия, который требовал с них уплаты различных казийских сборов, несмотря на то, что они уже несколько лет тому назад переехали на постоянное жительство из Бальджуана в Куляб⁵¹.

⁴⁸ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 609, л. 42—а.

⁴⁹ Датируется на основании упоминания в тексте имени Абдурахим бека бия — правителя Наразыма.

⁵⁰ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 39.

⁵¹ Там же, д. 1266, л. 7.

В 1884 г. ходоки из Ховалинга и Яхсу дважды приходили жаловаться к правителю Бальджуана Рахманкулу диванбеки на притеснения своего раиса Мулла Мирза Хаята⁵².

Не ранее 1885 г. 15 ходоков из амляка Султанабад Зиадинского вилайета пришли к правителю Низаметдину ходже туксабе с жалобой на завышение налога с посевов пшеницы⁵³.

В то же время крестьяне местностей Пянджа и Туси тумана Камат Абдурахман, Алимбек, Хамидбек и другие ходили жаловаться в Бухару к эмиру на податного сборщика местности Зандани тумана Самджин, требовавшего уплаты хараджа с их земель, с которых они уже уплатили налог своему сборщику из тумана Камат. Амлякдар Самджина, требуя уплаты налога, даже арестовал несколько человек⁵⁴.

Примерно 10 октября 1885 г.⁵⁵ крестьяне Шерабада направили несколько ходоков в Бухару с жалобой на амлякдаров, взимавших с них налоги выше нормы⁵⁶. Казий Мулла Абдурахим и правитель Шерабада Садык бий в ответном донесении эмиру писали, что трое из этих жалобщиков уже арестованы, а остальных троих, успевших скрыться, разыскивают⁵⁷.

Позднее 31 октября 1885 г.⁵⁸ несколько ходоков из Шерабада ходили жаловаться к эмиру на налоговый пресизвол податных сборщиков. Жалобщики были брошены в зиндан в г. Карши⁵⁹.

Позднее 31 октября 1885 г.⁶⁰ около 200 крестьян местности Куль-тибли Кулябского вилайета ходили жаловаться на поборы кулябского бека к соседнему бальджуанскому правителью⁶¹.

Из рапорта российского политического агента от 26 января 1886 г. мы узнаем о приезде в Бухару к эмиру четырех ходоков из Бальджуана с жалобой на их правителя, который дважды в год взимал с населения закят. Судя по документу, ходоки очень настойчиво добивались разбора дела и даже якобы просили разрешения не подчиняться правителью. Рассерженный эмир хотел казнить всех ходоков, но потом смилиостивился и согласился ограничиться жестоким телесным наказанием. Двум ходокам дали по 75 ударов палками на Тахта пule Арка в присутствии толпы народа. Жалоба их осталась неразобранной⁶².

⁵² Там же, д. 1271, л. 52.

⁵³ Там же, д. 1268, л. 48.

⁵⁴ Там же, д. 1270, л. 41.

⁵⁵ Датируется на основании оттиска именной печати правителья Шерабада — Садык бека бия на документе.

⁵⁶ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 69.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Датируется на основании упоминания в тексте имени Садык бека бия и покойного эмира Музаффара (ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 639, л. 1).

⁵⁹ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 639, л. 1.

⁶⁰ Датируется по упоминанию в тексте о покойном эмире Музаффаре и оттиску печати Мухаммад Алим-ходжи раиса.

⁶¹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1266, л. 13.

⁶² Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 3, л. 112—а.

Не позднее 10 апреля 1886 г.⁶³ 50 крестьян-ходоков из Зиадина ходили жаловаться к эмиру на насилие правителя Таки туксабы, который тоже взимал с крестьян налоги дважды⁶⁴.

В июле 1886 г. 200 горцев рода локай и марка отправились в Бухару с жалобой на неправильный сбор закята. Жалобщики говорили, что если эмир не примет их жалобы, то они обратятся сней к русскому начальству⁶⁵.

Не позднее 11 августа 1886 г.⁶⁶ 500—600 фукара Бальджуана пошли жаловаться к правителью на налоговый гнет и несправедливость сборщика податей Одина эшикагабаши. Чиновник, оставленный в резиденции правителья, совместно с находящимися при нем людьми избил ходоков, связал и заковал в цепи⁶⁷.

Не ранее 1887 г.⁶⁸ 110 ходоков из местности Тавильдара Дарвазского вилайета ходили жаловаться в Карагин к Мухаммад Баходур бию на своего казия Мулла Захид ходжу, который, пребывая на должности казия в течение 12 лет, решал дела не по обычая. Ходоки просили доложить их жалобу эмиру⁶⁹.

Не позднее 5 февраля 1888 г.⁷⁰ крестьяне Вабкента и Ходжа-и Джигана приезжали в г. Бухару и жаловались кушбеги на амлякдаров, требующих с них двойные подати. Жалобщики указывали на то, что батман пшеницы на базаре стоит 28 танга, амлякдары же начисляют налог из расчета 43 танга за батман. Кушбеги не принял жалобы крестьян, сказав, что об этом знают и судят сами амлякдары. В результате крестьяне внесли требуемый налог полностью⁷¹.

Не ранее 1888 г.⁷² крестьяне-ходоки из местности Кабутархана жаловались кушбеги, что налог с них указан в пайгирах — исполнительных листах для взимания налогов — больше, нежели было записано в налоговых дафтарах⁷³.

Судя по тексту донесения, ходоки добились на этот раз того, чтобы кушбеги сличил исполнительные листы с налоговыми дафтарами. Было установлено, что жалоба крестьян была справедливой.

Не ранее 1889 г.⁷⁴ узбеки и таджики Бальджуанского вилай-

⁶³ Датируется годом снятия с должности правителья Зиадина Таки туксабы (ЦГА РУз, ф. И—3, оп. 1, д. 3, л. 215).

⁶⁴ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1268, л. 45.

⁶⁵ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 666, л. 42.

⁶⁶ Датируется на основании упоминания имени Тюри как правителья Гиссара, снятого с должности 11 августа 1886 г. (ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 666, л. 82).

⁶⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1201, л. 49.

⁶⁸ Датируется по оттиску именной печати автора донесения Мухаммад Баходур бия диванбеги.

⁶⁹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1279, л. 4.

⁷⁰ Датируется на основании даты составления документа.

⁷¹ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 685, л. 29.

⁷² Датируется по оттиску печати автора донесения.

⁷³ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1270, л. 20.

⁷⁴ Датируется по оттиску печати автора донесения Мухаммад Юсуф бия диванбеги.

ета, возмущившись требованиями сборщика закята платить помимо основного налога — закята — дополнительные сборы около 10 танга с каждого 40 голов скота, послали с каждого селения по несколько человек к эмиру с жалобой⁷⁵.

Не ранее 1892 г.⁷⁶ крестьяне Джаркургана пошли к правителю Кабадиана Мухаммад Шариfu эшикагабаши с жалобой на неправильное взимание с них аминоны⁷⁷.

Не ранее того же 1892 г.⁷⁸ 14 ходоков из вилайета Кабаклы жаловались на захват крестьянской земли вновь назначенным правителем Чарджуя Хайдаркул беком дадха⁷⁹.

Не ранее 1894 г.⁸⁰ крестьяне из Наразыма жаловались эмиру бухарскому на правителя Мулла Худай-Бахша туксабу, который ввел новый сбор боки-пули и арестовал двух крестьян, явившихся к нему в качестве ходоков с просьбой отменить этот налог⁸¹.

Не ранее 1895 г.⁸² несколько ходоков из крестьян Паян-Таса ходили жаловаться в Бухару к эмиру по поводу чрезмерного взимания боки-пули, кафсана и хараджа⁸³.

Не позднее 19 марта 1895 г.⁸⁴ представители горцев местности Куф вилайета Дарваза ходили жаловаться на своего раиса правителю Мухаммад Назир бек бию. Последний сумел уговорить жалобщиков и отправил их назад. Через два месяца они снова пришли с жалобой на раиса⁸⁵.

Не ранее 1987 г.⁸⁶ четыре ходока из туманов Пирмас и Харканруд пришли в Бухару к эмиру жаловаться на сборщиков закята, взимавших налог, не пересчитав поголовья скота⁸⁷.

В 1900 г.⁸⁸ Биби Раджаб-ой из махалли Равон тумана Пирмас ходила жаловаться в Бухару к эмиру на амлякдара, требовавшего повторной уплаты налога⁸⁹.

Крестьяне местности Андук тумана Харканруда ходили жаловаться в Бухару к эмиру на сборщиков налогов, взимавших с них более положенного. Для расследования жалобы прибыл специальный чиновник. Однако результаты расследованной жалобы не

⁷⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1266, л. 16.

⁷⁶ Датируется по оттиску печати автора донесения.

⁷⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1247, л. 5.

⁷⁸ Датируется по оттиску печати правителя Чарджоу Хайдаркула бека дадха.

⁷⁹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1270, л. 14.

⁸⁰ Датируется по оттиску печати правителя Мулла Худай-бахша туксабы.

⁸¹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 9.

⁸² Датируется по имени Баба бека, бывшего амлякдаром Зандани (ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 791, л. 32).

⁸³ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 35.

⁸⁴ Датируется на основании даты ареста правителя Дарваза Мухаммад Назир бек бия 19 марта 1895 г. (ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 799, л. 45).

⁸⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 25.

⁸⁶ Дата документа.

⁸⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 33.

⁸⁸ Дата документа.

⁸⁹ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 1.

удовлетворили крестьян и несколько ходоков направились с жалобой вторично⁹⁰.

Группа крестьян Хайрабада⁹¹ ходила жаловаться в Бухару на бесконечные насилия раиса Мулла Абдалхалика. Автор донесения сообщает эмиру, что при разборе жалобы к нему пришли около 2 000 крестьян, которые сетовали на жестокости и угнетения указанного раиса⁹².

Из приведенных документов следует, что крестьяне, доведенные до отчаяния, посыпали из своей среды ходоков в Бухару к эмиру с жалобой. Ходоки шли в Бухару группами по несколько человек, а иногда даже по 200—600 человек. Крестьяне Восточной Бухары часто обращались к наиболее влиятельным бекам Бальджуана и Гиссара. В условиях бездорожья и отсутствия транспорта для того, чтобы добраться до Бухары пешком или верхом из таких отдаленных горных районов, как Куляб или Бальджуан, нужны были недели и месяцы. И все же доведенные до отчаяния крестьяне шли жаловаться, оставляя свои неотложные дела и рискуя подвергнуться жесточайшим наказаниям — избиению палками, арестом в зиндане и даже казнями. В Бухарском эмирате, как и в России, «Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль...»⁹³ и продолжали бороться.

Отказы платить налоги и обрабатывать землю. Более высокой формой крестьянского движения, по нашему мнению, являлся отказ от уплаты налогов, потому что предшествующие формы — посыпка жалоб и отправка ходоков к эмиру, представляют по существу только просьбы улучшить их положение, тогда как отказ платить налоги — это уже действие. Ниже мы приводим содержание подлинных бухарских документов — ариза, в которых сообщается о фактах отказа крестьян платить налоги.

В 1885/1886 гг. крестьяне Шерабадского вилайета отказались от уплаты налогов, заявив, что размер взимаемого хараджа больше положенного⁹⁴. Интересно, что в этом случае даже представители низовой администрации в лице аминов поддержали крестьян.

В том же году крестьяне местности Культибли Кулябского вилайета, уплатив часть хараджа, отказались платить остальное и направили ходоков с жалобой на податных сборщиков, взимавших налоги более положенного обычаем⁹⁵.

⁹⁰ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 36. Дату документа установить не удалось.

⁹¹ Дату установить не удалось.

⁹² ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1271, л. 24.

⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

⁹⁴ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 72.

⁹⁵ Там же, д. 1266, л. 14.

Крестьяне местности Андук тумана Харканруд также отказались от уплаты налогов до возвращения своих ходоков⁹⁶, отправившихся с жалобой к эмиру.

Узбеки и таджики Бальджуанского вилайета, возмущившись повышением размера налоговых ставок закята, послали с каждого селения по несколько человек к эмиру с жалобой и отказались от уплаты закята⁹⁷.

В некоторых случаях отказ крестьян платить налоги был вызван злоупотреблениями налоговых чиновников, которые требовали уплаты налогов по завышенным ценам (рыночным). Как уже было упомянуто, в 1888 г. крестьяне Вабкента и Ходжа-и Джива-на отказались платить налоги по 43 танга за каждый батман (по-видимому, пшеницы), тогда как он стоил на базаре 23 танга⁹⁸.

Из другого документа мы узнаем, что крестьяне Гузара отказались от уплаты налогов по 18 танга за батман пшеницы и 12 танга за батман ячменя, так как на базаре этого района цены на указанную продукцию были на 1—2 танга ниже⁹⁹.

Из-за завышения справочных цен, а также отдаленности рынков, трудностей сбыта и т. п. крестьяне отказывались от уплаты налогов деньгами. Они предпочитали платить натурой. Так, «Шахтурабай, Рахимбай и Нарбай из местности Ходжа и Кука-булака Гузарского вилайета в 1889 г. писали в своем прошении эмиру, что хотят платить налоги по древнему обычая — натурой, а не деньгами». Крестьяне Гузара даже приступили к постройке амбаров для сбора натурального налога¹⁰⁰.

Крестьяне Ташкургана вилайета Яккабаг не ранее 1886 г. тоже решительно отказались платить налоги деньгами. В результате правитель вилайета Абдурахим бий арестовал несколько человек «для устрашения остальных»¹⁰¹.

В 1888 г. в Ховалинге сборщик закята потребовал от скотоводов уплаты налога деньгами, но старшины просили принять закята скотом, поскольку народ не имеет денег¹⁰². Отказ сборщика закята принять налог натурой послужил поводом к восстанию. Иногда крестьяне предлагали выплатить налоги в половинном размере. Так, Абдалкадыр ходжа и Лутфулла — амины местности Хазара, предложили крестьянам платить налоги в половинном размере, вместо одного мана — 1/2 мана, вместо полмана — 10 сиров и т. д.¹⁰³

Пять крестьян из местностей Чагона, Чархов, Наразыма в

⁹⁶ Там же, д. 1267, л. 36.

⁹⁷ Там же, д. 1266, л. 16.

⁹⁸ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 685, л. 29.

⁹⁹ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1080, л. 25.

¹⁰⁰ Там же, д. 1271, л. 39.

¹⁰¹ Там же, д. 1267, л. 75.

¹⁰² Там же, ф. И—126, оп. 34, д. 693, л. 139.

¹⁰³ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1271, л. 29.

90-х годах XIX в. отказались платить налог более 300 танга за свои посевы пшеницы¹⁰⁴.

Несмотря на то, что к крестьянам Джуй-Джангала несколько раз посыпали людей для сбора налога баракат-и оли, никто его не уплатил¹⁰⁵.

Отмечается случаи, когда крестьяне в знак протеста против налогового произвола местных правителей отказывались даже от посевов. Один из чиновников доносил эмиру про крестьян Ата-Кургана Джизака: «Крестьяне возмущались. В этом году на их землях не произведены посевы. С крестьян ничего не было собрано»¹⁰⁶.

Наблюдались случаи, когда крестьяне самовольно уносили зерно нового урожая со своих полей до уплаты налога, несмотря на то, что это было категорически запрещено. Так было в Муминабаде в 1885/86 г. перед началом восстания¹⁰⁷.

За отказ от уплаты налогов и за унос с полей нового урожая до уплаты налога крестьян жестоко наказывали. Сохранились распоряжения эмира Абдалахада (1885—1910 гг.) об аресте и отправке в Бухару трех жителей Каракуля за неуплату хараджа¹⁰⁸.

Уход (бегство) крестьян в другие области и в Афганистан. Уход крестьян с насиженных мест является одной из форм классовой борьбы, крайней мерой, когда они отказывались продолжать борьбу за улучшение своего положения на старом месте. Это был весьма рискованный и волевой акт антифеодальной борьбы. С ней были знакомы крестьяне Германии уже в XVIII в., когда они массами покидали родной очаг, как правило, захватывая с собой большую часть имущества и прежде всего сельскохозяйственные орудия. Огромных масштабов достигли побеги в России и в Польше¹⁰⁹.

Применяли эту форму классовой борьбы и бухарские крестьяне, когда другие методы не приносили облегчения народу и податные сборщики продолжали творить насилия, а налоговый произвол возрастал.

В 1877 г. некоторые крестьяне Чарджоу, покинув свои дома и земли, переселились в Каваклы и Даргом. Причиной переселения послужило ограбление крестьян свитой правителя Чарджоу — наследника престола. Податные сборщики, нарушая все нормы сбора, взимали непомерные налоги¹¹⁰.

Иногда крестьяне бежали в другие области, спасаясь от преследований, так как споры с амлякдарами, посыпка жалоб или отправка ходоков и отказы от уплаты налогов не оставались без-

¹⁰⁴ Там же, д. 1267, л. 32.

¹⁰⁵ Там же, д. 1270, л. 37.

¹⁰⁶ Там же, д. 1313, л. 11.

¹⁰⁷ Там же, д. 1266, л. 12.

¹⁰⁸ Там же, д. 1271, л. 28.

¹⁰⁹ История крестьянства в Европе... С. 442.

¹¹⁰ Там же, д. 1269, л. 36.

наказанными. Так, на почве налогового конфликта крестьяне местности Кикиту Шерабадского вилайета бежали в Салихабад¹¹¹. Двадцать крестьянских семей Янги Арыка, боясь преследований амлякдаров, переселились в вилайет Шерабад¹¹².

В 1885 г., когда Худай Назар аталақ объявил населению Куляба и Бальджуана, что скоро начнет собирать недоимку по налогу закят, больше половины населения бежало¹¹³. Как сообщается в донесении, при Худай Назаре аталақе закятом облагались имущие и неимущие, что и явилось причиной бегства крестьян.

Были случаи бегства крестьян за границу, в Афганистан. Так, более половины крестьян Джаркургана из вилайета Кабадиан в 1892 г. ушли за Амударью¹¹⁴. 50 семей из Кургантепе тогда же бежали в Афганистан из-за налогового произвола податных сборщиков¹¹⁵. 40—50 семей локайцев и карлуков с женами и детьми в середине 80-х годов XIX в. хотели перейти через Амударью, но правитель Куляба задержал их¹¹⁶. Когда жители Ховалинга и Яхсу решили покинуть родину из-за тяжести налогообложения, правитель Бальджуана «еле-еле удалось уговорить их остаться»¹¹⁷.

Но ни один из видов протеста против произвола власть имущих не менял тяжелого положения крестьянства.

В. И. Ленин писал, что «вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков... Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹¹⁸.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

Одной из высших форм классовой борьбы было восстание — открытое коллективное выступление крестьян против феодалов или чиновников правительства. Подъем ее в 80—90-х годах XIX в. был вызван усилением эксплуатации в результате кризисной деформации старой экономики в условиях развития товарно-денежных отношений и появления ростков новых, капиталистических отношений.

Восстание в Бальджуане в 1870 г. После присоединения Восточной Бухары к эмирата в отдаленные восточные области были направлены наиболее надежные и преданные эмиру чиновники. Так, в Бальджуанское бекство был назначен Абдулкарим — сын бывшего самаркандского бека Ширали илака. Став беком, Абдул-

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, д. 1279, л. 42.

¹¹³ Там же, д. 1247, л. 5.

¹¹⁴ Там же, д. 1270, л. 3.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, д. 1159, л. 11.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

карим произвольно увеличил размер податей, собираемых с жителей. Бальджуанцам налог этот показался обременительным, и они просили правителя о его уменьшении, однако их просьба не была удовлетворена, что послужило поводом к восстанию. Около двух тысяч крестьян окружили бальджуанскую крепость. Абдул-карим успел бежать в Гиссар, восставшие заняли крепость и разграбили имущество бека¹¹⁹. Отказавшись от преследования врача и уничтожения бекского отряда, повстанцы занялись дележом добычи. Многие, получив свою долю, вернулись в родные кишилаки, что значительно ослабило силы повстанцев.

Заметив еще до осады крепости волнения среди крестьян, Абдулкарим обратился к соседним бекам за военной помощью. Правитель Гиссара Якуб кушбеги направил вооруженный отряд, узнав о приближении которого безоружные повстанцы отступили в Дарбан — самостоятельное владение, лежащее к юго-западу от Каратегина.

Восстание 1870 г. явилось первым после присоединения к России выступлением против произвола бухарской администрации. Однако оно было стихийным и неорганизованным, а потому и обреченным на провал.

Волнения в Гузаре и Карши в 1871 г. В марте 1871 г. голод в Гузаре вызвал народное волнение. В нем принимали участие все окрестные крестьяне. Количество участников волнения по тем временам было огромное — более 100 тыс. человек.

Начальник Зарафшанского округа письмом от 9 марта 1871 г. сообщал Туркестанскому генерал-губернатору, что «окрестные Гузару жители, вынужденные голодом, собрались в числе от 10 до 20 000 человек, направились в Гузар и разграбили его базары и все, что попадалось им под руку. В общей свалке, по рассказам, несколько человек убито. Говорят, что толпа пробиралась в урду, где находятся помещения бека; но крепкое помещение урды, а главное, несколько выстрелов, сделанных со стен, заставили толпу разбежаться»¹²⁰.

Таким образом, стихийные крестьянские волнения без определенного руководства и ясно намеченных задач немедленно подавлялись.

Вслед за Гузаром началось волнение в Карши. Причина его была та же — голод. 11 марта 1871 г. начальник Зарафшанского округа писал: «Жители Карши, воспользовавшись обстоятельством смерти сына эмира бухарского, бывшего беком в Карши, вынужденные голодом, разграбили урду и произвели беспорядки»¹²¹.

¹¹⁹ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 67, л. 35—36 об.; Хамраев М. Очерки истории Гиссарского бекства конца XIX — начала XX в. // Труды АН ТаджССР. Т. CXIV. Душанбе, 1959. С. 80—81; Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX в. (1870—1917 гг.). Душанбе, 1963. С. 103—104.

¹²⁰ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 109, л. 17.

¹²¹ Там же.

И в Гузаре, и в Карши население, доведенное до отчаяния, вынуждено было грабить базары. Жители Гузара только сделали попытку пробраться в урду, а каршинцы даже захватили крепость.

Волнения в Бальджуане в 1874 г.¹²² Налоговый произвол Абдурахман хаджи судура — правителя Бальджуана явился поводом к волнению локайцев, кочевавших в окрестных горах. Узнав об этом, начальник бухарских войск, размещенных в Бальджуане, уговорил локайцев написать жалобу эмиру, сам же предательски захватил семерых зачинщиков и отоспал их в Бухару, после чего волнение стихло само собой. Судя по рапорту Н. Маева от 1 июля 1875 г. Туркестанскому генерал-губернатору, эти семеро были казнены¹²³.

Восстание в Муминабаде Кулябского вилайета. В конце 1885 г. произошло восстание в Муминабаде, вызванное налоговым произволом кулябского бека и сборщиков налогов¹²⁴.

После получения «эмирской грамоты» со справочными ценами и начала сбора хараджа в ряде местностей Кулябского вилайета, в частности, в Куль-тибли, крестьяне, возмущенные действиями амлякдара, который взыскал с них налог сверх положенного, послали ходоков к эмиру, а сами прекратили уплату налогов, выжидая, пока вернутся их посланцы¹²⁵. Узнав, что их ходоки арестованы хакимом Куляба, крестьяне направились туда, видимо, в резиденцию правителя, чтобы объяснить причину отправки ходоков и добиться их освобождения. Мухаммад Назир бий, бек Куляба, направил к прибывшим крестьянам своих чиновников, но те не смогли уговорить их разойтись. Крестьяне окружили чиновников, избили их, и, выместиив на них свои обиды, силой повели в Бальджуан¹²⁶. Узнав о прибытии муминабадских крестьян с пленниками, хаким Бальджуана послал к ним своего человека. Крестьяне сообщили ему причину своего прихода¹²⁷.

Бальджуанский правитель Рахманкул бий парваначи сумел уговорить пришедших крестьян вернуться назад. Однако восстание не прекратилось. В самом Муминабаде события развернулись следующим образом. Крестьяне отказались платить налог, некоторые даже самовольно унесли с гумна зерно нового урожая¹²⁸. Их возглавили Мулла Мирза, Барат, Саид, Мулла Давлат и др. С каждым днем движение все ширилось, приобретало все более ясный классовый характер и в походе на Муминабад в начале де-

¹²² Там же, д. 236, л. 22—23 об.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-е годы XIX в. // Из истории Средней Азии. Ташкент, 1965. С. 5—23.

¹²⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1266, л. 14.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же, л. 13.

¹²⁸ Там же, л. 12.

кабря 1885 г. достигло своей кульминации. Бедняки окрестностей Муминабада, вооружившись ножами и палками, вошли в Муминабад, избили всех родовитых сановников, вторглись в их жилища. Правитель Куляба Мухаммад Назир бек бий, получив известие о дальнейшем развитии восстания, послал в Муминабад своего представителя. Из Бухары для расследования положения дел прибыл второй чиновник — Аллаяр миракхур, к которому привели некоторых из восставших. Аллаяр миракхур ввиду напряженной внешнеполитической обстановки¹²⁹ ограничился уговорами раскаяться и отпустил крестьян.

Необходимо заметить, что руководители восстания умело использовали момент, поднимая народ тогда, когда все военные силы кулябского бека были брошены на отпор внешнего врага. В документе подчеркивается: «Во время появления афганцев на берегу реки, когда все войска и нукеры находились на берегу Дарьи, те же люди вновь толкнули крестьян к мятежу»¹³⁰. Здесь имеется в виду переход афганцами реки Пяндж и занятие бухарской крепости Саяд¹³¹. В момент вооруженного восстания крестьян окрестностей Муминабада местная администрация оказалась не в силах что-либо предпринять, ограничившись уговорами. Правитель Куляба Мухаммад Назир бек бий не выполнил приказа эмира «О наказании 2—3 крестьян в назидание другим» и вынужден был просить эмира прислать войска¹³².

Поскольку описанные выше действия крестьян Муминабада не принесли ожидаемых результатов, часть руководителей восстания — Рахман, Мулла Саид, Мулла Назир, Одина Мухаммад направились к эмиру с жалобой на произвол чиновников, а оставшиеся Мухаммад Саид, Мулла Мирза, Мулла Барот и Мухаммад Алим продолжали агитировать крестьян не платить налог до возвращения ходоков. Мухаммад Назир бек бий писал эмиру: «Замыслив беспорядок, эти люди более не успокоились и постоянно прилагают старания к мятежу и бунтарству, не соглашаясь отдать харадж»¹³³.

Конечным результатом восстания было смещение ненавистного правителя Куляба Мухаммад Назир бия. Однако народу такой исход ничего не дал. Ставленники бухарского эмира — местные чиновники, против которых в основном и был направлен гнев восставших, остались на своих местах и продолжали нещадно эксплуатировать крестьян. Восстание в Муминабаде, как и все подобные выступления, носило стихийный и разрозненный характер.

Восстание в Муминабаде датировано нами соответственно изученным документам. Основой для датировки послужили даты на оттисках именной печати правителя Куляба Мухаммад Назир.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 3, л. 56.

¹³² Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1266, л. 3.

¹³³ Там же.

бека бия «1302» и «1303» г. х., т. е. 1884 и 1886 гг. По архивным данным, в 1884 г. беком Куляба действительно был Мухаммад Назир бий¹³⁴. В восьмом из изученных нами муминабадских документов сообщается о прибытии в Куляб Мирзы Нуритдина Ка-раулбеки из Бухары для проверки и приема финансовой отчетности бека Куляба Мухаммад Назир бия. В этом донесении точно сообщается дата прибытия Мирзы Нуритдина караулбеки — «20 джумади-ас-сани, четверг»¹³⁵.

Из документа архива Российского политического агентства, датированного 12 марта 1886 г., мы узнаем, что ожидалось смещение кулябского бека Мухаммад Назир бия¹³⁶. 20 джумади-ас-сани в 1886 г. приходится на 16 марта. Следовательно, Мухаммад Назир бий правил Кулябом в 1884 г. и до 16 марта 1886 г. Упоминание в донесениях о покойном эмире поэтому может относиться только к эмиру Музаффару (1860—1885), умершему в ночь с 30 на 31 октября 1885 г.¹³⁷ Таким образом, рамки датировки уже сужаются — после 31 октября 1885 г.— до 16 марта 1886 г. Но последнюю дату можно уточнить.

В четвертом из анализируемых нами документов упоминается о переходе афганскими войсками Дарьи и военных действиях на бухарской территории¹³⁸. Из материалов Российского политического агентства мы узнаем о переходе афганскими войсками реки Пяндж и занятия бухарской крепости Саяд¹³⁹. Донесение об этом событии датировано 9 декабря 1885 г. В докладной записке капитана генерального штаба Покатило Туркестанскому генерал-губернатору также сообщалось о переходе в начале декабря 1885 г. афганскими войсками Дарьи в направлении к Кулябу. Таким образом, кульмиационный момент похода повстанцев на Муминабад можно датировать началом декабря 1885 г. Наша датировка подтверждается также рапортом управляющего нагорными тюменями от 14 декабря 1885 г. начальнику Зарафшанского округа, в котором сообщалось, что «по причине возбуждения кулябских жителей на усмирение их двинуты войска из Карагина»¹⁴⁰, которые, по-видимому, и подавили восстание.

Таким образом, восстание в Муминабаде мы датируем после 31 октября — до 14 декабря 1885 г.

Выступления крестьян Шерабадского вилайета в 1885—1886 гг. Поводом к выступлению крестьян Шерабада послужило завышение податными сборщиками нормы сбора налогов. Горцы местности Дахпракента Шерабадского вилайета отказались от уплаты налогов и отправили к эмиру ходоков с жалобой. Крестьяне полу-

¹³⁴ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 609, л. 97.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, ф. И—304, оп. 1, д. 3, л. 177.

¹³⁷ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 639, л. 1.

¹³⁸ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1261, л. 12.

¹³⁹ Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 3, л. 56.

¹⁴⁰ Там же, ф. И—5, оп. 1, д. 1616, л. 276.

чили поддержку у низовой администрации, и местные податные сборщики были вынуждены в присутствии аминов пересчитать сумму налога и вновь потребовать его уплаты¹⁴¹. Но новый подсчет также не удовлетворил крестьян, и они в течение еще 30—40 дней отказывались платить налоги. Для разбора жалобы из Бухары прибыл специальный чиновник — Бабаджан Дживачи ясаул.

Безрезультативность первых двух жалоб вынудила шерабадских крестьян жаловаться в третий раз. От имени народа выступили представители низовой сельской администрации, а также наиболее зажиточной части населения, на которых также распространялся произвол податных сборщиков. Для разбора жалобы ходоков прибыл из Бухары Мулла Шараф миrahur амальдар махрам. В результате расследований были установлены факты злоупотреблений амлякдаров, которые вместо 4 ман зерна брали 8 ман¹⁴². С крестьян Шерабада взималось в качестве хараджа от 40 до 50% урожая, различных дополнительных сборов — до 10%, т. е. всего от 50 до 60% урожая¹⁴³. Тяжелый налоговый гнет заставил крестьян обратиться с жалобой к властям.

Прибывший из Бухары для расследования жалобы Мулла Шараф миrahur амальдар махрам предложил в целях успокоения населения выдать на руки крестьянам специальную заверенную местными должностными лицами грамоту, дабы впредь налоги взыскивались в соответствии с нормами, указанными в этой грамоте¹⁴⁴. Перед нами — пример фиксации традиции. Фиксация старинных норм сбора налогов происходит не только из-за боязни восстания крестьян, но и потому, что эмир не был заинтересован в грабительских действиях со стороны местной администрации, ибо разоренные амлякдарами крестьяне не могли быть аккуратными налогоплательщиками, пополняющими его казну. Местные же администраторы, которые часто перемещались по службе, старались как можно больше выжать из народа с целью собственно-го обогащения.

Ни жалобы, ни ограничения налогового произвола администрации фиксацией налоговой традиции не меняли угнетенного положения крестьян. Не выдержав усиливающегося налогового гнета, крестьяне бросали свои дома и земли¹⁴⁵. Так, жители местности Янгиарыка Кикиту, не поладив со своими амлякдарами при уплате налога, переехали в местность Салихабад Шерабада¹⁴⁶.

Ухудшение положения населения Шерабадского бекства отмечается и в докладах Российского политического агентства: «Об-

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 17.

¹⁴³ Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-е гг. XIX в. С. 16—17.

¹⁴⁴ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 80.

¹⁴⁵ Там же, ф. И—3, оп. 2, д. 449, л. 44.

¹⁴⁶ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1201, л. 17.

шее положение дел в Шерабадском бекстве нельзя назвать удовлетворительным. К старым несчастьям бекства — маловодью, малоземелью, общей бедности, задолженности, произволу и алчности администрации, вызвавшим в прошлом году отлив населения в Афганистан, присоединились еще новые факторы: растущая дороживизна на предметы продовольствия, отсутствие правильного подвоза их из соседних бекств и Афганистана, падеж скота и обеднение хозяйства»¹⁴⁷.

Волнение крестьян в Гиссаре и в Бальджуане в 1886 г. В июле 1886 г. произошло столкновение между крестьянами Гиссара и сборщиками налогов. Об этом упоминается в письме российского императорского политического агента Н. Чарыкова от 9 августа 1886 г.¹⁴⁸

В фонде кушбеги сохранилось донесение Муллы Мир Ахмад Раиса¹⁴⁹ эмиру о правителе Гиссара, направившем на сбор хараджа вместе с амлякдарами своих людей. Однако население категорически отказалось платить налог, обосновав свой отказ тем, что хаким самовольно приказал начать сбор налогов, не дожидаясь указания правительства. В местности Ханоко крестьяне избили явившегося для сбора хараджа Абдурахмана миражура амлякдара. Автор донесения сообщает эмиру, что хакимом недовольны не только жители, но даже его приближенные. Правитель Гиссара Абдулмумин хан, чувствуя, что дни его правления в Гиссаре сочтены, старался выкачать с населения как можно большую сумму. Однако крестьяне Гиссара не только категорически отказались платить налоги, но и дали должный отпор явившемуся для их сбора амлякдару.

Восстание на Яхсу в 1886 г. О восстании на Яхсу мы узнаем из донесения чиновника из Дарваза, писавшего: «Некоторое время тому назад в местности Яхсу среди жителей появились люди, ведущие агитацию о том, чтобы не платить налоги. Каждый из ведущих агитацию стал хоряничать в своей общине и собирать никах, тарика, другие сборы, не допуская, чтобы их посещали казии. Обо всем этом писали жалобы покойному эмиру, но ходоков, поехавших с жалобой к эмиру, арестовали». Эмир послал грамоту об аресте агитаторов. После получения эмирского повеления: Мир бий парваначи направил людей для ареста «агитаторов». Но вскоре вступил на престол новый эмир и приказ об аресте был забыт. Местный правитель, временно приостановив преследования, оставил в Яхсу «авторитетного» человека для наблюдения за этими людьми. Упомянутые выше люди, ведущие «агитацию» против власти, снова «подняли голову» и заявили, что власть принадлежит им, а мангытов они к себе не пустят, управление родиной возьмут в свои руки. Здесь восстание приобретает националь-

¹⁴⁷ Там же, ф. И—3, оп. 2, д. 449, л. 44.

¹⁴⁸ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 668, л. 11.

¹⁴⁹ Там же, ф. И—126, оп. 1, д. 1201, л. 7.

но-освободительный характер. «Эти люди выгнали представителя местного правителя, заявив, что в их дела не должен вмешиваться кто-то чужой»¹⁵⁰.

Документ не датирован. Он написан на белой русской бумаге, которая стала широко применяться только во второй половине XIX в. Упоминание в тексте донесения Мир бия парваначи (без имени), как человека всем известного, встречающееся также в сообщениях о муминабадском восстании, свидетельствует, что анализируемый документ относится к тому же времени, что и муминабадские документы, т. е. к восьмидесятым годам. Поэтому сообщение о вступлении на престол нового эмира может относиться только к эмиру Абдулахад хану, начавшему свое правление после смерти отца 31 октября 1885 г.¹⁵¹

В рассматриваемом ариза махрама Дарваза рассказывается о восстании населения Яхсу, начавшемся до вступления на престол нового эмира, т.е. до 31 октября 1885 г. Из текста донесения видно, что восстание на Яхсу при новом эмире началось через значительный промежуток времени после первого выступления, о котором, как сказано в донесении, уже забыли. Поэтому можно предположить, что между данными выступлениями прошло значительное время, возможно, год, когда восставшие жители Яхсу выгнали посланца хакима, направленного для сбора податей, заявив, что управление возьмут в свои руки, а мангытов к себе не пустят.

На наш взгляд, в рассматриваемом донесении излагаются события, предшествовавшие восстанию в октябре-ноябре 1886 г. и отраженные в рапортах начальника Самаркандского отдела Г. А. Арендаренко от 4 декабря 1886 г.¹⁵² и 9 января 1887 г., который писал: «Бывшее в ноябре месяце сопротивление населения местности Яхсу вызвано сбором закятных податей. Был вызван эмировский махрам для расследования жалобы горцев на убийство у них трех человек при усмирении беспорядков»¹⁵³. Но, как сообщает Г. А. Арендаренко, «беспорядки эти были вскоре подавлены беками».

Далее он отмечал, что вообще же беки и амлякдари Куллябского и Бальджуанского бекств нещадно притесняют население, разоряя его постоянными сборами податей, в особенности закята со скота. Поэтому не случайно в обстановке, изложенной в донесении махрама Дарваза, закятачи, приехавшему на Яхсу, было оказано сопротивление. Видимо, тогда же было убито три человека, и население потребовало прибытия махрама для расследования причин убийства. Бухарское правительство, очевидно, вос-

¹⁵⁰ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 18; Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли... С. 97; Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане. С. 103—104.

¹⁵¹ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 639, л. 1.

¹⁵² Там же, д. 667, л. 199.

¹⁵³ Там же, ф. И—3, оп. 2, д. 8, л. 26.

пользовалось этим обстоятельством, чтобы расправиться с непокорным населением. Расправа была жестокой — сожжено несколько селений, руководители восстания отправлены для показательной казни к эмиру.

Так подавляло бухарское правительство выступления населения, осмелившегося идти наперекор воле ставленников эмира¹⁵⁴.

Восстание в Бальджуане в 1886 г. Из донесения должностного лица, направленного, видимо, для разбора жалобы на действия раиса по отношению к локайцам, мы узнаем об этих событиях. Эмирский чиновник вынужден был «информировать эмира о том, что все произошло из-за чрезмерной несправедливости и насилия, которые творил над крестьянами сборщик податей — Одина эшикагабаши»¹⁵⁵. Прибывший из Дарваза для сбора закята-чакона Мирза Закир оценивал каждого барана и козу в две танга. Крестьяне в количестве 500—600 человек, требуя правосудия, отправились с жалобой в Бальджуан, в правительственную канцелярию. Бека в крепости не было. Мирза Шариф миражур — человек сборщика податей Одина эшикагабаши, находившийся в это время в крепости, счел все это беспорядками и с находившимися при нем личными людьми и сарбазами бека избил крестьян, связал их и заковал.

Из документа явствует, что эмирский чиновник вынужден был как бы оправдать крестьян, докладывая, что в «это время никакой провинности со стороны крестьян не было». В документе обращает на себя внимание также то, что изложенные события напоминают начало восстания Восе по устным сведениям, собранным историко-этнографическими экспедициями. Там повстанцы, также перейдя реку, направились в Бальджуан. Крестьян избили и, связав, заковали.

Поскольку в изучаемом документе упоминаются имена сборщиков податей, мы решили сравнить их с именами, приведенными А. Шаоншаевым¹⁵⁶ в описании восстания Восе на основании этнографических данных. А. Шаоншаев называет амлякдара Мирзакори, налоговый произвол которого послужил поводом к восстанию. В анализируемом же нами донесении названы имена других чиновников — Одина эшикагабаши, Мирза Закира и Шариф миражура.

Рассматриваемый документ мы датируем по имени Тюри (принца), упоминаемого в связи с нукерами Гиссара и Дарваза, которые девять месяцев не получали жалованья. В данном случае под этим именем может упоминаться только принц Абдулмумин

¹⁵⁴ Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли... С. 134; Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата... С. 72; Степченко И. А. Из истории народных движений... С. 103. Первые два автора ошибочно датируют восстание 1887 годом.

¹⁵⁵ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1201, л. 49.

¹⁵⁶ Шаоншаев А. Материалхо оид ба шуриши Восе//Барои адабиети социалисти. 1936. № 1. С. 15.

хан, правитель Гиссара. Из сведений из Бухары от 11 августа 1886 г.¹⁵⁷ мы узнаем о перемещении правителя Гиссара Абдулмумин хана в Байсун. Следовательно, изучаемое донесение могло быть написано до 11 августа 1886 г. Гиссарский тюря занимал как правитель области подчиненное положение в отношении к наместнику всей Восточной Бухары, всесильному Худай-Назар аталаыку, а потому все расчеты с нукерами не могли обойтись без участия последнего. Поскольку в донесении ответственным за выплату жалования нукерам назван тюря, можно полагать, что этот документ составлен после смерти Худай-Назар аталаыка, последовавшей 23 декабря 1885 г.¹⁵⁸ Поэтому описание события можно было бы датировать после 23 декабря 1885 г.— до 11 августа 1886 г.

Выступления крестьян Денау в 80-х годах XIX в. Крестьяне Денауского вилайета подали эмиру жалобу на произвол податных сборщиков. Для расследования жалобы эмир направил Сейид Назарбека караулбеки, который совместно с местным казием Мулла Мир Имаматдином отправились в Хизиршах, Хайрабад и другие местности вилайета Денау. Мир Имаматдин доносил эмиру: «...В каждой из этих местностей собралось до тысячи человек арбабов, аксакалов и крестьян, которые, плача, жаловались на притеснения насильников — амлякдаров, взимавших подати не по старинному обычью, а под разными предлогами значительно больше, причиняя народу страдания и бедствия»¹⁵⁹. Интересен факт выступления совместно с крестьянами представителей низовой сельской администрации — арбабов и аксакалов, что свидетельствует о том, что притеснения амлякдаров задели и их интересы.

Под давлением выступивших крестьян амлякдары вынуждены были признаться, что брали налоги, превышая нормы, установленные по обычью. По старинному обычью в Денау с каждого коша земли следовало брать по 22 танга кош-пули, по 1 ману зерна мирабана, по 1 ману зерна даругаги и с 6 ман зерна и 1 ман дунимсир хараджа¹⁶⁰.

При очной ставке с крестьянами амлякдары были вынуждены признаться, «что кош-пули взимали более установленных 22 танга, с каждого мана зерна пянджсир кафсаны, дунимсир мухрана, дунимсир даругаги и 1 тангу катибана»¹⁶¹. А. А. Семенов считал, что кафсан с урожая пшеницы, ячменя, джугары, маша и др. взимался в размере 20 фунтов с каждого 10 манов¹⁶². Казий Мулла Мир Имаматдин писал эмиру, что кафсан взимали в размере пянджсир или 40 фунтов с каждого мана, т. е. в 20 раз более. Сбор

¹⁵⁷ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 666, л. 82.

¹⁵⁸ Там же, д. 670, л. 6.

¹⁵⁹ Мухсинова К. З. К истории выступлений бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в.//Проблемы востоковедения. № 1. 1959. С. 94—99.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства. С. 35.

даругаги в Денау взимали в размере 20 футов с одного мана урожая, или в 15 раз больше положенного по старинному обычью¹⁶³.

Сравнивая размеры всех дополнительных налогов в Денау с размером основного налога хараджа, получим, что с каждого коша земли, который дает примерно 240 ман урожая, собирали, судя по перечисленным в документе нормам сбора налога по старинному обычью, 40 ман хараджа и 64 мана дополнительных сборов, т. е. незаконные сборы превышали основной налог более чем в полтора раза.

Только непосильными налогами можно объяснить факт бегства крестьян. Капитан Покатило в докладной записке от 3 мая 1886 г. писал: «...По дороге из Денау к Карагеину меня поразило то обстоятельство, что на протяжении 50—60 верст прекрасно орошенная земля совсем не засеяна»¹⁶⁴.

Под давлением выступивших крестьян эмирские чиновники были вынуждены зафиксировать нормы сбора по старинному обычью. Составленный при этом акт был скреплен печатями и отдан крестьянам с тем, чтобы ограничить произвол амлякдаров и успокоить крестьян. Фиксация старинных норм сбора налога была не в интересах податных чиновников. Здесь происходит фиксация традиции снизу, в интересах крестьянства. Также было предложено правителю Денау сменить амлякдаров. Документы о крестьянском выступлении в Денауском вилайете не датированы. Но на донесении казия Мулла Мир Имаматдина сохранился отиск его именной печати с датой 1304 г. х.—1886/1887 гг. Во всех донесениях упоминалось имя правителя Денау — Алмас бека бия. Из оттисков его печатей мы узнаем, что он был правителем Денау в 1303 г., х., в 1305 г. х., т. е. в 1885/1888 г. Принимая во внимание дату оттиска печати казия Имаматдина, крестьянское выступление в Денау мы датируем не ранее 30 сентября 1886 г. (когда начался 1304 г. х.) и не позднее 9 августа 1888 г. (когда окончился 1305 г. х., последний год правления Алмас бия в Денау).

Однако, несмотря на фиксацию налоговых норм и назначение новых амлякдаров, положение крестьянства существенно не изменилось. Податные сборщики все так же ухищрялись в выколачивании с крестьян различных налогов, что послужило причиной новых крестьянских выступлений. К. Шаниязов описывает одно из таких крестьянских восстаний в Денауском бекстве в 80-х годах XIX в., которое возглавил дехканин Эрназар-палван¹⁶⁵. По его призыву жители нескольких кишлаков в знак протеста против чрезмерных налогов отказались их платить. Денауский бек Абдерахман направил против восставших вооруженный отряд. Между крестьянами и солдатами произошло столкновение, отряд был разбит, бек спасся бегством. Восставшие во главе с Эрназар-пал-

¹⁶³ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1267, л. 60.

¹⁶⁴ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 670, л. 74.

¹⁶⁵ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент. 1964. С. 136.

ваном заняли крепость Денау и удерживали ее в своих руках около полутора месяцев. Бухарский эмир вынужден был послать в Денау крупные военные силы, окружившие город. Несколько дней осажденные успешно отражали атаки эмирских наемников, но в результате предательства войскам эмира удалось проникнуть в крепость. 48 участников восстания были повешены в Дербентском ущелье.

О крестьянском выступлении в Денау упоминает и Д. И. Логофет¹⁶⁶. Слухи о восстании в Денау дошли и до Ташкента, и Петербурга. Российский политический агент в Бухаре во время пребывания у кушбеги просил его подробно описать события, произошедшие в Денау, ибо Ташкент и Петербург требовали об этом сведения¹⁶⁷.

Таким образом, мы видим, что крестьяне Денау на протяжении небольшого отрезка времени несколько раз выступали против налогового произвола податных сборщиков. Первое из описанных нами крестьянских выступлений закончилось незначительной победой крестьян, второе — полным поражением, казнью участников. Однако репрессии не могли запугать народ. Крестьянские волнения вспыхивали повсеместно.

Восстание Восе. А. Шаоншаев считает, что восстание Восе, начавшись в 1885 г., продолжалось и в 1886 г.¹⁶⁸ По мнению Б. Г. Гафурова¹⁶⁹, З. Ш. Раджабова¹⁷⁰ и Б. И. Искандарова¹⁷¹, восстание Восе произошло в 1885 г. Однако следует отметить, что Б. И. Искандаровставил вопрос о пересмотре этой датировки. И. А. Стеценко, сопоставив этнографический материал с некоторыми архивными данными, пришел к правильному выводу о том, что восстание это произошло в 1888 г.¹⁷² На наш взгляд, эта датировка соответствует действительности, поскольку она подтверждается архивными данными.

Изучение архивных документов позволяет внести корректизы в описание хода восстания Восе, данное упомянутыми исследователями¹⁷³.

Первым по времени документом, извещавшим о восстании, является телеграмма российского императорского политического

¹⁶⁶ Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом. Слб., 1911. С. 164.

¹⁶⁷ ЦГА РУз, ф. И—126, оп. 1, д. 1201, л. 8.

¹⁶⁸ Гафуров Б. Г. История таджикского народа... С. 446.

¹⁶⁹ Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли... С. 96.

¹⁷⁰ Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана под руководством Восе//Известия АН Таджикистана. 1953. № 4. С. 72; Он же. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958. С. 72—85.

¹⁷¹ Шаоншаев А. Материалҳо оид ба шуриши Восе//Барои адабиети социалисти. 1936. № 1. С. 15—17.

¹⁷² Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане... С. 107.

¹⁷³ Мухсинова К. З. Новое о восстании Восе//Общественные науки в Узбекистане. 1963. № 10. С. 52—55.

агента в Бухаре Н. Чарыкова Туркестанскому генерал-губернатору Н. О. Розенбау от 5 июля 1888 г.: «...в Бальджуане горцы племени локай убили туксабу, коего эмир бухарский послал собирать закят, и трех или четырех солдат и ушли в горы...»¹⁷⁴.

Информация из Бухары Туркестанскому генерал-губернатору о ходе восстания поступала довольно аккуратно. Так, в сведениях из Бухары от 9 июля 1888 г. сообщалось об Акрамбеке саркарда, отправленном с тысячью сарбазов и двенадцатью амальдарами в Бальджуан, где «отложилось» племя локай. Там же указывалось, что начальник Бальджуана застрелен локайцами¹⁷⁵.

В донесениях от 7 июля 1888 г. говорилось о посылке Астанкулом кушбеги эмиру из Бальджуана в Шахрисабз 130 арестованных¹⁷⁶, захваченных из «отложившихся» бальджуанцев.

18 июля 1888 г. Акрамбек, отправленный в Бальджуан, не мог выехать, так как там население «отложилось»¹⁷⁷.

В сведениях от 21 июля 1888 г. сообщалось о выступлении Акрамбека из Шахрисабза против «отложившихся» локайцев¹⁷⁸.

Тогда же сообщалось, что «восставшее племя локай остается все еще в одном и том же положении. Тысяча человек сарбазов из Шахрисабза выступили в Бальджуан¹⁷⁹. Но уже в сведениях от 28 июля 1888 г. указывалось, что в Бальджуане и Гиссаре воцарилось полное спокойствие. Руководители восстания бежали в Бадахшан. В Бальджуане Акрамбек занял место убитого Садык бека¹⁸⁰.

В донесении от 3 августа 1888 г. сообщалось, что Астанкул бек кушбеги гиссарский выступил с войсками в Дарваз и Бальджуан. Из тысячи человек сарбазов, отправленных из Карши в Гиссар, восемьдесят человек, не выдержав жары, в пути умерли¹⁸¹. 6 августа поступило известие, что Астанкул бек кушбеги покорил все население, которое «отложилось»¹⁸². В сообщении от 17 августа говорилось о посылке Астанкул беком кушбеги из Бальджуана в Шахрисабз 130 человек арестованных¹⁸³.

В сведениях из Бухары от 27 августа сообщалось, что 40 человек из числа повстанцев преданы смертной казни в Бальджуане, а два руководителя были привезены и преданы смертной казни в Китабе¹⁸⁴.

Описанное восстание, судя по приведенным данным, продол-

¹⁷⁴ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 693, л. 10.

¹⁷⁵ Там же, д. 685, л. 102.

¹⁷⁶ Там же, ф. И—3, оп. 2, д. 10, л. 146.

¹⁷⁷ Там же, л. 91.

¹⁷⁸ ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 30.

¹⁷⁹ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 686, л. 112; ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 30.

¹⁸⁰ ЦГА РУз, ф. И—3, оп. 2, д. 10, л. 130.

¹⁸¹ Там же, л. 127.

¹⁸² Там же, л. 139.

¹⁸³ Там же, ф. И—1, оп. 34, д. 685, л. 138.

¹⁸⁴ Там же, л. 154.

жалось с начала июля по 28 июля 1888 г. и было подавлено гиссарским беком Астанкулом кушбеги, в распоряжении которого, помимо гиссарских войск, находились тысяча сарбазов, присланных эмиром для подавления восстания.

На наш взгляд, об этом же восстании писал самаркандский уездный начальник Г. А. Арендаренко в рапорте от 16 августа 1886 г. и. о. военного губернатора Самаркандской области полковнику М. Пукалову. Он сообщал о «возмущении» кулябцев, живущих в местности Шуробдора, действиями бека, сборщика подати. Шуробдоринцы, выказав прежнему сборщику полное неповиновение, вместо него назначили муллу Васича. Астанкулу-диванбеги, явившемуся с отрядом для подавления волнения, жители Бальджуана сначала даже отважились оказать сопротивление. В этом столкновении, по слухам, с обеих сторон было убито по несколько человек, но это сопротивление продолжалось всего два часа. Затем, докладывает Г. А. Арендаренко, восставшие, не выдержав натиска отряда диванбеги, обратились в бегство. Глава повстанцев скрылся, но многие участники восстания были пойманы¹⁸⁵. Данных о других восстаниях, кроме того, что произошло в начале июля и продолжалось до конца июля 1888 г., не имеется.

Описания хода восстания, приведенные в двух источниках, в основном сходные, разнятся они только в том, что один автор называет восставших «бальджуанскими локайцами», другой — «кулябцами». Локайские племена расселялись и в Бальджуанском, и в Кулябском бекствах¹⁸⁶.

Вероятно, восстание, начавшееся среди кулябских локайцев, быстро распространилось и среди бальджуанских локайцев. Военные действия в дальнейшем развернулись на территории Бальджуана и поэтому Г. А. Арендаренко сообщал о восстании «бальджуанских локайцев». Кулябца из Шуробдары муллу Васича можно отождествить с известным предводителем народного восстания — Восе. Об этом писал и Б. И. Искандаров¹⁸⁷. Имя Васич является, видимо, искаженной формой от Восе — واسع.

Оно переводилось переводчиками-татарами как Васиг, но «г» похоже на «ч», поэтому легко могла быть допущена ошибка и вместо «Восе» получалось «Васич».

В момент написания рапорта Г. А. Арендаренко, т. е. 16 августа 1888 г., судя по содержанию, Восе еще не был схвачен. О казни двух предводителей восстания сообщалось только 27 августа 1888 г.

Более подробное описание этих событий дано в письме военного губернатора Ферганской области Н. И. Королькова правителю Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора К. А. Нес-

¹⁸⁵ Там же, л. 135; ф. И—3, оп. 2, д. 10, л. 148; ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 30.

¹⁸⁶ Карамышева Б. Л. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана//Труды АН ТаджССР. Т. XXVIII. 1954. С. 7.

¹⁸⁷ Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958. С. 77.

теровскому от 4 декабря 1888 г. Основываясь на рассказах прибывших каратегинских торговцев, он писал: «Каратегинский бек послал одного из почетных лиц для сбора закята с горных кочевников в местности, подведомственной кулябскому беку. Закятчи, приехав в кишлак Ховалинг, потребовал взноса закята. Старшины ответили, что народ не имеет денег, а потому просили принять закят скотом. Но закятчи ввиду полученного указания не согласился на это предложение и настаивал на взносе деньгами. Собравшиеся жители начали угрожать ему. Видя, что волнение населения принимает опасный характер, сборщик закята дал знать об этом в Бальджуан тамошнему военачальнику, прося помочь, куда, не дожидаясь помощи, затем бежал и сам. Бальджуанский военачальник, получив это известие, немедленно двинулся с имеющимися при нем сарбазами в Ховалинг, где имел горячую схватку с вооруженными жителями всего Кулябского района, причем с обеих сторон были раненые и убитые, а в числе последних и закятчи»¹⁸⁸.

Существуют и другие версии относительно убийства закятчи. В письме Н. И. Королькова восставшие называются «горными кочевниками», «подведомственными кулябскому беку», так же, как и в рапорте Г. А. Арендаренко. Таким образом, здесь речь, видимо, идет о том же восстании Восе. Во всех приведенных документах описания повода восстания сходятся. Расхождение в деталях объясняется тем, что были различные информаторы. Так, Н. И. Королькова информировали каратегинские купцы, Г. А. Арендаренко — пенджикентский участковый пристав, а политического агента — бухарцы. Однако все приведенные документы повествуют о восстании среди горных племен кочевников — локайцев, продолжавшегося с начала июля до 28 июля 1888 г.

Следует отметить, что А. И. Стеценко¹⁸⁹, на наш взгляд, абсолютно неверно считает восстание Восе и восстание, о котором рассказывали каратегинские купцы, двумя самостоятельными выступлениями.

На основании изученных нами документов можно утверждать, что поводом к восстанию Восе послужил налоговый произвол сборщика закята. Восстание началось среди горцев из Шуробдора и быстро распространилось не только среди кулябских, но и бальджуанских локайцев, вплоть до Гиссара и Дарваза¹⁹⁰. Это подтверждается и воспоминаниями, собранными Л. Бузург-зода и Р. Джалиловым¹⁹¹.

Руководителем восстания был мулла Васич, или Восе, из шуробдоринцев. В первых числах июля 1888 г. кочевники-узбеки ро-

¹⁸⁸ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 693, л. 139.

¹⁸⁹ Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в. (1870—1917). Душанбе, 1963.

¹⁹⁰ ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 685, л. 112.

¹⁹¹ Бузург-зода Л. ва Джалилов Р. Инъикоси шуриши Восе дар фольклор. Душанбе, 1941. С. 125.

да локай, жившие в местности Шуробдоро, попросили разрешения платить закят скотом, а не деньгами. Отвергнув требование сборщика закята уплатить налог обязательно деньгами, локайцы убили его и ушли в горы. Бальджуанский военачальник Садык бек, получив известие о событиях в Шуробдоро, немедленно двинулся с войсками против восставших. В Ховалинге произошло сражение между войсками Садык бека и вооруженными жителями. Восставшие разгромили бухарцев, военачальник был убит. Одержав победу, крестьяне овладели всем Ховалингом. Дома богачей и чиновников были разграблены. Восе разослал во все кишлаки Кулайской и Бальджуанской областей своих людей с призывом присоединиться к восстанию.

По приказу эмира для подавления восстания из Бухары были отправлены дополнительные войска — тысяча сарбазов и двенадцать альмадаров во главе с военачальником Акрамбеком.

В конце июля 1888 г. в Бальджуане произошло второе сражение крестьян с войсками Астанкула күшбеги. Многочисленные и хорошо вооруженные войска Астанкула күшбеги одержали победу. Судя по донесению Г. А. Арендаренко, сопротивление повстанцев продолжалось всего часа два¹⁹².

Расправа с повстанцами была жестокой. Сорок человек были казнены в Бальджуане, двое руководителей (одним из которых был, видимо, Восе) — в Китабе в конце августа 1888 г.

Народное восстание, возглавленное крестьянином Восе, было одним из самых крупных выступлений народных масс в Средней Азии. Среди повстанцев были представители узбекского, таджикского, киргизского и других народов, населявших Восточную Бухару.

Волнение в Келифском бекстве в 1889 г. О тревожном настроении жителей кишлаков, расположенных вокруг Келифа, поступали сообщения еще в 1888 г.¹⁹³ Эта накаленная атмосфера вылилась в 1889 г. в волнение крестьян в Келифском бекстве. Доведенные до отчаяния поборами бека, крестьяне, собравшись в группу из 500 человек, избили его. Выступление келифских крестьян было подавлено с помощью царских войск¹⁹⁴.

Волнения в Нураге в 1898 г. В августе 1898 г. в г. Нураге произошло столкновение между казахами, пригнавшими на нуратинский базар барабанов, и местным амином из-за арендной платы. В столкновении участвовало с обеих сторон до 250 человек. Можно полностью согласиться с З. Ш. Раджабовым, который считает, что это волнение было вызвано не только возмущением по поводу высокой арендной платы, оно явилось одним из проявлений вражды кишлачных масс к бекской администрации¹⁹⁵.

¹⁹² ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 34, д. 685, л. 135.

¹⁹³ Там же, ф. И—2, оп. 1, д. 26, л. 23.

¹⁹⁴ Там же, ф. И—3, оп. 1, д. 228, л. 30.

¹⁹⁵ Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в. Душанбе, 1957. С. 98.

Волнение в Келифе в 1899 г. 10 мая 1899 г. бек Келифа избил одного из поселян, не имевшего возможности уплатить налог. Возмущенные жители поселка напали на бека, но его спасли работники русской таможни. Когда народ начал собираться, русские воинские части разогнали собравшихся, многих арестовали, 65 человек заточили в колодцы. День и ночь раздавались крики истязаемых жертв¹⁹⁶. Так жестоко расправлялись власти с участниками восстания.

* * *

На основании всего изложенного можно сделать следующие выводы. Крестьянское движение в Бухарском эмирате в 70—90-е годы XIX в. охватило широкие народные массы и достигло в отдельных случаях степени крупных вооруженных восстаний. Оно было вызвано чрезвычайно тяжелым социально-экономическим положением, непосильным гнетом, ростовщической кабалой, различными факторами внеэкономического принуждения. Поводом к крестьянским выступлениям чаще всего служили введение новых налогов, произвольное увеличение налоговых ставок, требование уплаты налога деньгами и т. д.

Основной движущей силой рассматриваемых нами движений были трудящиеся массы земледельцев и скотоводов. Трудовое население не только поддерживало, но и принимало самое активное участие в движении. Так, восстание Восе охватило всех жителей Кулябской, Бальджуанской и Гиссарской областей. Тысячи крестьян участвовали в восстании в Муминабаде. В ряде случаев среди повстанцев были женщины, как, например, в Денау.

Классовая борьба приобретала интернациональный характер. Трудящиеся узбеки и таджики выступали совместно против своих классовых врагов — феодалов. Так, восстание Восе, начавшееся среди узбекских локайских родов, быстро распространилось по Кулябской и Бальджуанской областям, основное население которых составляли таджики. В восстании в Муминабаде также принимали участие узбеки и таджики.

В ходе крестьянских движений из народной среды выдвигались отдельные герои — руководители восстаний. Восстание в Муминабаде возглавили Раҳман, Мухаммад Алим, Одина Мухаммад и т. д. Широко известно имя народного героя Восе, руководителя восстания 1888 г. в Бальджуане. Верхушка локайских родов, примкнувшая к восстанию, сыграла предательскую роль. Подкупленные Астанкулом күшбеги богатые главари племени перешли на сторону феодалов, предав восставших.

В рассматриваемый период не проходило года, чтобы где-либо не вспыхнуло восстание или волнение крестьян. В эти же годы

¹⁹⁶ Там же.

отмечается огромное количество крестьянских жалоб, посылка ходоков, отказы от уплаты налогов, бегство в другие области и в Афганистан. Особенно активизировались крестьянские движения в 80-х годах XIX в., что объясняется усилением эксплуатации и ухудшением положения крестьянства. Именно в эти годы в связи с развитием товарно-денежных отношений отмечается переход от частично натурального к полному денежному обложению налогами. Внедрение хлопчатника, требовавшего свободных оборотных средств, способствовало еще большему закабалению беднейших слоев крестьянства феодалами и ростовщиками. Усилилось расслоение крестьянства. Все это обострило классовые противоречия.

Крестьянские выступления в Шерабаде и в Денау в 1885—1886 гг. закончились частичной победой крестьян — фиксацией налоговой традиции с целью ограничения дальнейших злоупотреблений амлякдаров. Положительным итогом восстания крестьян в Муминабаде явилось смещение ненавистного народу правителя Кулляба. Однако, несмотря на отдельные успехи, крестьянские восстания чаще заканчивались полным поражением, разгромом повстанцев. Они не имели четкой политической программы, ясно осознанной конечной цели, организации и руководства, а потому были обречены на поражение. Как правило, они носили локальный, разобщенный характер и не распространялись за пределы отдельных местностей. Крестьяне боролись только за свои, местные интересы, как, например, это было в Муминабаде, на Яхсу, в Бальджуане. «Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения»¹⁹⁷, что явилось одной из причин слабости крестьянских движений и способствовало их поражению.

В. И. Ленин писал о причинах поражений восстаний крестьян России: «Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было не подготовлено. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями»¹⁹⁸.

Это высказывание В. И. Ленина о причинах поражения крестьянских восстаний полностью отражает и характер крестьянских движений в Бухарском эмирате.

¹⁹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 357.

¹⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 196.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход Бухарского эмирата под протекторат русского царизма имел некоторые объективные прогрессивные последствия. Было ликвидировано рабство, постепенно прекратились феодальные междуусобицы. В сельском хозяйстве стали быстрее развиваться товарно-денежные отношения. Открывались филиалы торговых домов и компаний, а также различные конторы и товарищества по транспортировке грузов в Россию, отделения государственного и филиалы частных банков. Эмирят втягивался в мировое товарное обращение.

Поскольку в эмирата господствовали еще феодальные отношения, русские фирмы и банки вынуждены были приспособливаться к существующим условиям и зачастую применяли докапиталистические методы эксплуатации, например, как раздача крестьянам бунака, являвшегося по существу ростовщикским кредитом.

Тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся масс эмирата многочисленные налоги и повинности. Так как рента здесь почти совпадала с налогом, именно налоги были основной формой эксплуатации крестьян.

С ростом товарно-денежных отношений осуществился переход от частично натурального к полному денежному обложению. При этом старались не разрушать старинных, веками сложившихся порядков налоговой системы. Этот порядок оставлял широкое поле для злоупотреблений налоговых сборщиков. Старая налоговая система с ее медлительным темпом и неповоротливыми формами процедуры определения урожая на корню, опечатывания хирманов, запросами о рыночных ценах и необходимостью получать «эмирские цены» была крайне разорительна для крестьян. Горой трудно было решить, от чего крестьяне больше страдали: от непомерно высоких и многочисленных налогов или от устарелой системы их сбора, дающей сборщикам налогов слишком много возможностей для обмана и обсчета крестьян.

Налоги и сборы взимались на основе сложившейся в каждой отдельной местности на протяжении ряда лет налоговой традиции — та'амул-и кадим, поэтому даже в соседних районах виды сборов и их нормы различались. Крестьяне должны были платить

только те налоги, которые составляли налоговую традицию данной местности. Нарушение амлякдарами норм сбора вызывало крестьянские протесты. С целью ограничить налоговый произвол податной администрации в 80-е годы XIX в. под давлением выступивших крестьян происходит фиксация налоговой традиции в вилайетах, как, например, в Шерабаде и Денау. Но никакие меры не могли приостановить злоупотребления податных сборщиков, старавшихся взыскать более положенного и ввести новые налоги и сборы.

Именно в 80—90-е годы отмечается рост налогообложения. Основной поземельный налог достиг 40% урожая, сопутствующий хараджу сбор кафсан возрос в 20 раз, даругаги — в 16 раз, кошпули — в три с половиной раза и т. п. Причем такие сборы, как кафсан, даругаги и некоторые другие в туманах Бухары отправлялись в казну как дополнение к хараджу. Тяжело отражалось на положении крестьян выполнение различных повинностей: хашар, превратившийся из товарищеской взаимопомощи в своеобразную форму барщины на полях феодалов и чиновников; общественные работы по очистке оросительной сети; повинности по постою и продовольствию проходящих войсковых частей, а также подводная повинность не только для бухарских чиновников, но и администрации царских гарнизонов. Обобранные податными сборщиками, бухарские крестьяне, оставшись без средств для ведения хозяйства, были вынуждены обращаться к ростовщикам и баям за получением ссуды и попадали в долговую кабалу. Заметно увеличилось число малоземельных и безземельных крестьян. Лихшившись из-за долгов земли, крестьяне шли наниматься на обработку земель издольщиками к крупным землевладельцам. Издольщина определялась в эмиратах на одну треть, четверть, одну шестую и восьмую части урожая. Разница между положением самостоятельного крестьянина и издольщика была очень велика не только в экономическом, но и в юридическом смысле — ведь издольщик был обязан беспрекословно выполнять любые распоряжения хозяина и почти не мог освободиться от этой кабалы. Еще более подневольную категорию бухарских крестьян представляли каранда, обрабатывавшие земли танхо. Каранда подвергались двойной эксплуатации — со стороны своего хозяина танхочура и местного амлякдара. Самой униженной и бесправной частью крестьянства были батраки (ятими). Они работали на хозяина и жили в его доме, выполняя роль домашних слуг, и не были самостоятельными даже в своей личной жизни.

Усиление национального и колониального гнета вело к активизации крестьянского движения. Особенностью классовой борьбы крестьянства в 80-х годах XIX в. являлся рост антналоговых выступлений, связанных с усилением государственного аппарата последних представителей Мангытской династии и ростом налогообложения. Антналоговая борьба имела своим следствием борьбу против государства феодального типа.

Крестьянство эмирата очень часто выступало совместно с представителями низовой сельской администрации, чьи интересы также задевались произволом податных сборщиков, его поддерживали городские низы, как, например, в период восстания в Муминабаде. Несмотря на то, что крестьянские выступления не выработали политической программы, выражавшей самосознание крестьянства как класса, они имели большое значение в смысле идейного роста крестьянства, начинавшего осознавать, во имя чего надо бороться.

Огромное количество крестьянских жалоб и других мелких форм протesta наряду с крестьянскими восстаниями являлись свидетельством того, что в эмирата не было социального мира, там постоянно вспыхивали протесты, волнения и восстания, расшатывавшие устои эмирата и создававшие предпосылки для последующей победы народной революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ	10
Формы землевладения	10
Состояние сельского хозяйства	23
Глава II. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА	35
Налоги и сборы	35
Виды ростовщической деятельности и аренды земель	67
Глава III. ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС	77
Мелкие формы крестьянского движения	77
Крестьянские восстания	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112

Қауқаб Захидовна Ҳакимова

**КРЕСТЬЯНСТВО БУХАРСКОГО ЭМИРАТА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

(Социально-экономическое положение и движение народных масс)

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
Бюро отделения общественно-гуманитарных наук АН РУз*

Редактор *Л. А. Леус* .
Технический редактор *Р. К. Лушникова*

ИБ № 5175

Сдано в набор 6.11.91. Подписано к печати 19.12.91. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага типографи-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,25. Уч.-изд. л.
Тираж 500. Заказ 298. Цена 4 р.

Издательство «Фан» АН РУз: Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

4 p.